

Ибероамериканские тетради → №02

Том VIII
2020

ISSN (Print) 2409-3416
ISSN (Online) 2658-5219

Cuadernos Iberoamericanos

Ибероамериканские тетради

• №02

ISSN (Print) 2409-3416
ISSN (Online) 2658-5219
DOI: 10.46272/2409-3416-2020-8-2

Том VIII
2020

В научном журнале рассматриваются тенденции
и перспективы политического и экономического развития
Иberoамериканского региона.

Издается с 2013 г.

Выходит 4 раза в год.

→ Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Московский
государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

→ Главный редактор

Габарта Анджей Артурович

→ Заместитель главного редактора

Попов Иван Владимирович

→ Редакторы выпуска

Неклюдов Никита Яковлевич
Павлов Владимир Владимирович
Самойловская Наталия Александровна
Ткач Дмитрий Николаевич

Компьютерная верстка: Талалаевский Алексей Владимирович

Дизайн: Левицкая Вероника Евгеньевна

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

© ИМИ МГИМО МИД России, 2020

www.iberpapers.org
submissions@iberpapers.org

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-78906 от 7 августа 2020 г.

ISSN (Versión papel) 2409-3416
ISSN (Electrónico) 2658-5219
DOI: 10.46272/2409-3416-2020-8-2

Vol. VIII
2020

La revista se dedica al estudio de las tendencias y perspectivas del desarrollo político y económico de la región iberoamericana.

Año de creación: 2013.

Periodicidad: 4 números al año (trimestral).

→ Fundador

Instituto Estatal de Relaciones Internacionales de Moscú
adjunto al Ministerio de Asuntos Exteriores de la Federación
de Rusia (Universidad MGIMO)

→ Presidente del Consejo Editorial

Andrzej A. Habarta

→ Vicepresidente del Consejo Editorial

Ivan V. Popov

→ Redacción

Nikita Y. Neklyudov
Vladimir V. Pavlov
Natalia A. Samoylovskaya
Dmitry N. Tkach

Diseño editorial: Alexey V. Talalayevskiy

Diseño: Veronica E. Levitskaya

Esta revista es indizada por el Índice de Citación Científica de Rusia

Iberoamerican Papers

• No. 02

Iberoamerikanskije tetradi
ISSN (Print) 2409-3416
ISSN (Online) 2658-5219
DOI: 10.46272/2409-3416-2020-8-2

Vol. VIII
2020

The academic journal focuses on important trends and scenarios of political and economic development of the Iberoamerican region.
Established in 2013.
Published on a quarterly basis.

→ Founder

Federal State Autonomous Institution of Higher Education
"Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation"

→ Editor-in-Chief

Andrzej A. Habarta

→ Deputy Editor-in-Chief

Ivan V. Popov

→ Editors

Nikita Y. Neklyudov
Vladimir V. Pavlov
Natalia A. Samoylovskaya
Dmitry N. Tkach

Desktop Publishing: Alexey V. Talalayevskiy
Design: Veronica E. Levitskaya

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index

© IIS, MGIMO University, 2020

www.iberpapers.org
submissions@iberpapers.org

Mass Media Registration Certificate
ПИ No. FS77-78906 of August 7, 2020

Международный редакционный и научно-экспертный совет

Л.С. Окунева, доктор исторических наук, МГИМО МИД России, председатель Совета

А.А. Габарта, кандидат экономических наук, МГИМО МИД России, главный редактор

И.В. Попов, кандидат исторических наук, МГИМО МИД России, заместитель главного редактора

У. Александро Санчес, Центр международной морской безопасности, США

Н.Е. Анিকেва, доктор исторических наук, МГИМО МИД России

П. Ботта, доктор международных отношений, Католический университет Аргентины

А.Х. Верду-Ховер, доктор экономических наук, Университет Мигеля Эрнандеса, Испания

О.В. Волосюк, доктор исторических наук, НИУ ВШЭ

Р. Гусман Тирадо, доктор филологии, Университет Гранады, Испания

В.М. Давыдов, член-корреспондент РАН, ИЛА РАН

Д.А. Дегтерев, доктор политических наук, кандидат экономических наук, РУДН

А.Л. Дюффе Монтальбан, доктор филологии, Университет Ренн 2, Франция

Х. Касальс Льяно, доктор экономики, Высший институт международных отношений им. Рауля Роа Гарсиа МИД Кубы

М.В. Ларионова, кандидат филологических наук, МГИМО МИД России

Б.Ф. Мартынов, доктор политических наук, МГИМО МИД России

О.А. Масалова, кандидат исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет

М.П. Молоезник, доктор юридических наук, Университет Гвадалахары, Мексика

Х. Моралес Эрнандес, доктор международных отношений, Мадридский университет Комплутенсе, Испания

Р. дель Мораль, доктор филологии, Президент Европейской ассоциации преподавателей испанского языка, Испания

Х. де Ойос Пуэнте, доктор географии и истории, Национальный университет начального обучения, Испания

А.А. Орлов, кандидат исторических наук, МГИМО МИД России

К. дель Прадо Игера, доктор истории, Университет Короля Хуана Карлоса, Испания

И.Л. Прохоренко, доктор политических наук, ИМЭМО РАН

Э. Сан Мигель Перес, Университет Короля Хуана Карлоса, Испания

А. Санчес-Андрес, доктор экономики, Университет Валенсии, Испания

К. Уриарте Санчес, доктор юридических наук, Университет Короля Хуана Карлоса, Испания

П.А. Фернандес Санчес, доктор юридических наук, Университет Севильи, Испания

В.Л. Хейфец, доктор исторических наук, СПбГУ

Л.С. Хейфец, доктор исторических наук, СПбГУ

С.М. Хенкин, доктор исторических наук, МГИМО МИД России

А.В. Шестопал, доктор философских наук, МГИМО МИД России

Consejo Internacional de Expertos Científicos

Presidenta del Consejo Académico Internacional **Dra. L. Okuneva** (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Presidente del Consejo Editorial **Dr. A. Habarta** (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Vicepresidente del Consejo Editorial **Dr. I. Popov** (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

W. Alejandro Sanchez (Centro de Seguridad Marítima Internacional, Estados Unidos)

Dra. N. Anikeeva (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dr. P. Botta (Universidad Católica Argentina)

Dr. J. Casals Llano (Instituto Superior de Relaciones Internacionales "Raúl Roa García", Cuba)

Miembro-Correspondiente de la Academia de ciencias de Rusia **V. Davydov** (Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia)

Dr. D. Degterev (Universidad RUDN, Federación de Rusia)

Dra. A.L. Duffé Montalván (Universidad Rennes 2, Francia)

Dr. P.A. Fernández Sánchez (Universidad de Sevilla, España)

Dr. R. Guzmán Tirado (Universidad de Granada, España)

Dr. J. de Hoyos Puente (Universidad Nacional de Educación a Distancia, España)

Dr. L. Jéifets (Universidad Estatal de San Petersburgo, Federación de Rusia)

Dr. V. Jéifets (Universidad Estatal de San Petersburgo, Federación de Rusia)

Dr. S. Khenkin (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dra. M. Larionova (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dr. B. Martynov (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dra. O. Masalova (Universidad Federal de Kazán, Federación de Rusia)

Dr. M.P. Moloeznik (Universidad de Guadalajara, México)

Dr. R. del Moral (Presidente, Asociación Europea de Profesores de Español, España)

Dr. J. Morales Hernández (Universidad Complutense de Madrid, España)

Dr. A. Orlov (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dra. C. del Prado Higuera (Universidad Rey Juan Carlos de Madrid, España)

Dra. I. Prokhorenko (Instituto de Economía Mundial y Relaciones Internacionales de la Academia de Ciencias de Rusia)

Dr. E. San Miguel Pérez (Universidad Rey Juan Carlos de Madrid, España)

Dr. A. Sánchez-Andrés (Universitat de València, España)

Dr. A. Shestopal (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dr. C. Uriarte Sánchez (Universidad Rey Juan Carlos de Madrid, España)

Dr. A.J. Verdú-Jover (Universitas Miguel Hernández, España)

Dra. O. Volosyuk (Universidad ESE, Federación de Rusia)

International Editorial and Expert Advisory Board

President of the Board **Dr. L. Okuneva** (MGIMO University, Russian Federation)

Editor-in-Chief **Dr. A. Habarta** (MGIMO University, Russian Federation)

Deputy Editor-in-Chief **Dr. I. Popov** (MGIMO University, Russian Federation)

W. Alejandro Sanchez (Center for International Maritime Security, USA)

Dr. N. Anikeeva (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. P. Botta (Catholic University of Argentina)

Dr. J. Casals Llano (Higher Institute of International Relations "Raúl Roa García", Cuba)

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences **V. Davydov** (Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences)

Dr. D. Degterev (RUDN University, Russian Federation)

Dr. A.L. Duffé Montalván (University Rennes 2, France)

Dr. P.A. Fernández Sánchez (University of Sevilla, Spain)

Dr. R. Guzmán Tirado (University of Granada, Spain)

Dr. J. de Hoyos Puente (National University of Distant Education, Spain)

Dr. L. Jéifets (Saint-Petersburg State University, Russian Federation)

Dr. V. Jéifets (Saint-Petersburg State University, Russian Federation)

Dr. S. Khenkin (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. M. Larionova (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. B. Martynov (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. O. Masalova (Kazan Federal University, Russian Federation)

Dr. M.P. Moloeznik (University of Guadalajara, Mexico)

Dr. R. del Moral (President, European Association of Professors of Spanish, Spain)

Dr. J. Morales Hernández (Complutense University of Madrid, Spain)

Dr. A. Orlov (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. C. del Prado Higuera (King Juan Carlos University, Spain)

Dr. I. Prokhorenko (Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences)

Dr. E. San Miguel Pérez (King Juan Carlos University, Spain)

Dr. A. Sánchez-Andrés (University of Valencia, Spain)

Dr. A. Shestopal (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. C. Uriarte Sánchez (King Juan Carlos University, Spain)

Dr. A.J. Verdú-Jover (Miguel Hernández University, Spain)

Dr. O. Volosyuk (HSE University, Russian Federation)

Содержание • Índice

Испания в XXI веке • España en el siglo XXI

→ 7 От главного редактора • Presentación

Международные отношения • Relaciones internacionales

→ 9 **И.Л. Прохоренко**
Стратегия Испании в Организации Объединенных Наций
Irina Prokhorenko
The strategy of Spain in the United Nations

Политика • Política

→ 19 **А.А. Куракина-Дамир**
Изменение электорального ландшафта Испании (2015–2019 гг.)
Alexandra Kurakina-Damir
The changing electoral landscape of Spain (2015–2019)

→ 31 **А.Л. Дунаев**
Левые и правые популисты в Испании: от истоков до пандемии
коронавируса
Alexander Dunaev
Left and right populists in Spain: from origins to COVID pandemics

Перспектива • Perspectiva

- **42** **José Enrique de Ayala**
La cuestión catalana: origen, desarrollo, y perspectivas
Хосе Энрике де Айала
Каталонский вопрос: происхождение, эволюция и перспективы
- **65** **Ánna Makárycheva**
La postura de la Unión Europea frente al separatismo en Cataluña
А.В. Макарычева
Позиция Европейского Союза по вопросу каталонского сепаратизма

Рецензии • Revisión

- **76** **М.В. Ларионова**
Каталонское противостояние: знать прошлое, чтобы понять будущее
Marina Larionova
Catalan confrontation: knowing the past to understand the future

Золотой фонд • Fondo de oro

- **81** **И.В. Попов**
Юрий Владимирович Дубинин: биографический очерк
Ivan Popov
Yuri V. Dubinin: a biography
- **84** **Е.А. Акифьева**
Круглый стол «Время перемен. К 90-летию Ю.В. Дубинина»
Elizaveta Akifyeva
Times of change. A roundtable in memory of Yuri Dubinin

- **89** **Для авторов • Para los autores**

Уважаемые читатели,

Представляем Вашему вниманию новый номер журнала «Ибероамериканские тетради». Как и предыдущий номер, мы решили сделать его тематическим – полностью посвятить Испании в XXI веке.

У истоков образования современной Испании лежит династический союз Изабеллы I Кастильской и Фердинанда II Арагонского в XV веке, чей брак привел к объединению двух иберийских королевств – Кастилии и Леона и Арагона. Испания как единое государство начало складываться именно в эпоху правления католических королей. Хотя данная страна на протяжении большей части своей истории не была монолитным государственным образованием – национальные 'окраины' часто заявляли о своей особенностях – зарождение национального вопроса и рост сепаратистских настроений стали наблюдаться в Испании только в XIX веке с развитием капиталистических отношений, индустриализации и появлением буржуазии как отдельного социального класса. Первая попытка каталонцев отделиться от Испании была предпринята в 1871 году, но она не увенчалась успехом. После свержения военной диктатуры генерала Примо де Риверы в 1930 году, который пытался проводить политику централизации страны и установления Второй Испанской Республики, каталонский вопрос снова приобрел актуальность. В 1932 году под давлением национальных элит Каталонии и Страны Басков республиканское правительство вынуждено было пойти на компромисс и предоставить этим двум регионам статус автономии.

В период диктатуры Франко у каудильо было свое видение вопроса объединения Испании и формирования общей нации. Его политика по отношению к баскам и каталонцам была дискриминационной, что, в частности, привело к становлению и легитимации националистических партий. Данную ситуацию усложняла позиция испанской католической церкви, которая с самого начала придерживалась мнения, что местные национализмы могут служить на благо ее интересам: такая ситуация позволила церкви в определенный период в XX веке занимать привилегированное положение в политической жизни страны. Это одна из причин, почему церковь поддерживала басков и каталонцев, давая им свое «благословение».

Прошло уже 45 лет с момента завершения демократического транзита в Испании, но освободительные усилия басков и каталонцев по-прежнему остаются серьезной проблемой, угрожающей единству государства. После мирового экономического кризиса 2008–2009 годов эта проблема опять стала доминировать в политической жизни страны. К прошлым историческим обидам и недопониманиям добавились новые – экономического толка. Страна Басков и Каталония в настоящий момент являются одними из самых экономически развитых регионов Испании. Региональные элиты, прежде всего в Каталонии, стали обосновывать необходимость создания собственного государства экономическими соображениями, продвигая идею о том, что, в случае обретения Каталонией независимости, уровень социально-экономического благосостояния увеличится. Страсти стали накаляться в 2015 году, когда каталонский парламент проголосовал за независимость региона, что привело к серьезному политическому кризису в стране.

Институт монархии, который на современном этапе истории был фактором, способствующим единству Испании, в XXI веке ослаб из-за череды громких скандалов, что, в конечном итоге, побудило Хуана Карлоса I к отречению от престола в пользу его

сына в июне 2014 года. Позиция монархии в Испании при новом короле Филиппе I Бурбоне стала более хрупкой. Филипп I во время своего выступления в разгар каталонского кризиса 2015 года призывал всех жителей Испании и Каталонии к единству, но монарх не смог достучаться до сердец простых каталонцев – речь короля скорее разозлила его каталонских подданных. Проблема сепаратизма остается одним из самых важных вызовов, стоящих перед современной Испанией.

В подготовленном для Вас номере журнала «Иberoамериканские тетради» мы не смогли обойти стороной проблему каталонского сепаратизма. Наши авторы попытались дать объективную оценку данному явлению. Хосе Энрике де Айала в своей статье предпринимает попытку анализа каталонского вопроса, его генезиса, эволюции и перспектив. А.В. Макарычева в своем материале описывает отношение Европейского союза к вопросу каталонского сепаратизма. Также была подготовлена рецензия М.В. Ларионовой на монографию известного российского испановеда А.А. Орлова «Национализм в истории Каталонии: прошлое и настоящее», где детально описывается феномен каталонского национализма, превратившегося в политическую силу, которая фактически поставила под угрозу единство испанской нации и территориальную целостность государства.

В нашем журнале также опубликованы материалы по тематике эволюции политической системы Испании. А.А. Куракина-Дамир и А.Л. Дунаев уделили особое внимание современному периоду эволюции электорального ландшафта Испании, анализу возникновения и роста популярности популистских партий.

В журнале также опубликован материал И.Л. Прохоренко по вопросу стратегии Испании в Организации Объединенных Наций. Рассматриваются потенциал, ресурсы и стратегия Испании в ООН от момента решения так называемого «испанского вопроса» и вступления страны в эту влиятельную международную организацию в 1955 году по настоящее время. Анализируются внешнеполитические ресурсы Испании, инициативы и деятельность страны в организации.

В 2020 году мы отмечаем 90-летний юбилей со дня рождения известного советского и российского дипломата – Ю.В. Дубинина, который стал первым послом СССР в Испании после свержения диктатуры и установления дипломатических отношений. В честь юбиляра в МГИМО МИД России был организован круглый стол, в рамках которого с докладами выступили коллеги Ю.В. Дубинина по дипломатической службе, представители других органов государственной власти, научного и академического сообщества, а также члены семьи Ю.В. Дубинина. Этой теме посвящены два редакционных материала номера.

В следующих номерах мы продолжим обсуждение актуальных региональных тем. Желаем Вам приятного чтения!

А.А. Габарта, главный редактор

Международные отношения – Relaciones internacionales

Стратегия Испании в Организации Объединенных Наций

И.Л. Прохоренко

→ Аннотация

В статье рассматриваются потенциал, ресурсы и стратегия Испании в Организации Объединенных Наций (ООН) с момента решения так называемого испанского вопроса и вступления страны в эту влиятельную межправительственную международную организацию в 1955 г. по настоящее время. В фокусе внимания автора – ключевые проблемы, непосредственно касающиеся национальных интересов Испании. Это спор с Соединенным Королевством по поводу принадлежности Гибралтара, многолетняя проблема урегулирования конфликта в Западной (Испанской) Сахаре, инициатива и программа ООН Альянс цивилизаций, коспонсором которых выступает Испания, проблема Косова и опасность интернационализации политико-институционального конфликта в Каталонии, усилия центральных властей Испании по достижению целей устойчивого развития. Анализируя внешнеполитические ресурсы Испании, инициативы и деятельность страны в ООН и ее различных структурах на протяжении ряда лет по материалам Организации, автор делает вывод о влиянии успешного демократического транзита и вступления страны в Европейское экономическое сообщество в 1986 г. на авторитет Испании в ООН. Вместе с тем политические и институциональные перемены в Европейском союзе, формирование политического союза государств-членов, учреждение и развитие Общей внешней политики и политики безопасности ЕС приводят к тому, что Испания может осуществлять собственную внешнюю политику в усеченном виде, учитывая позицию Евросоюза как особого стратегического партнера ООН и его расширенный статус наблюдателя. Экономический и внешнеполитический потенциал страны, ослабление ее конкурентных преимуществ под воздействием негативных последствий глобального финансово-экономического кризиса не позволяют ставить вопрос о постоянном членстве Испании в Совете Безопасности ООН, однако ресурсы «мягкой силы» на основе постимперской идентичности позволяют достаточно высоко оценить возможности Испании в плане мониторинга, предотвращения и регулирования конфликтов и кризисных ситуаций в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки, оказания международной помощи на цели развития, содействия межкультурному диалогу западной и незападных цивилизаций.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-9-18>

Исследовательская статья

Прохоренко Ирина Львовна, д.полит.н., заведующая сектором международных организаций и глобального политического регулирования Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Москва (Россия)

E-mail: irinapr@imemo.ru

Для корреспонденции:

117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23

Для цитирования:

Прохоренко И.Л. Стратегия Испании в Организации Объединенных Наций. *Иberoамериканские тетради*. 2020, 8(2): 9–18. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-9-18>.

Статья поступила в редакцию: 28.08.2020

Принята к публикации: 29.09.2020

→ Ключевые слова

Испания, многостороннее сотрудничество Испании, Организация Объединенных Наций, реформа ООН, миротворческие операции ООН, «испанский вопрос» в ООН, Гибралтар, конфликт в Каталонии

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Внешнеполитическая деятельность имеет особое значение для Испании, где традиционно сильны партикуляристские настроения. Речь идет не только об авторитете, позиционировании и позитивном имидже страны на мировой арене, но и о стремлении единого испанского государства продемонстрировать свои потенциал и эффективность в сфере международных отношений с точки зрения защиты национальных интересов. Особую важность это приобрело в постфранкистский период, когда политический класс Испании изменил принципы государственно-территориального устройства страны, отказавшись от прежней франкистской модели жестко централизованного унитарного государства. В нынешнем чрезвычайно децентрализованном «государстве автономий», которое, формально оставаясь унитарным, движется по пути федерализации, субнациональные автономные сообщества (регионы) не только активно действуют в русле дипломатии, но и заявляют о своих внешнеполитических амбициях, формируя собственную внешнеполитическую идентичность и в этом смысле конкурируя с государством.

Степень вовлеченности сегодняшней Испании в многостороннее сотрудничество очень велика – страна является полноправным участником множества различных международных межправительственных организаций. Что касается участия в формирующейся системе глобального управления, то здесь ситуация сложнее. Испания не является членом «Группы семи», принимает участие в работе «Группы двадцати» опосредованно – через коллективное членство в этом форуме Европейского союза (Испания входит в состав европейского регионального интеграционного проекта с января 1986 г.) – и лишь с недавнего времени в качестве «постоянно приглашенного члена» благодаря усилиям своих соседей – Италии и Франции, полноправных участников G20. В этих условиях Организация Объединенных Наций (ООН) представляет для страны самую главную, наиболее широкую и чрезвычайно значимую международную площадку многостороннего сотрудничества и глобального управления, где Испания может оказывать реальное прямое влияние на формирование мировой повестки и заявлять о себе как одном из ключевых субъектов международного сообщества.

«Испанский вопрос» и вступление в ООН

Основы деятельности и структуру ООН разрабатывали участники антигитлеровской коалиции еще в ходе Второй мировой войны. Испания официально не принимала участия в войне, но придерживалась достаточно лукавой формулы «вооруженного нейтралитета», поддерживая державы «оси» политически, например, подписав «Антикоминтерновский пакт» и оказывая им материальную и военную помощь¹. В частности, Испания поставляла нацистской Германии стратегически важный для военной промышленности вольфрам, а также железную руду, ртуть, свинец и цинк. Как только Париж был взят нацистами, Испания в середине июня 1940 г. оккупировала Танжерскую международную зону, совместное владение нескольких европейских держав, которые не смогли прийти к соглашению о том, кому же принадлежит эта территория (прежний статус Танжера был восстановлен лишь в

октябре 1945 г. и оставался таковым до 1956 г., когда был аннексирован получившим независимость Марокко). Генералом Франко на Восточный фронт был отправлен добровольческий корпус «Голубая дивизия» (более 45 тыс. человек), который принимал участие в осаде Ленинграда, боях в районе Великого Новгорода, Красного Бора в Ленинградской области и других наступательных и оборонительных операциях в разные годы войны.

После Второй мировой войны Испания фактически оказалась в дипломатической изоляции¹. Западные державы согласились поддержать просьбу Советского Союза, выдвинутую им на Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей трех союзных держав летом 1945 г., о непринятии страны в ООН в силу характера режима Франко и его тесной связи с государствами-агрессорами. В итоге после обсуждения «испанского вопроса» в Совете Безопасности и в специально созданном подкомитете, а затем в комитетах Генеральной Ассамблеи ООН на 59-м заседании первой сессии Генеральной Ассамблеи 12 декабря 1946 г. была принята резолюция, которая рекомендовала странам-членам организации не принимать Испанию в ООН и отозвать из Мадрида своих послов². Считается, что резолюция стала последним компромиссом союзников по антигитлеровской коалиции. Начиналась холодная война, и в знаменитой «Длинной телеграмме» Джорджа Кеннана, отправленной им из посольства США в Москве в Вашингтон, был сделан акцент на том, что если Испания попадет под коммунистический контроль, может быть задействована военная база в Гибралтаре³.

Именно растущее блоковое противостояние и заинтересованность Соединенных Штатов в выгодном с точки зрения защиты системы обороны Запада геополитическом положении Испании легли в основу серии договоров Испании с США. В соответствии с этими договорами на испанской территории создавались «совместно используемые» военно-воздушные базы в Мороне (40 км юго-восточнее Севильи), Сарагосе, Торрехоне-де-Ардос (20 км восточнее Мадрида), а также военно-морская база в Роте, в северной части Кадисского залива. Также Соединенные Штаты предоставляли Испании значительную экономическую помощь. Соглашения 1953 г. с Вашингтоном, наряду с Конкордатом с Ватиканом, означали не только завершение дипломатической изоляции, но и отказ Испании от давней традиции нейтралитета. В 1955 г. страна была принята в ООН⁴. В том же году в ООН вступили Австрия, Болгария, Венгрия, Италия, Финляндия и Япония. ФРГ и ГДР стали членами ООН в 1973 г.

Франкистская Испания проводила в ООН прагматичную и осторожную политику, учитывая свою субъектность на международной арене как государства с авторитарной формой правления. Крайне редко выступая инициатором проектов резолюций в структурах ООН, Испания, тем не менее, в 1969 г. вместе с Советским Союзом, несмотря на идеологические расхождения, а также Алжиром, Венгрией, Замбией, Колумбией, Пакистаном и Сенегалом предложила Совету Безопасности включить русский и испанский языки в число рабочих языков Совета Безопасности, что и было сделано, исходя из Резолюции Генеральной Ассамблеи 2479 (XXIII) от 21 декабря 1968 г., в которой указывалось, что использование ООН нескольких языков обогащает ее и является средством достижения

1 Прохоренко 1995, 104-105.

2 Взаимоотношения между Членами Объединенных Наций и Испанией. Резолюции 1-й сессии (1946 год). A/RES/39 (I). Генеральная Ассамблея ООН [Электронный ресурс] // Документы Организации Объединенных Наций.
URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/39%28I%29> (дата обращения: 10.07.2020).

3 "Telegram, George Kennan to James Byrnes. February 22, 1946. pp. 8-9," Harry S. Truman Presidential Library and Museum, accessed July 10, 2020, <https://www.trumanlibrary.gov/library/research-files/telegram-george-kennan-james-byrnes-long-telegram?documentid=NA&pagenumber=8>, <https://www.trumanlibrary.gov/library/research-files/telegram-george-kennan-james-byrnes-long-telegram?documentid=NA&pagenumber=9>.

4 Amsélem 1995; Прохоренко 1995, 86-87, 94-95, 104-105.

целей, установленных в Уставе ООН, и что Генеральная Ассамблея считает желательным включить русский и испанский языки в число рабочих языков Совета Безопасности¹.

Крах франкистского режима, успешный демократический транзит, вступление в Европейское экономическое сообщество придали уверенности действиям Испании в ООН. Это доказывает и статистика инициатив Испании в ООН: испанские политические элиты все активнее демонстрируют свои растущие внешнеполитические амбиции региональной державы с глобальными интересами, учитывая постимперскую идентичность Испании как в прошлом мировой империи. По мере того, как Европейское экономическое сообщество / Европейский союз, членом которого Испания становится в январе 1986 г., стремится заявить о себе как глобальном игроке, растет авторитет и Испании, особенно если период ее ротационного председательства в Совете Европейского союза совпадает по времени с ее непостоянным членством в Совете Безопасности ООН, когда она может говорить, в том числе, от имени всего европейского регионального интеграционного объединения, которое обладает особым расширенным статусом наблюдателя в ООН и признано особым стратегическим партнером ООН.

В разное время представители Испании занимали руководящие посты в структурах ООН (например, испанский ученый, политик, писатель и поэт Федерико Майор Сарагоса был генеральным директором ЮНЕСКО в 1987–1999 гг.), а известные в стране и за рубежом граждане Испании становились послами доброй воли Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), Учреждения ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), Программы развития ООН (ПРООН).

Проблема деколонизации: Западная Сахара и Гибралтар

С момента вступления в ООН главными проблемами в фокусе Испании оказались вопросы о принадлежности Западной (бывшей Испанской) Сахары² и Гибралтара в рамках проблемы деколонизации и спорных территорий.

Западная Сахара – территория на северо-западе Африки. Европейская колониальная экспансия началась здесь в XV в., по решению Берлинской конференции 1884–1885 гг. Испании был передан протекторат над прибрежной частью Западной Сахары. Франко-испанские соглашения 1904 и 1912 гг. позволили Испании присоединить дополнительные территории, а в 1934 г. – осуществить окончательный захват Западной Сахары. Получившее в 1956 г. независимость Марокко заявило о своих претензиях на район испанского города Сиди-Ифни, что привело к вооруженному конфликту между двумя странами. В итоге в 1958 г. Испания согласилась на воссоединение Испанского Южного Марокко с Королевством Марокко, а оставшиеся испанские владения были объявлены африканскими (заморскими) провинциями Испании Рио-де-Оро и Сегиет-эль-Хамра – Испанской Сахарой, что явилось определенным аргументом для Испании не считать эти свои владения колониями. В 1960 г. независимость получила Мавритания, также потребовав территориальных уступок от Испании. Испанская Сахара оказалась богата месторождениями фосфоритов – сырьем для производства минеральных удобрений, что обострило конфликт вокруг спорной территории.

Испания не предприняла необходимых мер по деколонизации территории и организации под контролем ООН референдума для обеспечения народу Испанской Сахары необходимых условий для самоопределения, к чему в декабре 1965 г. ее призвала Генеральная ассамблея ООН. В Испанской Сахаре наблюдался рост этнического самосо-

1 "Joint draft resolution / Algeria, Colombia, Hungary, Pakistan, Senegal, Spain, Union of Soviet Socialist Republics and Zambia," United Nations Digital Library, accessed July 10, 2020, <https://digitallibrary.un.org/record/513983?ln=en>.

2 Fuente Cobo and Mariño Menéndez 2005.

знания местного населения, фактором динамики которого стали процессы деколонизации в Северной Африке, а сопротивление испанскому колониализму приняло форму вооруженной борьбы, которую возглавил созданный в мае 1973 г. Народный фронт за освобождение Сегиет-эль-Хамра и Рио-де-Оро (Фронт ПОЛИСАРИО – по первым буквам испанского названия этой военно-политической организации). После смерти Франко Испания в ноябре 1975 г. подписала так называемые Мадридские соглашения с Марокко и Мавританией об окончании своего присутствия на территории Испанской Сахары¹, за которыми последовало разделение территории между Марокко и Мавританией. Позже, после провозглашения независимой Сахарской Арабской Демократической Республики (САДР) и начала активных боевых действий ПОЛИСАРИО против Марокко и Мавритании в Западной Сахаре, Мавритания в 1979 г. вывела свои войска из Западной Сахары, признала САДР и отказалась от своих территориальных претензий. В том же году Генеральная ассамблея ООН в своей Резолюции 34/37 признала Фронт ПОЛИСАРИО представителем народа Западной Сахары, но лишь в сентябре 1991 г. при посредничестве ООН удалось заключить перемирие между ПОЛИСАРИО и Марокко. В Западной Сахаре была развернута миротворческая миссия ООН.

Соглашения 1991 г. предусматривали проведение в Западной Сахаре референдума по вопросу о независимости или интеграции с Марокко, однако до сих пор референдум так и не состоялся. Конфликт окончательно не урегулирован, хотя стороны соблюдают режим прекращения огня. САДР является частично признанным государством и контролирует часть Западной Сахары к востоку от Марокканской пограничной стены, системы оборонных сооружений, минных полей и заграждений из колючей проволоки. В 2014 г. Испании был присвоен статус управляющей державы в отношении Западной Сахары. Это говорит, с одной стороны, об авторитете и сохраняющихся ресурсах невоенного характера Испании в этом субрегионе, а с другой, – о вызове ответственности в регулировании конфликта, с которым международное сообщество и Испания, в том числе, так и не могут справиться. Подобный статус Испании в конфликте вокруг Западной Сахары вносит свои нюансы и в двусторонние отношения страны с Марокко, которое считает колониями испанские эксклавы на побережье Северной Африки – автономные города Сеуту и Мелилью – и требует их возвращения под свой контроль.

Свои особенности имеет и давний спор в ООН между Соединенным Королевством и Испанией по поводу Гибралтара² – заморской территории Великобритании, возвращения которой под испанский суверенитет давно требует Испания, используя, в том числе, площадку ООН. Наиболее активно спор по вопросу принадлежности Скалы (так часто называют Гибралтар в Британии и на Пиренеях) обсуждался в ООН в 1960-х гг., когда Генеральная ассамблея ООН приняла Резолюции 2231 (XXI) «Вопрос о Гибралтаре» в декабре 1966 г.³ и 2353 (XXII) в декабре 1967 г. аналогичного названия⁴, призывая стороны конфликта провести переговоры с учетом мнения жителей Гибралтара. Следует отметить, что принятие резолюций по вопросу о Гибралтаре совпало по времени с одобрением резолюций Генеральной ассамблеи ООН по вопросам об Ифни и Испанской Сахаре. Можно предположить, что Гибралтар становился в этот период своего рода козырной картой Испании в желании оправдать свои действия в африканских провинциях.

Несмотря на то, что вплоть до недавнего времени национальные правительства Испании независимо от своей партийно-идеологической принадлежности считали

- 1 "Declaración de principios entre España, Marruecos y Mauritania sobre el Sahara Occidental. United Nations – Treaty Series," United Nations Treaty Collection, accessed July 10, 2020, <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20988/volume-988-I-14450-Other.pdf>.
- 2 Алешин 2018; Прохоренко 1995; Levie 2019.
- 3 Резолюции 21-й сессии (1966 год) [Электронный ресурс] // Генеральная ассамблея ООН. URL: <https://www.un.org/ru/ga/21/docs/21res.shtml> (дата обращения: 10.07.2020).
- 4 Резолюции 22-й сессии (1967 год) [Электронный ресурс] // Генеральная ассамблея ООН. URL: <https://www.un.org/ru/ga/22/docs/22res.shtml> (дата обращения: 10.07.2020).

проблему Гибралтара «национальным требованием, имеющим непреходящий характер»¹, а борьбу за восстановление единства и территориальной целостности испанского государства важным компонентом постоянного национального интереса страны, спор о Гибралтаре неуклонно теряет свою политическую составляющую и 'экономизируется'.

Особенно ярко это стало заметно в контексте выхода Соединенного Королевства из состава Европейского союза. Речь шла о том, чтобы исключить вопрос о Гибралтаре из соглашения Великобритании с ЕС по Брекситу, провести двусторонние испано-британские переговоры о статусе Гибралтара и заключить параллельное соглашение. Власти Испании, а точнее – правительство Народной партии во главе с Мариано Рахоем, неоднократно угрожали заблокировать одобрение сделки по Брекситу, и Евросоюз пошел навстречу, заявив о том, что требования Испании должны быть учтены на переговорах с Соединенным Королевством. Испанская сторона вернулась и к своим давним претензиям на осуществление совместного управления спорной территорией. Накануне саммита ЕС в ноябре 2018 г. в Брюсселе Испания устами нового Председателя правительства, лидера социалистов Педро Санчеса подтвердила, что использует свое право вето против принятия проекта соглашения по Брекситу, в котором в протоколе по Гибралтару и в статье 184 признавался британский суверенитет над Скалой². В этом вопросе П. Санчеса поддержали оппозиционные Народная партия и «Граждане – Партия гражданства». За день до саммита, 24 ноября, британская сторона дала согласие на то, что Гибралтар не войдет в торговое соглашение с Евросоюзом, и вопрос о Гибралтаре подлежит отдельному урегулированию. В итоге 25 ноября проект соглашения был одобрен, в том числе и статья 184.

Уже в конце ноября того же года были подписаны четыре меморандума о взаимопонимании между двумя странами. Их действие охватывает период до 2020 г., и они касаются таких болезненных в экономическом и социальном плане для Испании вопросов, как права работников в приграничной зоне (в первую очередь испанских граждан, работающих в Гибралтаре, где более высокий уровень зарплат), разница цен на табачную продукцию, охрана окружающей среды, сотрудничество правоохранительных и таможенных органов. Однако, признав *de jure* британский суверенитет над Скалой, Испания *de facto*, как представляется, поставила точку в давнем территориальном споре. Речь может идти лишь о совместном управлении территорией, аннексированной Соединенным Королевством уже после Утрехтского договора 1713 г. (сейчас на этой территории Гибралтарского перешейка находится построенный британцами аэропорт). Очевидно, что в ходе двусторонних переговоров по вопросу будущего торгового соглашения между Соединенным Королевством и Европейским союзом вопрос о Гибралтаре также будет поднят.

Альянс цивилизаций

Альянс цивилизаций – инициатива ООН, коспонсорами которой выступили Испания и Турция. В сентябре 2004 г., спустя три года после событий 11 сентября 2001 г., на 59-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН эта инициатива была озвучена тогдашним Председателем правительства Испании Хосе Луисом Родригесом Сапатеро. Цель инициативы и последующей одноименной программы ООН, утвержденной в апреле 2007 г. на основе практических рекомендаций группы экспертов высокого уровня, которая работала с 2005 г., состояла в том, чтобы уменьшить конфликтность между западным и исламским ми-

1 Так, например, о проблеме Гибралтара писал в своей статье 1987 г. тогдашний лидер испанских социалистов и будущий председатель правительства Испании Фелипе Гонсалес. Цит. по: Прохоренко 1995, 110.

2 "The UK's EU Withdrawal Agreement. Briefing Paper. Number 08453," House of Commons Library, accessed July 10, 2020, <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-8453/CBP-8453.pdf>.

рами и придать импульс совместным международным действиям против экстремизма путем налаживания межкультурного диалога (название программы являлось антитезой идеи «столкновения цивилизаций», которую развил в своих работах Самюэль Хантингтон¹).

У программы изначально были четыре приоритетные сферы деятельности: образование, молодежь, миграция и СМИ, мероприятия в рамках которых смогли бы играть ключевую роль в сокращении межкультурных трений и наведении мостов между мусульманскими и западными обществами. Еще один тематический фокус программы – «Женщины как посредники по вопросам мира» – появился позже².

В настоящее время Альянс цивилизаций представляет собой глобальную платформу межкультурного диалога, взаимопонимания и взаимодействия. Главное должностное лицо Альянса – Высокий представитель; он исполняет функции политического координатора и главного спикера, в рамках своих компетенций взаимодействует напрямую с Генеральным секретарем ООН, который его и назначает. Первым на этот пост в 2007 г. был назначен бывший президент Португалии Жоржу Сампаи. Вторым высоким представителем Альянса стал Насир Абдулазиз аль-Насер, представитель Катара. В январе 2019 г. высоким представителем Альянса цивилизаций стал Мигель Анхель Моратинос, бывший Министр иностранных дел и международного сотрудничества Испании в правительстве Сапатеро.

Секретариат Альянса цивилизаций, расположенный в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке, оказывает поддержку Высокому представителю в его деятельности. В так называемую Группу друзей этого неформального международного форума, которая разрабатывает и руководит осуществлением проектов в главных областях его деятельности, входят представители государств, учреждений ООН и других международных организаций. Наиболее значимыми событиями в работе Альянса цивилизаций стали глобальные форумы: первый такой форум прошел в Мадриде в 2008 г.; восьмой, последний на сегодняшний день, состоялся в ноябре 2018 г. в Нью-Йорке.

Среди проектов Альянса выделяются те, которые ориентированы на молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет. Так, созданный в 2008 г. в разгар глобального финансово-экономического кризиса Фонд солидарности молодежи поддерживает руководимые молодыми людьми организации во всех регионах мира, которые содействуют формированию мирных и инклюзивных обществ. За первое десятилетие своей работы фонд успешно реализовал 63 проекта, более 94 тыс. человек в 39 странах стали его прямыми бенефициарами, а общее число как прямых, так и непрямых бенефициаров превысило 1,7 млн человек.

Также ориентированная на молодежь программа стипендий предполагает межкультурный обмен представителей молодого поколения (в возрасте от 25 до 35 лет) общественных организаций и профессионального сообщества Европы и Северной Америки, с одной стороны, и Ближнего Востока и Северной Африки, с другой, в форме краткосрочных поездок по обмену. На протяжении ряда лет программа стипендий Альянса цивилизаций спонсируется правительствами Азербайджана, Германии, Египта, Испании, Катара и Марокко, а также Лигой арабских государств. Во время тематических (в соответствии с приоритетными областями деятельности Альянса цивилизаций) двухнедельных путешествий прошедшие конкурсный отбор кандидаты получают представление о культуре, политике, обществе, религии и СМИ принимающей страны. Целью программы является преодоление у участников предрассудков и разрушение стереотипов о «Другом» / «Других».

Несмотря на критику программы, инициатива Альянса цивилизаций развивается при лидирующей роли Испании. Участниками Альянса являются более 90 государств

1 Речь идет о нашумевшей статье 1998 г. «Столкновение цивилизаций?», опубликованной в «Foreign Affairs» и книге 1996 г. «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» С. Хантингтона. См.: Huntington 1996.

2 Детальнее см.: United Nations Alliance of Civilizations, <https://www.unaoc.org/>.

и около 20 международных и региональных организаций. В самой Испании инициативу и программу Альянса цивилизаций традиционно критиковали, прежде всего, представители Народной партии. Идею выдвинули и поддерживали социалисты, особенно когда Испанская социалистическая партия получала большинство в национальном Парламенте по результатам всеобщих выборов. Недовольство оппозиционной право-консервативной Народной партии вызывали, в частности, широкие кампании по амнистии нелегальных мигрантов в Испании, которые проводились первым правительством Сапатеро в середине 2000-х гг., и предложенные социалистами масштабные меры по интеграции быстро растущего числа 'инокультурных' мигрантов в стране.

* * *

В этом году исполняется 75 лет со дня учреждения ООН. Испания вступила в ООН в 1955 г. и прошла долгий путь – от решения «испанского вопроса» и выхода из дипломатической изоляции до самого активного участия в многостороннем сотрудничестве на крупнейшей международной площадке, лидерства в инициативе и программе ООН Альянс цивилизаций, возможности говорить не только от своего имени, от имени испанского государства как субъекта международных отношений, но и от лица Европейского союза в периоды своего ротационного председательства в Совете ЕС. Площадка ООН дает возможность стране принять участие в поиске коллективных ответов для решения глобальных проблем, которые затрагивают интересы большинства стран и народов, требуют усилий всего международного сообщества и имеют особое значение именно для Испании. Это проблемы эпидемий и пандемий инфекционных и вирусных заболеваний, изменений климата, международного терроризма, транснациональной преступности и наркотрафика, истощения энергетических ресурсов, дефицита водных ресурсов, охраны окружающей среды, регулирования миграции и интеграции 'инокультурных' мигрантов в принимающее общество, насилия в семье и гендерного равенства.

Однако, проявляя заинтересованность в международном многостороннем сотрудничестве, Испания последовательно защищает свои национальные интересы. Это, в первую очередь, касается защиты единства и территориальной целостности испанского государства, для которого вызов сепаратизма представляет серьезную угрозу. Так, Испания принадлежит к тем странам, которые до сих пор не признали независимость Косова; более того, власти страны отказались участвовать в международных силах KFOR под руководством НАТО, созданных согласно резолюции № 1244 Совета Безопасности ООН, принятой в июне 1999 г., и Миссии ООН по делам временной администрации в Косово. Вместе с тем следует признать, что такая позиция высшего политического руководства страны является несколько нарочитой и двусмысленной. Европейский союз, государством-членом которого является Испания, принял решение о дальнейшем расширении своего состава: к 2025 г. планируется вступление в Союз шести западно-балканских стран, среди которых присутствует и Косово, разработана и одобрена «дорожная карта» принятия новых стран-участниц, и Испания в данном случае не использовала свое право вето при рассмотрении и утверждении стратегии нового расширения Евросоюза.

В настоящее время центральное правительство Испании прикладывает усилия к тому, чтобы противостоять интернационализации политико-институционального конфликта в Каталонии, чего не перестают добиваться власти этого автономного сообщества страны. И это представляется более существенным для испанского государства в сравнении с казусом Косова. Принципиальным для Испании является важность обосо-

вания позиции центрального правительства в вопросе Каталонии, а также специфики действующей модели государственно-территориального устройства страны (к сожалению, не всегда и не все члены ООН и эксперты этой международной организации верно интерпретируют особенности испанского «государства автономий» как регионального и составного, считая жителей Каталонии этническим меньшинством, а не территориальным политическим сообществом, а Каталонию – нацией без государства).

Обладая значительными ресурсами «мягкой силы» и постимперской идентичности в своих бывших колониальных владениях, Испания в силах поддерживать усилия ООН как международной организации в мониторинге, предотвращении и регулировании конфликтов и кризисных ситуаций в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки (например, касательно конфликта в Западной Сахаре, ликвидации последствий землетрясения на Гаити 2010 г., нынешнего политического кризиса в Венесуэле и т.д.), оказании международной помощи на цели развития, содействии межкультурному диалогу западной и незападных цивилизаций.

Испания участвует в обсуждении и реализации реформы ООН, которая не ограничивается Советом Безопасности, а предполагает широкий процесс модернизации различных учреждений и агентств ООН. Испания не рассчитывает добиваться для себя статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН, однако прагматично использует ООН в целях своего активного участия в формировании глобальной повестки.

Что касается реализации Целей устойчивого развития, то национальное правительство не ограничивается здесь общими фразами. На портале Национального института статистики Испании непосредственно с домашней страницы можно перейти к результатам усилий властей Испании по достижению целевых показателей Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г.¹

В то же время нельзя не отметить, что, будучи членом Европейского союза, Испания, хотя и осуществляет внешнеполитическую деятельность, однако в усеченной форме. Европейский союз учредил и развивает Общую внешнюю политику и политику безопасности, что, с одной стороны, дает возможность выработки общей позиции по вопросам международной жизни и коллективного ответа на вызовы международной среды, а с другой, – накладывает известные ограничения на внешнюю политику государств-членов.

→ Список литературы / References

Алешин, А.А. Эволюция проблемы Гибралтара в контексте Брекзита // *Современная Испания: проблемы и решения* / под ред. А.В. Кузнецова. – Москва: ИМЭМО РАН, 2018. – С. 88–98. [Aleshin, A.A. "Evolutsiya problemy Gibraltara v kontekste Brekzita" [Evolution of the Problem of Gibraltar in the context of Brexit]. In *Sovremennaya Ispaniya: problemy i resheniya* [Contemporary Spain: problems and solutions], edited by A.V. Kuznetsov, 88–98. Moscow: IMEMO, 2018.] [In Russian]

Прохоренко, И.Л. *Национальный интерес во внешней политике государства: опыт современной Испании*. – Москва: ПаспортГрафика, 1995. – 128 с. [Prokhorenko, I.L. *Natsional'nyi interes vo vneshnei politike gosudarstva: opyt sovremennoi Ispanii* [The national interest in the foreign policy of a state: experience of contemporary Spain]. Moscow: PaspportGrafika, 1995.] [In Russian]

Amsélem, Alberto J. Leonart. "El ingreso de España en la ONU: obstáculos e impulsos" [Spain's accession to the UN: obstacles and impulses]. *Cuadernos de Historia Contemporánea* 17 (1995): 101–119. [In Spanish]

Fuente Cobo, Ignacio, and Fernando M. Mariño Menéndez. *El conflicto del Sahara Occidental* [The Western Sahara conflict]. Madrid: Ministerio de Defensa, 2005. <https://publicaciones.defensa.gob.es/media/downloadable/files/links/P/D/PDF69.pdf>. [In Spanish]

1 "INEbase / Indicadores de la Agenda 2030 para el Desarrollo Sostenible," Instituto Nacional de Estadística de España, accessed July 10, 2020, <https://www.ine.es/dynt3/ODS/es/index.htm>.

Huntington, Samuel Phillips. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster, 1996.

Levie, Howard S. *The Status of Gibraltar*. New York (USA), Abingdon (UK): Routledge, 2019.

Payne, Stanley G. *Franco and Hitler: Spain, Germany, and World War II*. New Haven, CT: Yale University Press, 2008.

The strategy of Spain in the United Nations

I.L. Prokhorenko

→ Abstract

The article explores potential, resources and strategy of Spain in the United Nations from the moment when the resolution of the so-called Spanish question was adopted and Spain joined this influential intergovernmental international organization in 1955 to the present date. The author focuses on key problems which directly deal with national interests of Spain, including: a dispute with the United Kingdom about the ownership of Gibraltar, perennial problem of the Western (Spanish) Sahara conflict management, the initiative and the UN programme Alliance of Civilizations, co-sponsored by Spain, Kosovo issue and the danger of internationalization of the political and institutional conflict in Catalonia, efforts by the Spanish central government to achieve sustainable development goals. By analyzing foreign policy resources of Spain, initiatives and activities of the country in the United Nations and its various specialized agencies over the years using the UN information materials, the author suggests that successful democratic transition and the country's accession to the European Economic Community in 1986 strengthened the profile of Spain in the United Nations. However, the political and institutional transformations in the European Union, creation of political union of the Member-States and establishment and development of the EU Common Foreign and Security Policy mean that Spain may carry out its foreign policy in a 'truncated' form, taking into account the EU position as a special strategic partner of the UN and its expanded Observer status. The economic and foreign policy potential of this country weakening its competitive advantages under the influence of negative consequences of the global financial and economic crisis do not raise an issue about permanent membership of Spain in the UN Security Council. However, the 'soft power' resources based on its post-imperial identity allow for a fairly high appreciation of possibilities of Spain with regard to monitoring, prevention and management of conflicts and crisis situations in developing countries of Asia, Africa and Latin America, providing international assistance for development and facilitating intercultural dialogue of the Western and non-Western civilizations.

→ Keywords

Spain, multilateral cooperation of Spain, United Nations, UN reform, United Nations peacekeeping operations, Spanish Question at the UN, Gibraltar, conflict in Catalonia

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-9-18>

Research article

Irina L. Prokhorenko, Doctor (Political Science), Head, Sector of International Organizations and Global Political Governance, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), Moscow (Russia)

E-mail: irinapr@imemo.ru

For correspondence: 117997, Russia, Moscow, Profsoyuznaya St., 23

For citation: Prokhorenko I.L. The strategy of Spain in the United Nations. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 2 (2020): 9-18. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-9-18>.

Received: 28.08.2020

Accepted: 29.09.2020

Политика – Política

Изменение электорального ландшафта Испании (2015–2019 гг.)

А.А. Куракина–Дамир

→ Аннотация

В середине второго десятилетия текущего века в Испании начался процесс реорганизации электорального ландшафта страны. Конгресс депутатов (нижняя, она же ключевая палата испанского Парламента) образца 2019 г. мало чем напоминает Конгресс 2000–2011 гг. В списке партий отсутствуют Союз, прогресс и демократия (Unión, Progreso y Democracia – UPyD) и Объединенные левые (Izquierda Unida – IU), которым прочили значительный рост вследствие падения конкурентоспособности ведущих партий; на смену им пришли новые участники – Мы можем (Podemos), Граждане (Ciudadanos), Больше страны (Más País), Теруэль существует (¡Teruel Existe!). Партии Каталонии, самого ‘сложного’ региона Испании, также значительно видоизменились и укрепили свои позиции. Ряд автономных областей изменили свой партийный ‘окрас’, а в малонаселенных избирательных округах воцарилась атмосфера неопределенности. Автор рассматриваются основные реперные точки политического процесса страны, которые значительным образом меняли расстановку сил, а также трудности, с которыми сталкивались политические акторы в процессе достижения или недостижения компромиссов. За последние 4 года избиратели были вынуждены дважды повторно приходиться на избирательные участки, чтобы проголосовать за национальный Парламент. Очевидно, что новому Кабинету министров необходимо в срочном порядке реформировать систему формирования Правительства, чтобы избежать подобных проблемных ситуаций в будущем.

→ Ключевые слова

Испания, политические партии, многопартийность, выборы, формирование правительства, Каталония

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциально-го конфликта интересов.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-19-30>

Исследовательская статья

Куракина–Дамир Александра Андреевна, к.полит.н., старший научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, Москва (Россия)

E-mail: Kurakina.alex@gmail.com

Для корреспонденции: 115035, Россия, Москва, ул. Большая Ордынка, 21/16

Для цитирования: Куракина–Дамир А.А. Изменение электорального ландшафта Испании (2015–2019 гг.). *Иberoамериканские тетради*. 2020, 8(2): 19–30. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-19-30>.

Статья поступила в редакцию: 02.09.2020

Принята к публикации: 01.10.2020

В условиях новой политической реальности Испании всеобщие выборы проходили четыре раза (дважды – повторно), что позволяет подвести определенные итоги и спрогнозировать дальнейшее развитие. С 2015 по конец 2019 гг. положение и политический вес основных партий национального масштаба значительно менялись в зависимости от структурных и конъюнктурных факторов. Постоянными характеристиками этого этапа стали поляризация и политическая нестабильность.

На волне высокой степени политической апатии и недовольства традиционными партиями в 2011–2015 гг. в испанском электоральном пространстве появляются два новых актора – лево-популистская антиэлитарная Podemos (на ранних этапах утверждавшая, что находится вне идеологического спектра) и выступавшая изначально с позиций антисепаратизма Ciudadanos (Cs) из Каталонии (основана в 2006 г. в Барселоне). Согласно преэлекторальным опросам 2015 г., все четыре основные партии (Народная партия – Partido Popular (PP), Испанская социалистическая рабочая партия – Partido Socialista Obrero Español (PSOE), Podemos и Ciudadanos) имели сравнимые шансы – разрыв между ними был незначительным, находясь в рамках статистической погрешности¹.

2015 г. стал сплошной чередой избирательных кампаний: в марте избирался парламент Андалусии, в мае состоялись региональные выборы в 13 из 17 автономных областей, в сентябре – досрочные выборы в Каталонии, а завершали электоральный марафон повторные всеобщие парламентские выборы 20 декабря.

Итоги региональных избирательных кампаний продемонстрировали отток избирателей от традиционных партий и рост популярности новых игроков. При этом если изначально крайне левая партия возглавляла рейтинг политических сил, летом ее популярность начала падать. Ciudadanos наоборот, показывая скромные результаты весной, ближе к декабрьским выборам набрала темпы роста. Результат PP оказался неоднозначным. С одной стороны, «народники» победили в большинстве контролируемых ими на тот момент регионов (кроме Канарских островов и Эстремадуры). С другой, во всех регионах они лишились абсолютного большинства мест и, соответственно, права в одиночку формировать правительство. Их потери составили порядка 2,5 млн голосов. Основным итогом стала более высокая фрагментированность региональных парламентов. Количество представленных партий существенно возросло. Наступила эпоха пактов и соглашений.

Ciudadanos на автономных выборах получила поддержку почти 1,5 млн избирателей, меньше, чем предсказывали опросы. Партии не удалось войти в 3 из 13 региональных парламентов – в Наварре, Кастилье-ла-Манче и на Канарских островах. Тем не менее, учитывая, что это был ее дебют на общенациональном уровне, результат был более чем удовлетворительный. В ряде регионов Ciudadanos стала ключевой для формирования правительств, а узнаваемость бренда существенно выросла. Популярность партии стала стремительно идти вверх, обгоняя партию Podemos.

В четырех крупнейших городах (Мадрид, Барселона, Валенсия и Сарагоса) старые партии фактически потеряли пост мэра. Что касается столицы Испании, PP заняла первое место, получив 21 мандат. Разница с итогами 2011 г. составила 10 мест. 6 мест потеряли социалисты – в этот раз им удалось занять лишь третью позицию. Коалиция Сейчас Мадрид (Ahora Madrid), – характеризующая себя как «гражданская кандидатура народного единства» и включающая партию Podemos, Izquierda Unida, партию зеле-

1 "PP, C's y PSOE: un triple empate a tres semanas del 20-D sin claro ganador," *El Confidencial*, November 29, 2015, https://www.elconfidencial.com/elecciones-generales/2015-11-29/pp-c-s-y-psoe-un-triple-empate-a-tres-semanas-del-20-d-sin-claro-ganador_1109420/; Francesco Manetto, "Podemos realiza una encuesta que rebaja el efecto Ciudadanos," *El País*, October 13, 2015, https://elpais.com/politica/2015/10/12/actualidad/1444669340_724422.html.

ных Экво (Equo) и др., – стала второй и провела 20 своих представителей, что позволило ей при поддержке социалистов возглавить город. Ciudadanos получили 7 мандатов. Потери PSOE и PP в Мадриде составили 16 мест (из 57).

20 декабря состоялись всеобщие выборы в Конгресс депутатов. Впервые за много лет аналитики не могли с уверенностью предсказать результат. Неожиданный взлет партии Podemos, экспансия Ciudadanos, обновление PSOE, и в то же время истощение правительства PP после сильнейшего экономического кризиса, рост сепаратистских настроений в Каталонии и многочисленные коррупционные скандалы – все это стало отличительной чертой предвыборного года.

Согласно социологическим опросам, в конце ноября (т.е. меньше чем за месяц до назначенных выборов) 72% потенциальных избирателей заявляли, что пойдут голосовать, но 25% из них еще не определились со своим выбором. Это на несколько пунктов выше, чем на двух предыдущих выборах¹. Но в 2015 г. их голоса были если не решающими, то гораздо более значимыми, чем раньше (в 2008 г. их было 19%, а в 2011 г. – 21%). Новую политическую ситуацию отличала более высокая степень волатильности и межпартийной конкуренции. В начале ноября дистанция между первой и третьей партией составляла 2,5 пункта, к концу месяца она сократилась до 0,2 пункта. На предыдущих выборах 2011 г. дистанция между первым и вторым местом составляла 15,9 пункта. Таким образом, степень неопределенности относительно итогов выборов была крайне высока и сильно зависела от действий неопределившихся избирателей.

Всеобщие выборы 20 декабря 2015 г. ознаменовали конец этапа несовершенной двухпартийности², а высокая степень фрагментации нижней палаты Парламента положила начало новому периоду политической истории страны – нестабильности и неопределенности.

По итогам выборов партии распределились в следующем порядке. PP на первом месте со 123 депутатами (28,72% голосов), далее PSOE – 90 (22,01%), Podemos – 69 (20,66%), Ciudadanos – 40 (13,93%). Миноритарная партия общенационального масштаба Izquierda Unida (IU), выступавшая под маркой Народное единство сообщества (Unidad Popular en Común), заняла лишь восьмую строчку, получив 2 депутатских мандата. Занимательно, что итоги выборов были близки к прогнозу, опубликованному крупнейшим государственным социологическим «Центром социологических исследований» (Centro de investigaciones sociológicas, CIS) в июне 2013 г. Тогда социологи предсказывали PP победу при поддержке 24,4% избирателей, социалистам они пророчили 21,5% голосов. На третьем месте должны были оказаться коммунисты с 16,8% поддержки, а замыкали бы четверку лидеров представители партии «Союз, прогресс и демократия» (UyD) с 13,4%³. В сумме четыре партии должны были уже тогда набрать около 77% голосов, а две лидирующие силы – лишь 46%. Остальные голоса должны были распределиться между малыми региональными партиями Каталонии, Страны Басков, Валенсии и Канарских островов. Напомним, что в 2013 г. проект Podemos еще не был запущен, а Ciudadanos концентрировались в Каталонии.

Традиционным партиям под конец предвыборной кампании удалось немного сдержать утечку голосов и показать несколько лучшие результаты, чем предвещали социологические опросы. Тем не менее потери были весьма ощутимы. PP лишилась более 3 млн 600 тыс. голосов и 63 депутатских мест по сравнению с 2011 г. Потери социалистов составили почти 1,5 млн голосов и 20 представителей в Конгрессе депутатов (при том, что результаты 2011 г. были худшими в истории современной PSOE).

1 José Pablo Ferrándiz, "Decididos y demás indecisos," *El País*, November 26, 2015, https://elpais.com/politica/2015/11/25/actualidad/1448474556_940369.html.

2 Яковлев 2018, 99.

3 "Intención de voto," *El País*, June 8, 2013, https://elpais.com/elpais/2013/06/08/media/1370700948_080534.html.

Новые партии значительно потеснили бывшие третью и четвертую партии общенационального масштаба. IU оказалась в самом невыгодном положении. В президекаральных прогнозах 2013–2014 гг. она не опускалась ниже 11%, но с появлением на том же участке идеологического спектра Podemos ее рейтинги упали до 5%. Podemos смогла привлечь на свою сторону большую часть голосов в большинстве избирательных округов. В итоге, несмотря на набранный миллион бюллетеней (3,67%), наследнице коммунистической партии удалось получить лишь 2 кресла от столичного региона.

Успехи Ciudadanos были скромнее, чем предсказывали опросы, однако они обусловили откат UPyD на периферию национальной политики. UPyD была образована в 2007 г. Розой Диес, бывшим евродепутатом и кандидатом на пост генерального секретаря PSOE. Она выступала за «безусловную защиту единства Испании как необходимое условие равенства всех испанцев перед законом»¹. Среди основных целей партии также значились реформа Конституции с целью уравнивать компетенции всех автономных сообществ, возвращение части компетенций Мадриду, реформа избирательного законодательства с целью ликвидации чрезмерного представительства региональных партий. Партия выступала с позиций социал-демократии с уклоном в либерализм, планируя привлечь на свою сторону, прежде всего, разочаровавшихся сторонников PSOE, абсентеистов и тех, кто традиционно опускал незаполненные бюллетени. На фоне кризиса репрезентативности, с которым Испания столкнулась в 2011 г., партия значительно укрепила свои позиции. Несмотря на фактический бойкот со стороны ведущих СМИ, ряд аналитиков предсказывал партии электоральный успех. Почему Ciudadanos смогла перетянуть на себя голоса UPyD? Обе партии имели много общего: выступали в одном и том же сегменте идеологического спектра (с позиций левого центра), обе крайне негативно относились к периферийному национализму (первая в отношении Каталонии, вторая – Страны Басков). Но если первая в начале своего пути имела региональный характер, то вторая сразу действовала на общенациональном. Ciudadanos была образована годом раньше в столице Каталонии как левоцентристская партия, выступавшая против агрессивного национализма. Прежде всего, она ориентировалась на бывших сторонников Конвергенции и Союза (Convergència i Unió, CiU), Социалистической партии Каталонии, Левых республиканцев Каталонии (Esquerra Republicana de Catalunya, ERC), Народной партии и Инициативы за зеленую Каталонию (Iniciativa per Catalunya vert).

На выборах в Европарламент 2014 г. партия Р. Диес показала неплохие результаты, но позже не смогла консолидировать свою электоральную базу в условиях возросшей конкуренции. На региональных выборах 2015 г. UPyD потеряла 80% голосов. Избиратели увидели новую более сильную, более молодую и гибкую партию с похожим проектом, которая им показалась более перспективной в электоральном плане. С 1 млн 140 тыс. голосов в 2011 г. поддержка партии упала до 153,5 тыс. голосов (в 2016 г. она получила чуть более 50 тыс. голосов).

Региональный блок сократил свое представительство. Тем не менее, важно отметить стремительный рост позиций каталонской ERC-CATSI, выступавшей за выход региона из состава Испании, – с 3 до 9 мест. Наследница Конвергенции и Союза – предвыборный альянс Демократия и свобода (Democràcia i Llibertat) сократила свое присутствие с 16 до 8 мест. Остальные партии распределились следующим образом: Баскская националистическая партия (PNV) – 6, баскские радикалы EH Bildu – 2, Канарская коалиция (Coalición Canaria, CC) – 1.

PP и PSOE в сумме набрали 12,8 млн голосов (чуть менее 51% от всех проголосовавших), в то время как за новичков проголосовало 8,7 млн испанцев (34% голосов). IU и малые региональные силы получили немногим менее 15% и 2,7 млн бюллетеней (лишь

на 200 тыс. меньше, чем малые региональные силы четырьмя годами ранее в одиночку в условиях двухпартийности).

По итогам первых всеобщих выборов в условиях многопартийности стали очевидны различия старых и новых партий. Во-первых, новые партии в глазах избирателей не были связаны с коррупционными схемами, в которых была замешана верхушка обеих ведущих политических партий, что получило широкое освещение как в национальной, так и в международной прессе. Во-вторых, политики нового поколения не принадлежали к «касте», на которую общество возлагало ответственность за последствия экономического кризиса. А. Ривере и П. Иглесиасу избиратели предоставили огромный кредит доверия, обеспечив им значительную поддержку. Не последнюю роль сыграл и маркетинг – название, цвета, логотипы новых образований. Дебютанты оставили в прошлом времена безликих аббревиатур, предпочитая звонкие и запоминающиеся имена (эта тенденция сохранилась и в 2019 г. – *Más País*, *Teruel Existe*); на первые позиции избирались молодые, фото- и медиагеничные, харизматичные лидеры, способные привлечь, прежде всего, избирателей до 35–40 лет.

Возможностей для создания жизнеспособной правительственной коалиции в условиях фрагментации Парламента было мало. Тональность задавали четыре сильных игрока, каждый из которых в силу личных амбиций и интересов не был готов идти на существенные уступки конкурентам. Блокирование могло идти по двум осям: правые (PP + Ciudadanos) – левые (PSOE, Podemos, Compromís, IU); старые – новые. В первом случае соотношение блоков было 163 против 161 в пользу правых (при том, что левые получили почти на 1 млн голосов больше). Во втором – 213 против 109.

Для избрания на пост председателя Правительства кандидату (Мариано Рахою или Педро Санчесу) требовалось получить поддержку абсолютного большинства депутатов (176 человек) в первом туре, либо относительного большинства во втором спустя 48 часов после первого этапа. Обоим кандидатам необходимо было заручиться внешней поддержкой, однако помощь региональных (в особенности, каталонских) сил грозила значительными электоральными и репутационными потерями. Выдвигались версии образования большой коалиции «консерваторы плюс социалисты», но и те, и другие не поддерживали эту опцию в силу непреодолимого антагонизма. В этих условиях PSOE начала переговоры с обеими новыми партиями. И если Podemos постоянно срывали процесс, то с Ciudadanos соглашение было подписано. Это явилось формальным поводом для разрыва отношений между популистами и социалистами. Реальной же причиной было стремление Podemos к повторным выборам, чтобы на волне расцвета популизма обогнать Социалистическую партию.

Столкновение интересов игроков не позволило сформировать Правительство, Конгресс депутатов был распущен, были назначены новые выборы. В глазах избирателей препятствием на пути к формированию правительства стала, в том числе, недееспособность П. Иглесиаса.

В многопартийной системе, когда ни одна из партий не обладает всей полнотой власти, достаточной для формирования однопартийного правительства, первостепенными становятся два фактора – ретроспективная оценка деятельности и способность к заключению постэлекторальных союзов. Несостоятельность истеблишмента стала причиной активизации рационального типа голосования, при котором избиратель руководствовался бы не личной привязанностью, а здравым расчетом. Это привело к укреплению позиций традиционных партий.

По итогам повторных выборов, состоявшихся 26 июня 2016 г., лидерство сохранили PP – 137 избранных; на втором месте осталась PSOE – 85, UP (стратегическая коалиция Podemos и Izquierda Unida, сформированная в преддверии выборов с целью обойти социалистов) – 71, Ciudadanos – 32. В региональном блоке сложилась следующая ситуация: ERC – 9 мест, CDC – 8, PNV – 5, EH Bildu – 2, CC – 1. Таким образом, традиционные партии укрепили свои позиции (плюс 9 мандатов и около полумиллиона голосов), а новые наоборот ослабили (минус 6 мандатов и полмиллиона голосов). Левый блок потерял порядка миллиона голосов, правый получил на 300 тыс. голосов больше и завоевал лидерство. Малые региональные силы потеряли одно место. Расклад сил изменился незначительно, проблема образования Правительства возникла вновь.

Вариант «Большой коалиции» все также отвергался обоими лидерами политического процесса. Правые (169 депутатов), даже при привлечении идеологически близких CC и PNV, набирали лишь 175 голосов поддержки. Правительство левого блока (156 депутатов) могло быть образовано при поддержке региональных партий, выступающих за сецессию Каталонии. Альянс PSOE, UP и Cs набирал достаточное количество голосов, но не представлялся возможным из-за антагонизма двух последних игроков.

Правительство консервативной партии было образовано лишь благодаря тому, что социалистическая партия по требованию своего руководства воздержалась при голосовании, оказав пассивную поддержку М. Рахою. Это привело к расколу в социалистической партии и уходу П. Санчеса в знак протеста против принятого руководством партии решения.

PP сформировала однопартийное правительство и приступила к решению экономических проблем страны. Однако сама легислатура 2016 г. оказалась крайне непростой как для народников, так и для остальных участников политического процесса. Положение всех партий существенным образом изменялось в зависимости от внутрипартийных и общеполитических факторов. С конца 2016 г. Ciudadanos начала отходить от принципов социал-демократии, которых придерживалась ранее, сдвигаясь вправо по идеологическому спектру.

Трудный и длительный процесс переговоров по формированию Кабинета министров не мог не сказаться на электоральной поддержке его участников. Он принес значительный рост одобрения консерваторам, и стоил второго места социалистам. В итоге к октябрю 2016 г. по опросам социологического центра «Metroscopia» уровень поддержки PP вырос до 37%, П. Иглесиаса до 22,1%, PSOE опустились до 18% (почти 63% электората социалистов не одобряли решения партии воздержаться при голосовании по кандидатуре на пост председателя Кабинета министров¹), а замыкали четверку лидеров Ciudadanos с 11,6%². Похожая тенденция была зафиксирована и Центром социологических исследований³. Согласно этому опросу разница между правым и левым блоками возросла в пользу первого – 49,4% против 40,1%. Четыре ведущие партии продолжали аккумулировать около 90% всех голосов избирателей.

Существенные изменения произошли к апрелю следующего года. В то время как PP несколько сдала свои позиции, партия А. Риверы смогла консолидировать часть электората. Кроме того, правый блок мог бы получить абсолютное большинство мест в Конгрессе депутатов, если бы в этот момент проводились парламентские выбо-

1 "Dos de cada tres votantes del PSOE creen que abstenerse ante Rajoy fue un error," Sociometrica, accessed June 20, 2020, <http://sociometrica.es/2016/11/7-xii-16-situacion-interna-del-psoe/>.

2 Rafa de Miguel, "Podemos superaría al PSOE si hubiese terceras elecciones," *El País*, October 16, 2016, https://elpais.com/politica/2016/10/15/actualidad/1476542866_441830.html.

3 "Intención de voto y valoración de líderes," *El País*, February 9, 2017, https://elpais.com/elpais/2017/02/07/media/1486470621_506275.html.

ры. Социалисты также смогли нарастить свою электоральную базу и обогнать Unidos Podemos, от которых начался отток избирателей¹. PP и PSOE могли потерять по 4 депутатских места, UP лишилась бы 12 мандатов, а Cs увеличили бы свое представительство с 32 до 50 депутатов. Таким образом, левый блок сократился бы со 156 конгрессменов до 140, а правый увеличился со 169 до 183. Изменилось бы и соотношение новых и старых партий. Вместо 222 представителей традиционных партий и 103 от новых сил, мог сложиться расклад 214 против 109. Позиции UP сильно пошатнулись после проведенной в начале года народной ассамблеи Vistalegre 2, которая обозначила раскол в рядах учредителей партии и персоналистский характер власти². Назначение первичных выборов социалистической партии и выдвижение С. Диас и П. Санчеса в качестве основных кандидатов на пост руководителя PSOE благотворно сказались на рейтингах партии, лишившейся сильного лидера в результате внутривнутрипартийного кризиса.

Рост популярности социалистов усилился к середине лета (после победы П. Санчеса на первичных выборах), они могли бы превзойти результаты, полученные на выборах, состоявшихся 26 июня 2016 г.³ В то же время PP продолжала находиться в состоянии свободного падения. За последние три месяца она потеряла 5 пунктов. Народники в июне находились на отметке 26,7, в то время как социалисты – на 24,2. Правому блоку все еще удалось бы заполучить абсолютное большинство мест, но лишь благодаря очередному рывку Либеральной партии, претендовавшей уже на 56 депутатских мест. П. Иглесиас, несмотря на (неудачно) проведенную процедуру вынесения вотума недоверия М. Рахою, придавшую ему необходимую медийную поддержку, продолжил терять позиции. Дистанция от Ciudadanos, его ближайшего конкурента, составляла всего 2 депутатских мандата.

Эскалация каталонского кризиса внесла существенные изменения в расклад сил. В то время как две ведущие партии ослабили свои позиции, Ciudadanos вышла на третье место по прогнозируемым голосам. PP опустилась до 26,3%, PSOE – до 23,1%, Ciudadanos выросла до 20,7%, UP остановилась на отметке 19%⁴. Таким образом, традиционные партии аккумулировали 49,4%, новые привлекали 39,7%. Правый блок концентрировал голоса 47% испанцев, левый – 42,1%. Ряд опросов⁵ в этот же период давали партии А. Риверы даже второе место в рейтинге, сокращая дистанцию между тремя ведущими партиями. Это могло привести к «технической ничьей» между тремя игроками. Ciudadanos значительно усилила свои позиции на национальном поле после того, как заняла первую позицию на досрочных региональных выборах Каталонии. Политическая турбулентность в регионе также благотворно повлияла на активность испанцев. Прийти на избирательные участки изъявило желание 75% граждан – на 5% выше, чем на протяжении последнего времени. По сравнению с итогами выборов 2016 г. М. Рахой мог бы потерять около 40 депутатских мест, П. Иглесиас – 22; П. Санчес получил бы дополнительно 2 места, А. Ривера – рекордные 54.

Ключевым событием следующего периода стала успешно проведенная процедура вынесения вотума недоверия правительству М. Рахою и неожиданный приход к власти лидера Социалистической партии П. Санчеса. Это моментально изменило рас-

1 "Abr17. Estimación voto en España," Sociométrica, accessed June 20, 2020, <http://sociometrica.es/2017/04/abr17-estimacion-de-voto-en-espana/>.

2 Хенкин 2018, 103.

3 "Jun17. Estimación de voto nacional," Sociométrica, accessed June 20, 2020, <http://sociometrica.es/2017/06/jun17-estimacion-de-voto-nacional/>.

4 Por M. Castillo and M.G. Mayo. "Barómetro del CIS: Ciudadanos crece en intención de voto en enero y rebasa a Podemos," *Expansion*, February 5, 2018, <https://www.expansion.com/economia/politica/2018/02/05/5a78423ee5fdea555e8b4578.html>.

5 Alberto Lardiés, "Lo nunca visto: triple empate entre un Cs que se dispara, un PP que se hunde y un PSOE a la baja," *El Espanol*, January 6, 2018, https://www.elespanol.com/espana/20180106/nunca-triple-empate-cs-dispara-pp-psoe/274973129_0.html.

становку сил. PSOE, стабильно терявшая поддержку электората всю весну, сделала резкий скачок. Вынесение приговора по делу о коррупции, в которой было замешано руководство Народной партии¹, и уход М. Рахоя с поста руководителя партии, напротив, сильно подорвали репутацию консерваторов и негативно сказались на рейтингах. Опросы предрекали социалистам поддержку 26,3% избирателей, Ciudadanos – 24,3%, PP – 22,3%, UP – 16,1%². Таким образом, правый блок набирал 46,5%, левый – 42%.

В то же время социологи выявили тревожную тенденцию к росту популярности ультраправой партии Vox, до этого момента оставшейся на периферии испанской политики. Компания «Sociometrica», например, давала им чуть более 2% поддержки населения, которые могли конвертироваться в 2 места в Конгрессе депутатов³ (до этого партия ни разу не смогла провести своих представителей в нижнюю палату испанского Парламента). Причиной такого роста стал Каталонский кризис и негативное восприятие электората парламентских партий, прежде всего, PP.

Приход социалистов к власти по некоторым данным позволил им уже осенью преодолеть отметку в 30%⁴. Рейтинги консерваторов и Ciudadanos застыли на отметке 20%, а UP – 15%. Правительство П. Санчеса пользовалось в 2 раза большей поддержкой граждан, чем Кабинет министров М. Рахоя⁵. Избрание П. Касадо на пост лидера PP несколько улучшило позиции партии, но не настолько, чтобы иметь возможность оспорить первое место социалистов. Ощущался сильный отток голосов как к центру, так и к набирающей популярность ультраправой Vox. В сентябре партии расположились в следующем порядке: PSOE (26%), PP (23%), Ciudadanos (23%), UP (17%)⁶. Смена правительства и руководства PP негативно сказались на положении Либеральной партии. Стремительный рост поддержки, начавшийся вследствие каталонского кризиса, сменился падением.

В конце 2018 г. состоялись региональные выборы в Андалусии – традиционно левом регионе. Большинство исследователей сходились во мнении, что политический ландшафт Андалусии ждут серьезные перемены. За 2 недели до выборов опросы предсказывали успех PSOE⁷ – почти 31% голосов и 37–40 мест в Парламенте. За второе место должны были побороться PP, Андалусия вперед (Adelante Andalucía, AA) и Ciudadanos – они могли получить по 20% голосов. Явка оценивалась в 64%, что являлось нормой для выборов регионального характера. При этом за 2 недели до выборов, доля неопределившихся избирателей составляла 20%. Любопытно, что 82% опрошенных прогнозировали победу PSOE, но лишь 32% хотели этого.

Итоги выборов многими обозревателями были названы «политическим цунами». Успех в еще недавнем прошлом партии-аутсайдера, популистской праворадикальной Vox привел всех в недоумение: партии удалось получить 12 мандатов в Парла-

1 Яковлев 2018, 105.

2 Marisa Cruz, "El PSOE da el gran 'sorpasso'," *El Mundo*, July 15, 2018, <https://www.elmundo.es/espana/2018/07/15/5b49f14822601d55678b457a.html>.

3 "Una nueva encuesta vaticina la irrupción de VOX en el Congreso," *La Gaceta*, April 3, 2018, <https://gaceta.es/espana/una-nueva-encuesta-vaticina-la-irrupcion-de-vox-en-el-congreso-20180625-1034/amp/>.

4 "El PSOE ganaría las elecciones con el 31,6% de los votos y Cs adelanta al PP, según el CIS," *20 Minutos*, October 25, 2018, <https://www.20minutos.es/noticia/3474501/0/cis-octubre-2018-intencion-voto/>.

5 Carmen Lucas-Torres, "El Gobierno de Sánchez es el doble de popular que el de Rajoy pero gestiona peor Cataluña e inmigración," *El Espanol*, September 2, 2018, https://www.elespanol.com/espana/politica/20180902/gobierno-sanchez-popular-rajoy-gestiona-cataluna-inmigracion/334717095_0.html.

6 Carmen Lucas-Torres, "El PSOE ganaría hoy las elecciones pero no pasaría de 103 escaños frente a 90 de PP y 81 de Cs," *El Espanol*, September 3, 2018, https://www.elespanol.com/espana/politica/20180903/psoe-cs-pp-panuelo-espanol-publicara-sondeo/334966857_0.html.

7 Fernando H. Valls, "Parados y jubilados de Andalucía votan al PSOE; los estudiantes apuestan por Cs," *La Información*, November 19, 2018, <https://www.lainformacion.com/espana/elecciones-andalucia-jubilados-parados-estudiantes/6437437/>.

менте Андалусии. Лучшие показатели пришлись на крупные и средние города, а также на избирателей с высокими доходами, а не на сельскую местность, как предсказывали аналитики. Остальные партии распределили места следующим образом: у PP – 26, PSOE – 22, Cs – 21, AA – 17. Правый блок получил 49 мест, левые – 39. Это означало конец 40-летнего господства социалистов в регионе. Явка оказалась ниже прогнозируемой – 58,7%, что негативно сказалось на результатах трех партий – PSOE, PP и AA, и оказалось на руку Ciudadanos, увеличившей свое представительство с 9 до 21 депутата, а также Vox. После трехнедельных переговоров сформировалось первое в истории региона Правительство правого блока (PP и Ciudadanos при поддержке Vox)¹.

Зимой 2019 г. стало очевидно, что принять бюджет без поддержки Парламента Правительству меньшинства не удастся. Опросы показывали, что социалисты пользуются значительной поддержкой населения, и П. Санчес назначил досрочные выборы на 28 апреля, за месяц до запланированных на 26 мая региональных и общеевропейских выборов.

Явка составила рекордные 75,75% от общего числа имеющих право голоса граждан. Первую строчку заняли социалисты, получив 28,68% голосов, на 6 пунктов и 38 мест больше, чем в 2016 г. На втором месте закрепились народники с 16,7% голосов, потеряв за 3 года более 16 пунктов и 3,5 млн избирателей. На третью строчку поднялась партия Ciudadanos, которая привлекла на свою сторону более 1 млн новых сторонников. Самые большие потери были у партии П. Иглесиаса – они составили около 1,3 млн избирателей. На пятом месте обосновалась партия Vox с 10,26% голосов. По депутатским мандатам партии распределились следующим образом: PSOE – 123, PP – 66, Ciudadanos – 57, UP – 42, Vox – 24. Региональный блок увеличил свое представительство с 25 до 35 депутатов (из них на 6 кресел укрепились ERC, по 1 дополнительному месту получили PNV и CC, 2 – EH Bildu).

Таким образом, левый блок в сумме занял 165 мест в нижней палате Парламента. До заветной отметки в 176 мест ему не хватало 11 парламентариев. Правые партии расположились еще дальше от абсолютного большинства, насчитывая 147 депутатов (при этом по количеству бюллетеней левый блок опережал правый лишь на 100 тыс.). Партия А. Риверы отставала от консерваторов на 9 депутатов, что объяснило дальнейшую стратегию либералов – сместить теряющую популярность PP с позиции главной оппозиционной силы в случае повторных выборов и не идти на сближение с социалистами. Кроме того, между двумя лидерами существовала высокая степень антагонизма – следствие сближения П. Санчеса с каталонскими сепаратистами с целью проведения импичмента М. Рахою.

После подведения итогов выборов (парламентских и в Европейский парламент, а также в региональные и местные органы власти) партии определились со своими стратегиями. Социалисты не хотели формирования коалиционного правительства и по этой причине всячески саботировали переговоры. UP, напротив, стремились занять ключевые позиции в будущем Кабмине и требовали соблюдения пропорционального принципа. Консерваторы, поработав над ошибками после худшего в истории результата, перешли к умеренной риторике в попытке привлечь отвернувшихся от них избирателей. Либералы продолжали атаковать лидера социалистов, пытаясь подорвать доверие к нему со стороны левых и левоцентристских избирателей. Это привело к внутривнутрипартийному кризису, за которым последовал выход из партии ключевых фигур, стоявших у истоков Ciudadanos. Главный дебютант, партия Vox неоднократно прибегала к неконвенционному поведению и эпатажу, в том числе, с целью привлечения внимания прессы.

1 Lourdes Lucio, "Moreno abre un ciclo nuevo en Andalucía con el apoyo de PP, Ciudadanos y Vox," *El País*, January 17, 2019, https://elpais.com/politica/2019/01/16/actualidad/1547657697_139882.html.

Вялотекущий переговорный процесс, сопровождавшийся политикой взаимного выламывания рук между левоцентристами и крайне левыми, закончился роспуском Парламента. На предстоящих выборах PSOE планировала улучшить показатели, UP – вернуть потерянных избирателей, Ciudadanos – обогнать PP, консерваторы хотели укрепиться, а Vox – превзойти предыдущие результаты. Не все из этих планов были реализованы.

В период между выборами электоральный ландшафт Испании претерпел ряд изменений. Осенью PP, озабоченная повышенной фрагментацией в лагере правых, предложила Ciudadanos и Vox выступить единым блоком под брендом España Suma (по аналогии с Navarra Suma, успешно дебютировавшей на предыдущих региональных выборах). Однако законы арифметики не всегда срабатывают в электоральном пространстве. Многие избиратели, отвернувшиеся ранее от консерваторов, могли не поддержать инициативу и просто не прийти на избирательные участки в знак протеста. Этого, очевидно, опасались А. Ривера и С. Абаскаль, поэтому предложение принято не было.

В условиях нарастающего разочарования в левых партиях, не способных найти компромисс, бывший соратник П. Иглесиаса – И. Эррехон решил на переход из региональной политики в национальную, создав партию «Больше страны» (Más País, MP). Más País выставила своих кандидатов лишь в крупных округах, где недовольные бывшие сторонники П. Санчеса и П. Иглесиаса могли предпочесть нового игрока. Эта стратегия могла сработать, учитывая традиционную пассивность левого электората в ситуации политической апатии. Лидер был широко известен и поддерживался значительной частью избирателей UP. И. Эррехону также удалось добиться поддержки региональных союзников UP. Однако приговор по Каталонскому процессу и последовавшие за ним недельные массовые беспорядки, которые сопровождались применением насилия, поджогами и перекрытием автомагистралей, практически вывели MP из электорального контекста: все внимание СМИ и общественности было приковано к событиям в проблемном регионе, а не вопросам экологии, феминизма и снижения возрастного порога для голосования, на которые делал ставку И. Эррехон.

Перед новыми выборами 2019 г. положение А. Риверы было наиболее уязвимым. С одной стороны, он дольше конкурентов возглавлял партию. С другой, все исследования общественного мнения предсказывали значительное падение поддержки (его могли обогнать UP и Vox). Тема смены лидера партии, таким образом, перестала быть табуированной.

Выборы 10 ноября 2019 г. определили новую расстановку сил. Сенсацией стало стремительное падение Ciudadanos (потеря 47 из 57 мандатов) и такой же стремительный рост ультраправых (увеличивших свое представительство более чем в два раза). Финальный результат выглядел следующим образом: PSOE – 120, PP – 89, Vox – 52, UP – 35, ERC – 13, Cs – 10, JxCat – 8.

Социалисты вполне ожидаемо получили большинство (26% голосов и 120 мест), консервативная Народная партия расположилась на второй позиции, значительно увеличив представительство (20,82% и 89 мест). В остальном нижняя палата мало чем напоминала состав предыдущей. Главным триумфатором стала Vox, получившая на 1 млн голосов больше и увеличившая свое представительство с 24 до 52 депутатов. Главным аутсайдером стала Ciudadanos, потерявшая 2,5 млн голосов и 47 мест. UP не досчиталась чуть более 600 тыс. голосов и 7 портфелей. Más País провела в Парламент 3 своих депутатов, а каталонская «Кандидатура народного единства» (Candidatura de Unidad Popular, CUP) – 2. Еще одним новичком стала партия «Теруэль существует!» (Teruel existe!), которая получила 1 место. Общее число партий увеличилось с 13 до 16. В Сенате социалисты потеряли

абсолютное большинство (92 места против 121), консерваторы увеличили свое представительство (84 против 56). Прирост регионального блока был равен четырем; одно из мест отошло Каталонии (при этом ERC потеряла 2 мандата, JxCat получила 1 и 1 – внесистемная CUP), 1 – к Стране Басков, 1 – Галисии, 1 – новой партии Teruel existe!

* * *

Можно заключить, что за последние четыре года в Испании закрепились многопартийность. На данный момент в общеиспанском политическом пространстве действуют 5 сильных партий, при этом в актуальных условиях не очень понятен сценарий, по которому пойдет развитие Либеральной партии, представляющей правый центр. После очевидного поражения 10 ноября 2019 г. лидер Ciudadanos покинул пост председателя партии и ушел из политики.

Также на левом фланге появилась новая сила, которая пока не набрала нужный политический вес, но имеет определенный потенциал. При должном умении она может перетянуть к себе сторонников П. Иглесиаса, т.к. играет с ним на одном участке идеологического спектра. Традиционные антагонисты испанского электорального процесса – социалисты и консерваторы – решили не придерживаться немецкого сценария «Большой коалиции», и продолжают выступать в качестве лидеров каждый в своем секторе. Каталонский кризис привел, с одной стороны, к росту ультраправых настроений, выразившись в укреплении партии Vox, с другой, – к увеличению представителей проблемного региона в Конгрессе депутатов.

В то же время, становится очевидной необходимость реформирования избирательного законодательства, т.к. в условиях многопартийности оно существенно усложняет, а иногда и препятствует формированию стабильных сильных правительств, а также вынуждает потенциальных кандидатов идти на поводу у региональных партий в поисках поддержки.

За указанный период также стало очевидно, что повторные выборы укрепляют позиции традиционных партий, как более надежных, предсказуемых и опытных акторов политического процесса, в ущерб его новичкам. Несмотря на то, что позиции новых партий несколько ослабели по сравнению с 2015 г., их поддержка достаточно высока, чтобы препятствовать восстановлению двух с половиной-партийной системы в среднесрочной перспективе. Блокирование политического процесса не исключает смены лидеров основных партий в поисках более рационального подхода к формированию правительственных коалиций.

→ Список литературы / References

Хенкин, С.М. Перестройка партийной системы Испании // *Актуальные проблемы Европы*. – 2018. – №2. – С. 85-110. [Khenkin, S.M. "Perestroika partiinoi sistemy Ispanii" [Restructuring the party system in Spain]. *Urgent Problems of Europe* 2 (2018): 85-110.] [In Russian]

Яковлев, П.П. Испания на крутом политическом вираже // *Свободная мысль*. – 2018. – №4. – С. 99-112. [Yakovlev, P.P. "Ispaniya na krutom politicheskom virazhe" [Spain on a sharp political bend]. *Svobodnaya mysl'* 4 (2018): 99-112.] [In Russian]

The changing electoral landscape of Spain (2015–2019)

A.A. Kurakina–Damiir

→ Abstract

In the middle of the second decade of the 21st century there has begun a process of reorganization of Spanish electoral landscape. The Congress of Deputies (lower, and the key chamber of the Spanish Parliament) in its 2019 iteration is not much like the Congress of 2000–2011. The list of parties does not include Unión, Progreso y Democracia (UPyD) and Izquierda Unida (IU), which were predicted to grow significantly due to the decline in competitiveness of the leading parties, and were replaced by new members – Podemos, Ciudadanos, Más País, Teruel Existe. The Catalan parties, being the representatives of the most politically intense region of Spain, were also significantly altered and consequently strengthened their positions. A number of autonomous regions changed their ‘party affiliations’, and an atmosphere of uncertainty reigned in sparsely populated provinces. The author discusses main reference points for the political process of the country which significantly changed the balance of power, as well as the difficulties that political actors faced in the process of reaching or not reaching sought compromises. Over the past 4 years voters have been forced to return to polling stations twice to elect the national Parliament. Evidently, the Cabinet must urgently reform the system of government formation in order to avoid similar problems in the future.

→ Key words

Spain, political parties, multiparty system, elections, government formation, Catalonia

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-19-30>

Research article

Alexandra A. Kurakina–Damiir, PhD (Political Science), Senior Research Associate, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

E-mail: Kurakina.alex@gmail.com

For correspondence: 115035, Russia, Moscow, Bol’shaya Ordynka St., 21/16

For citation: Kurakina–Damiir A.A. The changing electoral landscape of Spain (2015–2019). *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 2 (2020): 19–30. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-19-30>.

Received: 02.09.2020

Accepted: 01.10.2020

Политика – Política

Левые и правые популисты в Испании: от истоков до пандемии коронавируса

А.Л. Дунаев

→ Аннотация

После смерти Франко в 1975 году в Испании произошел переход к демократии, сопровождавшийся складыванием двухпартийной партийно-политической системы. Хотя в целом этот переход носил мирный характер, он не решил целый ряд важных проблем испанского общества, которые приобрели первостепенное значение в последнее десятилетие. Особенности режима, закрепленного Конституцией 1978 года, вместе с последствиями финансово-экономического кризиса 2008–2010 годов, создали ту питательную среду, в которой в 2010-е годы выросли популистские партии. В настоящей статье рассмотрены кризис постфранкистской политической модели как предпосылка возникновения популистских партий, особенности их программ, а также действия, предпринятые ими в условиях пандемии коронавируса. Автор отмечает, что к 2014 году сложилась ситуация, в которой основные партии страны либо продемонстрировали неготовность решать насущные проблемы, либо предложили решения, неприемлемые для значительной части населения. В такой ситуации социальный протест начал обретать свою политическую форму. Появление популистов в электоральном поле в значительной степени обновило политическую повестку страны, оживив дискуссии по актуальным вопросам и заставив меняться «тяжеловесов» испанской политики – социалистов и Народную партию. Автор заключает, что трансформация политического дискурса способна привести к обновлению всей политической системы страны и поиску новых решений для вопросов, которые остаются ключевыми в политической повестке Испании на протяжении последних десятилетий.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-31-41>

Исследовательская статья

Дунаев Александр Львович, к.ист.н., внештатный сотрудник Центра проблем безопасности и развития при факультете мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

E-mail:

aleksandr.dunaev@gmail.com

Для корреспонденции: 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 51

Для цитирования: Дунаев А.Л. Левые и правые популисты в Испании: от истоков до пандемии коронавируса. *Иberoамериканские тетради*. 2020, 8(2): 31-41. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-31-41>.

Статья поступила в редакцию: 03.09.2020

Принята к публикации: 05.10.2020

→ Ключевые слова

Испания, популизм, кризис, пандемия коронавируса, двухпартийная модель, Podemos, Vox

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциально-го конфликта интересов.

Политическая модель, предложенная обществу правящей элитой в непростых условиях второй половины 1970-х годов, когда многим казалось, что Испания балансирует на грани новой гражданской войны, преследовала две основные цели. Во-первых, страна должна была преодолеть или, по крайней мере, ослабить сохранявшийся со времен гражданской войны раскол на победивших франкистов и проигравших республиканцев. Во-вторых, нужно было 'нейтрализовать' и вовлечь в политический процесс те силы, которые могли бы бросить вызов сложившейся структуре общества. К их числу относились как левые партии (Социалистическая рабочая и Коммунистическая), мечтавшие об установлении республики, так и каталонские и баскские националисты, боровшиеся за отделение от Испании.

Постфранкистская демократия: *transición* или *transacción*?

В рамках новой модели, закрепленной в Конституции 1978 года¹, можно выделить несколько ключевых аспектов, предопределивших политическое развитие страны в последующие десятилетия. Испания оставалась монархией, в которой король хотя и не располагает всей полнотой власти, но не несет ответственности и обладает довольно широкими полномочиями, например, подписывает законы, объявляет о проведении референдумов, созывает и распускает парламент, назначает главу и членов Кабинета министров, а также возглавляет вооруженные силы. Кроме того, монарх должен играть роль арбитра в кризисных ситуациях. Во многом, эти прерогативы были скопированы с функций «главы государства», прописанных во франкистском Основном законе 1967 года². Огромное значение имело то, что Хуан Карлос I провозгласил себя королем всех испанцев вне зависимости от их политических предпочтений: тем самым монархия взяла на себя роль объединительного символа для расколотого испанского общества.

Проблему баскского и каталонского сепаратизма Конституция решала путем разделения Испании на автономные сообщества. Благодаря этому, из уникальных территорий в составе Испании с богатыми традициями борьбы за независимость Страна Басков и Каталония превратились лишь в две из семнадцати автономий. Вместе с тем Конституция закрепляла единство и неделимость Испании, что создавало юридическое противоречие (унитарное государство versus государство автономий), которое впоследствии сыграло важную роль в каталонском кризисе 2017 года.

Наконец, социалистическая и коммунистическая партии были не только легализованы, но и допущены к непосредственному управлению страной при условии признания монархии и отказа от республиканских лозунгов. В последующие годы судьба этих двух партий сложилась по-разному: если социалисты стали одной из двух крупнейших политических сил страны, то коммунисты утратили свое влияние и на рубеже 1980–1990-х годов были вынуждены трансформироваться в новые политические образования.

Что касается избирательной системы, то в ее основу был положен метод Д'Ондта, который обеспечивает на выборах непропорциональное преимущество победившей партии и дискриминирует политические силы, занявшие третье или четвертое места. Это привело к тому, что в испанской политике на три десятилетия установилось доминирование двух основных партий – Социалистической и Народной, – которые могли вступать в парламентские коалиции с более мелкими политическими силами, но неизменно формировали однопартийные кабинеты, не допуская в них присутствия своих временных союзников. Кроме того, метод Д'Ондта обеспечивал непропорционально

1 "Constitución Española. Núm. 311 del 29.12.1978," Boletín Oficial del Estado, accessed July 1, 2020, <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1978-31229>.

2 "Ley Orgánica del Estado. Núm. 9 del 11.01.1967," Boletín Oficial del Estado, accessed July 1, 2020, <https://www.boe.es/boe/dias/1967/01/11/pdfs/A00466-00477.pdf>.

большое представительство в Кортесах баскским и каталонским националистическим силам, которые занимали первые места на выборах в своих автономиях, но не давал им возможности существенно влиять на политику, проводимую правящей партией.

Кризис испанской партийно-политической системы

Такая система оказалась довольно стабильной и без особых потрясений продержалась до конца 2000-х годов. По сути, она устраивала всех: правящие элиты сохранили контроль над «командными высотами», левые и националисты получили свою долю властного пирога. По меткому выражению испанского историка Хуана Эславы Галана, трансформация политической системы страны в первое десятилетие после смерти Франко представляла собой скорее не *transición* («переход»), а *transacción* («сделку»)¹.

Однако мировой финансово-экономический кризис, разразившийся в 2008 году, не только подорвал испанскую экономику, но и запустил или активизировал ряд политических процессов, с которыми постфранкистское государство оказалось не способно справиться.

В 2009 году правительство социалистов под руководством Хосе Луиса Родригеса Сапатеро попыталось побороть кризис при помощи кейнсианских мер, однако успеха не снискало. Находясь под сильным давлением со стороны Брюсселя и Европейского Центрального Банка², испанский премьер сначала согласился на сокращение бюджетных расходов³, а затем назначил досрочные выборы на осень 2011 года, на которых социалисты потерпели поражение и были вынуждены уступить бразды правления Народной партии.

Кабинет Мариано Рахоя выбрал тактику бюджетной экономии и пошел на существенное сокращение социальных расходов. Это вызвало сильный социальный протест, давший начало движению «Indignados» («Возмущенные»). По сути, к 2014 году сложилась ситуация, в которой обе основные партии страны либо продемонстрировали свою неготовность решать насущные проблемы страны, либо предложили такие решения, которые оказались неприемлемы для значительной части населения.

В 2014 году социальный протест обрел политическую форму с появлением партии Podemos, которая быстро приобрела широкую популярность и бросила вызов монополии социалистов на левом фланге политического поля. В свою очередь, позиции правой Народной партии серьезно пошатнулись с появлением партии Ciudadanos: первоначально ее иногда тоже относили к популистским, но затем общепринятым стало ее восприятие как неолиберальной правоцентристской силы⁴.

В результате, если на выборах 2011 года все еще сохранялось привычное доминирование двух партий, то выборы декабря 2015 года стали поворотным моментом в современной политической истории Испании: появление в Кортесах четырех крупных фракций (социалистов, Народной партии, Podemos и Ciudadanos) положило конец существованию двухпартийной системы.

Этим трансформация политической системы Испании не ограничилась. В последнее десятилетие престиж испанской монархии оказался сильно подорван чере-

1 Eslava Galán 2013, 348.

2 Дунаев 2015, 132.

3 Claudi Pérez and Carmen Pérez-Lanzac, "El BCE publica el cruce de cartas entre Trichet y Zapatero," *El País*, December 19, 2014, https://elpais.com/economia/2014/12/19/actualidad/1419016384_360049.html.

4 Дунаев А.Л. Уходящая натура. Почему неолиберальные политики нового формата не добились успеха [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ukhodyashchaya-natura-pochemu-neoliberalnye-politiki-novogo-formata-ne-dobilis-uspekha/> (дата обращения: 01.07.2020).

дой коррупционных скандалов, в которых оказались замешаны инфанта Кристина и король Хуан Карлос I, вынужденный отречься от престола в 2014 году в пользу своего сына Филиппа.

Впрочем, и после отречения поток нелюбимых новостей, касающихся теперь уже «почетного» монарха, не прекратился. В марте 2020 года швейцарская газета «Tribune de Genève» опубликовала сведения о том, что двенадцатью годами ранее саудовский король Абдалла ибн Абдул-Азиз Аль Сауд перечислил Хуану Карлосу 100 млн долларов на швейцарский счет одного панамского фонда, вероятно, в знак благодарности за награждение его Орденом Золотого руна и за подписание соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между Мадридом и Эр-Риядом. В 2012 году 65 млн долларов из этих средств отправились на багамский счет немецкой предпринимательницы Коринны Ларсен, «подруги» Хуана Карлоса¹. В свою очередь, британская «Daily Telegraph» сообщила, что доходы от панамского фонда получал и Филипп VI². Пытаясь спасти репутацию королевского дома, нынешний монарх заявил, что ничего об этом не знал, отказался от наследства своего отца и отменил выплату содержания Хуану Карлосу со стороны испанского государства в размере 200 тысяч евро в год³. Сам же почетный король в начале августа 2020 года сообщил сыну о намерении уехать из страны и отправился в Доминиканскую Республику, хотя и не исключил своего возвращения в Испанию в будущем⁴.

Помимо скандалов, на восприятие испанцами королевского дома повлияли и политические промахи Филиппа VI в ходе каталонского кризиса 2017 года: тогда он не сумел выступить в роли арбитра в противостоянии Мадрида и Барселоны, фактически поддержав силовые действия правительства Мариано Рахоя.

В совокупности все эти факты поставили под сомнение ту символическую объединительную роль, которую испанская монархия играла после 1975 года. Авторитет монархии в последние годы неуклонно падает. Если в 2010 году, по данным опросов, 57% испанцев выступало за сохранение монархии и лишь 26% предпочло бы республиканскую форму правления⁵, то в 2020 году доли монархистов и республиканцев сравнялись (по 47%), а 62% испанцев заявили о том, что желают проведения референдума о форме государственного устройства⁶.

Что касается системы автономий, которая в конце 1970-х годов казалась удачным решением проблемы сепаратизма, то сорок лет спустя она обернулась такими проблемами, которые поставили под угрозу целостность испанского государства. Кульминацией стал каталонский кризис осени 2017 года, когда сторонники отделения от Испании провели несанкционированный референдум, а затем приняли одностороннюю декларацию о независимости. Для восстановления контроля над мятежной

1 Sylvain Besson and Caroline Zumbach, "Une enquête dévoile l'argent secret de l'ex-roi d'Espagne à Genève," *Tribune de Genève*, March 3, 2020, <https://www.tdg.ch/geneve/actu-genevoise/enquete-devoile-argent-secret-lexroi-despagne-geneve/story/31925842>.

2 James Badcock, "Spanish king named on offshore fund linked to €65m Saudi 'gift'," *Daily Telegraph*, March 14, 2020, <https://www.telegraph.co.uk/news/2020/03/14/spanish-king-named-offshore-fund-linked-65m-saudi-gift/>.

3 "Felipe VI de España renuncia a recibir herencia de su padre Juan Carlos y le retira asignación," *El Universo*, March 15, 2020, <https://www.eluniverso.com/entretenimiento/2020/03/15/nota/7783614/felipe-vi-espana-renuncia-recibir-herencia-su-padre-juan>.

4 Javier Romero and África Semprún, "Juan Carlos I quiere volver a España cuando regularice su situación fiscal," *El Economista*, August 5, 2020, <https://www.eleconomista.es/politica/noticias/10706360/08/20/Juan-Carlos-I-quiere-volver-a-Espana-cuando-regularice-su-situacion-fiscal.html>.

5 "Un 57% de los españoles prefiere la monarquía a la república, según un sondeo," *La Vanguardia*, October 31, 2010, <https://www.lavanguardia.com/politica/20101031/54063139223/un-57-de-los-espanoles-prefiere-la-monarquia-a-la-republica-segun-un-sondeo.html>.

6 "ElectoPanel (14A): empate técnico entre Monárquicos y Republicanos," *Electomania.es*, accessed July 1, 2020, <https://electomania.es/ep14amonarquierepublica/>.

автономией Мадрид прибегнул к 155 статье Конституции, распустив местное правительство и введя прямое правление¹.

Народная партия, находившаяся у власти с 2011 по 2018 год, не только не сумела предложить удовлетворительного решения для этих трех проблем – социально-экономического кризиса, сепаратизма и дискредитации конституционной монархии, – но и усугубила их. Кроме того, ее имидж был серьезно подорван коррупционными скандалами, которые, в конечном итоге, вынудили Мариано Рахоя подать в отставку в июне 2018 года.

В свою очередь, социалисты пережили тяжелый кризис в 2016 году². Его непосредственной причиной стал вопрос о том, воздержаться или проголосовать против второго Кабинета Мариано Рахоя; однако, по сути, речь шла о конфликте между центристами под руководством Сусаны Диас и левым крылом, которое возглавлял Педро Санчес. Победа последнего обозначила переход партии на более радикальные позиции, что позволило ей успешнее конкурировать с Podemos за голоса левых избирателей.

Иными словами, Социалистическая и Народная партии, служившие ядром политической системы страны с начала 1980-х до 2010-х годов, во многом были не решением, а частью проблемы. Их неспособность предложить адекватные решения тем трудностям, с которыми столкнулось испанское общество, привело к падению доверия избирателей к этим двум политическим силам, да и в целом к существующей партийно-политической системе. Вместе с тем, чтобы выдержать конкуренцию со стороны новых партий, социалисты и народники были вынуждены перейти на более радикальные позиции, сместившись, соответственно, влево и вправо.

Согласно опросам, проведенным в рамках проекта «Евробарометр», осенью 2013 года политическим партиям доверяли лишь 6% испанцев, а функционированием демократической системы были довольны только 24%³. Избиратели разуверились в том, что голосование за одну из партий, встроенных в институциональную структуру либеральной демократии, может привести к каким-либо значимым политическим изменениям, в результате чего образовался политический вакуум⁴. Начиная с 2014 года, его стали заполнять новые силы, которые принято относить к популистским⁵.

Появление популистских партий

Партия Podemos, впервые громко заявившая о себе в мае 2014 года, когда она сумела набрать 8% голосов избирателей на выборах в Европейский парламент, выделялась не только своими радикальными левыми лозунгами, но и самой организационной структурой, которая шла вразрез с привычными для Испании схемами. Испанские партии зачастую обладают жесткой вертикальной структурой и носят достаточно закрытый характер. В свою очередь, Podemos с самого начала сделала ставку на горизонтальную модель и, по сути, представляла собой партию-движение⁶, что придавало ей большую демократичность и вызывало симпатии левого электората, уставшего от жесткой структурированно-

1 Дунаев А.Л. Мадрид – Барселона: матч продолжается [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам.
URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/madrid-barselona-match-prodolzhaetsya/> (дата обращения: 01.07.2020).

2 Juanma Romero, "2016, el año en el que el PSOE estalló," *El Confidencial*, December 31, 2016, https://www.elconfidencial.com/espana/2016-12-31/crisis-psoe-2016-el-ano-psoe-estallo_1310339/.

3 "European Economic Forecast. Summer 2020 (Interim)," European Commission, accessed July 3, 2020, https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/economy-finance/ip132_en.pdf.

4 Matthews-Ferrero 2018, 102; Fernández-García and Luengo 2018, 54.

5 José Juan Toharia, "De la desconfianza política a una segunda transición," *El País*, November 19, 2015, https://elpais.com/politica/2015/10/29/actualidad/1446132439_272183.html.

6 Хенкин 2019, 109.

сти социалистов и от невыразительности Коммунистической партии и других левых политических образований. Важным элементом успеха Podemos была харизматичность молодого лидера партии – университетского профессора Пабло Иглесиаса, который был не только тезкой основателя испанской Социалистической партии, но и ярким медийным персонажем, получившим известность как один из ведущих популярной телепрограммы «La Tuerka».

В идейном плане Podemos сделала ставку на жесткую критику не только политики бюджетной экономии, проводившейся Кабинетом Мариано Рахоя, но и института монархии и, в целом, политической и экономической элиты страны, которая, по утверждению партии, была сильно коррумпирована и установила в стране олигархический «режим 78-го года», не допускающий граждан к управлению.

По мнению Podemos, доминировавший в Испании на протяжении сорока лет стереотип о том, что осуществившийся на рубеже 1970–1980-х годов «переход» и «демократия» неразрывно связаны друг с другом, неверен. Стране нужен «второй переход» («segunda transición»), который станет не очередной сделкой между элитами и политическими силами, а подлинным переходом к демократии¹.

Избранные лозунги и тактика принесли Podemos широкую поддержку левых избирателей, позволив ей перетянуть на свою сторону не только сторонников радикальных левых партий, но и тех многих избирателей, которые ранее поддерживали социалистов. На выборах, состоявшихся в декабре 2015 года, партия набрала 12,7% голосов, а на досрочных выборах в июне 2016 года, в коалиции с другими левыми силами (Unidos Podemos), сумела улучшить этот результат до 13,4% и сформировать третью по численности фракцию в Кортесах.

На выборах в апреле и ноябре 2019 года коалиция, сменившая название на Unidas Podemos, сдала позиции, получив 12% и 12,8% голосов избирателей соответственно и опустившись на четвертое место по количеству депутатов в нижней палате парламента, но, после долгих и трудных переговоров, добилась вхождения в первый в истории постфранкистской Испании коалиционный кабинет, в котором Podemos досталось пять портфелей.

Если Podemos сумели вырасти в партию национального уровня, прежде всего, благодаря обращению к социально-экономической тематике и использованию лево-радикальных лозунгов, то для ультраправой Vox, которая была основана Сантьяго Абаскалем в декабре 2013 года и в первые годы своего существования получала минимальную поддержку на общенациональных выборах², трамплином в большую политику стал каталонский кризис 2017 года.

Vox воспользовалась тем, что ни одна из крупных общеиспанских политических партий не сумела предложить приемлемое решение каталонской проблемы. Находившаяся у власти Народная партия, во многом спровоцировала волнения в Каталонии своей невнятной политикой в предыдущие годы. Что же до левых партий, то после бурных событий осени 2017 года социалисты призывали к диалогу, хотя и придерживались принципа неделимости Испании, а Podemos предлагали разрешить каталонцам провести голосование по вопросу о самоопределении. Однако для сторонников независимости этого было слишком мало, а для ее противников (и значительной части населения страны) слишком много.

1 Franzé 2017, 226–228.

2 В декабре 2015 года во всей Испании за нее проголосовало 0,23% избирателей, а полгода спустя – всего 0,2%. См. Boletín Oficial del Estado, <https://www.boe.es>.

В этих условиях Vox легко нашли свою нишу, выступив в роли защитников Испании от сепаратистской угрозы¹. Партия подала несколько исков против каталонских политиков, принимавших участие в организации референдума, и подвергла критике всю модель государства автономий, порочную в своей основе, с ее точки зрения², чем привлекла к себе внимание консервативных избирателей.

К риторике о необходимости сохранения единства Испании Vox присовокупила националистские, антифеминистские и исламофобские лозунги, отстаивание традиционных ценностей и традиций (например, коррида), а в экономическом плане взяла на вооружение либеральные лозунги, такие как сокращение налогов, поощрение предпринимательства и борьба с бюрократией. Вместе с тем, Vox подчеркивала тот факт, что она является *современной* правой партией, которая, в отличие от Народной, исторически никак не связана с Фалангой, правящей и единственной разрешенной партией времен франкистской диктатуры³.

Стоит отметить, что приверженность партии либеральным идеям, традиционным ценностям и нативизму, с одной стороны, и почти полное отсутствие характерного для популизма противопоставления коррумпированных элит и угнетаемого народа, с другой, приводит некоторых исследователей к выводу о том, что Vox представляет собой силу не столько популистскую, сколько националистическую и праворадикальную⁴.

Дискурс Vox привлек симпатии не только ультранационалистов, но и консервативную часть электората Народной партии. Первым ощутимым успехом для Vox стали региональные выборы в Андалусии в декабре 2018 года, на которых, вопреки предвыборным прогнозам⁵, она сумела получить 11% голосов и 12 депутатских мандатов в местном парламенте. По результатам общенациональных выборов в апреле 2019 года Vox провела 24 депутата в Кортесы, а на повторных выборах в ноябре увеличила их число до 52, сформировав третью по численности фракцию в нижней палате.

Vox и Podemos в условиях пандемии коронавируса

Испания оказалась в числе наиболее пострадавших от пандемии стран ЕС. Ко 2 сентября 2020 года число заболевших новым вирусом достигло 471 тыс. чел., из которых более 29 тыс. скончались. Введение карантинных мер замедлило распространение болезни, но, в то же время, нанесло тяжелый ущерб экономике страны: по оценкам Европейской комиссии, в 2020 году испанский ВВП сократится на 11%, а в 2021 году восстановится лишь на 7%⁶.

Ко времени начала пандемии коронавируса в Испании Podemos и Vox оказались в разных условиях. Первая партия входит в состав коалиционного Кабинета Педро Санчеса и потому причастна к принимаемым властями решениям, что делает ее более уязвимой к нападкам со стороны оппозиции. В свою очередь, вторая могла пожинать плоды своего успеха на общенациональных выборах и, будучи в оппозиции, беспрепятственно критиковать действия «социал-коммунистического» правительства.

1 Филатов Г.А. Досрочные выборы в Испании: правые возвращаются [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам.

URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dosrochnyye-vybory-v-ispanii-pravye-vozvrashchayutsya/> (дата обращения: 04.07.2020).

2 "Manifiesto fundacional," Vox, accessed July 4, 2020, https://www.voxespana.es/biblioteca/espana/nosotros/gal_a45b90181103095110.pdf.

3 González Enríquez 2017, 34.

4 Ferreira 2019, 86-93.

5 Rafael Méndez, "¿Por qué han vuelto a fallar las encuestas?: "El voto se decide cada vez más tarde", *El Confidencial*, December 5, 2018, https://www.elconfidencial.com/espana/2018-12-05/vox-elecciones-andalucia-encuestas-tezanos-cis_1683974/.

6 "European Economic Forecast. Summer 2020 (Interim)."

С точки зрения Vox, пугающие цифры заразившихся и погибших от коронавируса стали прямым следствием «преступных» действий властей. Весьма показательным был отказ Vox присутствовать на траурной церемонии в память о погибших от коронавируса, которая состоялась 17 июля 2020 года: тогда участие приняли не только все члены правительства, нынешний и бывшие премьер-министры, но и глава ВОЗ Тедрос Аданом Гебреисус. Лидер Vox Сантьяго Абаскаль заявил, что это «оправдательная церемония» правительства, которое действовало, как «палач», и теперь вдвое занижает реальное количество умерших¹. В начале сентября лидер Vox рассказал, что за период пандемии дважды общался с главой Кабинета, но эти разговоры были совершенно бесполезны, потому что Санчес «врал» и пытался использовать его в своих целях². В свою очередь, пресс-секретарь ультраправой партии Хорхе Буксаде заявил, что «испанский народ вопиет “Санчес, уходи!”» и что Vox поставит в парламенте вопрос о вотуме недоверия. На сомнения журналистов относительно перспектив этой инициативы Хорхе Буксаде ответил, что его партия не руководствуется политическими ожиданиями, а прислушивается к голосу испанских семей, работников и мелких предпринимателей: «Вотум недоверия можно видеть на улицах, на обедах и ужинах, на бульварах, в закрытых магазинах и в социальных сетях»³.

Впрочем, Vox не ограничилась одной лишь критикой и предложила свою программу по борьбе с кризисом, выдержанную в характерном для нее духе⁴. В десяти пунктах программы Vox настаивала на том, что государство должно организовать массовое тестирование населения на наличие вируса и задействовать вооруженные силы, полицию и Гражданскую гвардию для более эффективной борьбы с распространением болезни. В экономической сфере партия призвала отменить налоги на предприятия, наследство, потребление воды, газа и электричества со стороны населения, позволить оказывать финансовую поддержку пенсионным фондам и сберегательным кассам. Далее следовали предложения усилить пограничный контроль, отказаться от выделения средств на международную помощь, значительно урезать расходы на политические партии, профсоюзы и НКО и отправлять в отставку руководство тех автономий, которые посягают на принцип национальной солидарности.

В свою очередь, Podemos в условиях пандемии сосредоточилась на социально-экономической тематике. Признавая, что вызванный коронавирусом кризис грозит Испании тяжелейшими социально-экономическими последствиями, Пабло Иглесиас и его сторонники подчеркивали, что масштаб эпидемии в стране обусловлен не столько заразностью нового вируса, сколько катастрофическими последствиями урезания расходов на здравоохранение, предпринятого Кабинетом Мариано Рахоя в рамках политики бюджетной экономии.

В то же время, коалиционное правительство, по мнению партии, предприняло максимум усилий для обеспечения социальной защиты населения. В частности, были повышены пенсии, зарплаты государственных служащих и минимальная оплата труда, налажена выплата пособий работникам, оказавшимся на грани увольнения, и запре-

1 "Abascal anuncia que Vox no acudirá al homenaje a las víctimas del Covid-19," *La Vanguardia*, June 21, 2020, <https://www.lavanguardia.com/politica/20200621/481887442704/abascal-vox-homenaje-victimas-covid-19.html>.

2 "Abascal asegura que Sánchez excluye a Vox en la ronda de contactos y dice que no le "preocupa", *El Diario*, September 1, 2020, https://www.eldiario.es/politica/abascal-asegura-que-sanchez-excluye-a-vox-en-la-ronda-de-contactos-y-dice-que-no-le-preocupa_1_6194609.html.

3 "Vox: "La moción de censura está en la calle y en los negocios cerrados," *El Diario*, August 31, 2020, https://www.eldiario.es/politica/vox-la-mocion-de-censura-esta-en-la-calle-y-en-los-negocios-cerrados_1_6191114.html.

4 "Programa Protejamos España," Vox, accessed July 7, 2020, <https://www.voxespana.es/programa-protejamos-espana>.

щено выселение лиц, оказавшихся неспособными обслуживать долг по ипотеке¹. Особое значение Podemos придает введению с середины июня 2020 года «минимального жизненного дохода» («ingreso mínimo vital»), который призван улучшить материальное положение наименее обеспеченных слоев населения; по оценкам правительства, его получателями могут стать 2,3 млн чел., или 850 тыс. семей².

В рамках политики по смягчению социального неравенства партия также предложила ввести так называемый «коронавирусный налог» на крупные состояния. По замыслу Podemos, его должны будут выплачивать владельцы состояний размером более 1 млн евро (около 114 тыс. чел.). Он должен будет носить прогрессивный характер и принесет государственному бюджету 11 млрд евро в год, что позволит отменить налог на имущество³.

Кроме того, Podemos увидела в кризисе возможность реализовать меры, направленные на усиление социальной справедливости, причем не только в Испании, но и во всем мире. В начале апреля партия призвала ЕС способствовать отмене долгов беднейших стран, работать над прекращением региональных конфликтов и оказать поддержку ВОЗ⁴.

* * *

Появившись в политическом пространстве Испании, каждая из двух радикальных партий, рассмотренных в данной статье, избрала для себя приоритетную тематику. Для Podemos ею стала борьба с социально-экономическим неравенством, для Vox – сохранение единства Испании. В экстремальных условиях пандемии коронавируса обе политические силы, по сути, остались верны своему изначальному выбору, но предпочтения испанского избирателя изменились, что сказалось на их электоральной поддержке.

Как показывают опросы общественного мнения, подход Podemos оказался более выигрышным. По данным Центра социологических исследований (Centro de investigaciones sociológicas, CIS), в последние месяцы уровень электоральной поддержки партии был близок к результату, который она получила на ноябрьских выборах (12,8%): снизившись с 13,6% в феврале⁵ до 11,4% в июне⁶, он вырос до 12,1% в июле⁷ и до 12,6% в августе⁸. В свою очередь, Vox, за которую в ноябре отдали свои голоса 15,1% избирателей, потеряла чуть больше одного процента поддержки к январю, затем почти вернулась к пятнадцатипроцентной планке в марте, после чего прова-

1 Juan Ruiz Sierra, "Iglesias: "La crisis social se va a agravar. Vienen momentos muy difíciles", *El Periódico*, June 6, 2020, <https://www.elperiodico.com/es/politica/20200606/discurso-pablo-iglesias-consejo-ciudadano-podemos-crisis-social-agravar-momentos-dificiles-7989266>.

2 Gabriel Ubieta, "El Gobierno aprueba el ingreso mínimo vital, para sacar de la pobreza a 850.000 familias," *El Periódico*, May 29, 2020, <https://www.elperiodico.com/es/economia/20200529/gobierno-aprueba-ingreso-minimo-vital-7979756>.

3 Olga Rodríguez, "Quien tenga un patrimonio de un millón pagaría 20.000 euros al año por e impuesto de Podemos," *El Independiente*, May 12, 2020, <https://www.elindependiente.com/economia/2020/05/12/un-patrimonio-de-un-millon-pagaria-20-000-euros-al-ano-por-el-impuesto-a-las-fortunas-de-podemos/>.

4 "Frente a la COVID-19, Podemos exige justicia global y cambios en la deriva reaccionaria de la geopolítica internacional," Podemos, accessed July 4, 2020, <https://podemos.info/frente-covid-19-podemos-exige-justicia-global-cambios-deriva-reaccionaria-geopolitica-internacional/>.

5 "Estimación de voto. Estudio No. 3273. Febrero 2020," CIS, accessed July 4, 2020, http://datos.cis.es/pdf/3273_Estimacion.pdf.

6 "Estimación de voto. Estudio No. 3283. Junio 2020," CIS, accessed July 4, 2020, http://datos.cis.es/pdf/3283_Estimacion.pdf.

7 "Estimación de voto. Estudio No. 3288. Julio 2020," CIS, accessed July 4, 2020, http://datos.cis.es/pdf/3288_Estimacion.pdf.

8 "Estimación de voto. Estudio No. 3290. Agosto 2020," CIS, accessed July 4, 2020, http://datos.cis.es/pdf/3290_Estimacion.pdf.

лилась до 11,6% в июле и несколько отыграла падение в августе, достигнув уровня поддержки в 12,3%¹.

Можно предположить, что такой результат обусловлен сменой политической повестки в стране на фоне пандемии коронавируса. Сепаратистская угроза, которую в последние два года умело эксплуатировала Vox, в последние месяцы отступила на второй план: испанцев больше беспокоят проблемы безработицы и экономического кризиса, а на этом поле Podemos может предложить электорату более привлекательную повестку.

В целом, относительно быстрое вовлечение двух радикальных партий в «большую политику», разумеется, не привело к мгновенному решению острых проблем, с которыми Испания столкнулась в последнее десятилетие. Однако сам факт появления этих сил в значительной степени обновил политическую повестку страны, оживил дискуссии по вопросам, которые тревожат общество, и – что немаловажно – заставил меняться «тяжеловесов» испанской политики – социалистов, которым пришлось сместиться влево, и Народную партию, которая была вынуждена четче определять свое положение в правом спектре политического поля. Испанский политический дискурс стал более разнообразным, открылись более широкие возможности для выражения различных позиций, что, в итоге, может привести к значительному обновлению всей политической системы в целом и нахождению новых решений для вопросов, которые остаются ключевыми в политической повестке страны на протяжении последних десятилетий.

→ Список литературы / References

- Дунаев, А.Л. Финансовая помощь как инструмент политического принуждения: уроки европейского долгового кризиса // *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. – 2015. – №1. – С. 120-151. [Dunaev, A.L. "Finansovaya pomoshch' kak instrument politicheskogo prinuzhdeniya: uroki evropeiskogo dolgovogo krizisa" [Financial aid as a tool of political coercion: lessons from the European debt crisis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* 1 (2015): 120-151.] [In Russian]
- Хенкин, С.М. Феномен леворадикального политического лидера: Пабло Иглесиас в Испании // *Актуальные проблемы Европы*. – 2019. – №2. – С. 100-120. <https://doi.org/10.31249/ape/2019.02.05>. [Khenkin, S.M. "Fenomen levoradikal'nogo politicheskogo lidera: Pablo Iglesias v Ispanii" [Radical left political leader: Pablo Iglesias in Spain]. *Urgent Problems of Europe* 2 (2019): 100-120.] [In Russian]
- Eslava Galán, Juan. *La década que nos dejó sin aliento* [The decade that took our breath away]. Barcelona: Editorial Planeta, 2013. [In Spanish]
- Fernández-García, Belén, and Óscar G. Luengo. "Diferentes vías, un mismo resultado: el éxito electoral de los partidos populistas en Europa Occidental. Una propuesta de análisis" [Different ways, the same result: the electoral success of the populist parties in Western Europe. An analysis proposal]. *Revista Española de Ciencia Política* 48 (November 2018): 45-72. <https://doi.org/10.21308/recp.48.02>. [In Spanish]
- Ferreira, Carles. "Vox como representante de la derecha radical en España: un estudio sobre su ideología" [Vox as a representative of the radical right in Spain: a study on its ideology]. *Revista Española de Ciencia Política* 51 (November 2019): 73-98. <https://doi.org/10.21308/recp.51.03>. [In Spanish]
- Franzé, Javier. "La trayectoria del discurso de Podemos: del antagonismo al agonismo" [The trajectory of Podemos discourse: from antagonism to agonism]. *Revista Española de Ciencia Política* 44 (July 2017): 219-246. <https://doi.org/10.21308/recp.44.09>. [In Spanish]
- González Enríquez, Carmen. *La excepción española: el fracaso de los grupos de derecha populista pese al paro, la desigualdad y la inmigración* [The Spanish exception: the failure of populist right-wing groups against unemployment, inequality and immigration]. Madrid: Real Instituto Elcano, 2017. <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/155407f2-773a-4f08-ad08-aff2df759fdb/DT7-2017-GonzalezEnriquez-Excepcion-espanola-fracaso-grupos-derecha-populista.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=155407f2-773a-4f08-ad08-aff2df759fdb>. [In Spanish]

Mattews-Ferrero, Daniel. "Populismo europeo contemporáneo y la vuelta de la historia" [Contemporary European populism and the return of history]. *Revista CIDOB d'afers internacionals* 119 (September 2018): 85-111. <https://doi.org/10.24241/rcai.2018.119.2.85>. [In Spanish]

Left and right populists in Spain: from origins to COVID pandemics

A.L. Dunaev

→ Abstract

After Franco's death in 1975, a transition to democracy took place in Spain, accompanied by formation of a two-party system. While the overall transition was peaceful, it did not solve a number of important problems in Spanish society that became of paramount importance over the past decade. The peculiarities of the regime enshrined in the 1978 Constitution, combined with the consequences of the financial and economic crisis of 2008-2010, created the breeding ground in which populist parties formed in 2010s. The article examines the crisis of the post-Francoist political model as a prerequisite for emergence of populist parties, particularities of their programs, as well as the actions taken by them in the context of the Coronavirus pandemic. The author notes that by 2014 there developed a situation when the main parties of the country either demonstrated an unwillingness to solve pressing problems or proposed solutions that were unacceptable for a significant part of the population. In such a situation, social protest began to take its political form. The emergence of populists in the electoral field has largely renewed the country's political agenda, revitalizing discussions on topical issues and forcing a change with the 'heavyweights' of Spanish politics – the Socialists and the People's Party. The author concludes that transformation of political discourse can lead to a renewal of an entire political system of the country and a search for some new solutions to issues that remain key on the political agenda of Spain over the past decades.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-31-41>

Research article

Alexander L. Dunaev, PhD (History), Non-staff collaborator, Center for Security and Development Studies, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)

E-mail:
aleksandr.dunaev@gmail.com

For correspondence: 119991, Russia, Moscow, Leninskiye Gory, 1, bld. 51

For citation: Dunaev A.L. Left and right populists in Spain: from origins to COVID pandemics. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 2 (2020): 31-41. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-31-41>.

Received: 03.09.2020

Accepted: 05.10.2020

→ Keywords

Spain, populism, crisis, COVID pandemics, bipartisanship, Podemos, Vox

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Перспектива • Perspectiva

La cuestión catalana: origen, desarrollo, y perspectivas

José E. De Ayala

→ Resumen

Cataluña es una de las regiones más ricas de España y, gracias a su Estatuto de Autonomía, goza de un autogobierno comparable al existente en los Estados federales. Ha sido parte de España desde que España existe, pero a lo largo de la historia ha habido varios episodios de desacuerdos e intentos de independencia. Desde principios de este siglo, los partidarios de la secesión han iniciado un proceso de soberanía, ignorando la Constitución y la legalidad española, que culminó, en octubre de 2017, con una declaración unilateral de independencia, que implicó una intervención temporal de su autogobierno por parte del Gobierno español y el juicio y condena de sus principales líderes, además de no ser reconocida por ningún país u organización internacional en el mundo. La sociedad catalana es plural, formada en parte por emigrantes de otras partes de España, y está muy dividida sobre este tema. Los partidarios de la independencia nunca han logrado obtener el 50% de los votos en ninguna de las numerosas elecciones celebradas, aunque hay una mayoría favorable a aumentar el nivel de autonomía. La solución a este conflicto solo puede venir con el logro de un acuerdo político que establezca una nueva relación entre Cataluña y el resto de España, que satisfaga a la mayoría, sin la necesidad de romper. Pero esta solución será difícil tanto por el radicalismo de algunos líderes separatistas como por la falta de acuerdo entre los partidos españoles sobre cómo abordar la cuestión.

→ Palabras clave

Cataluña, España, autonomía, historia, proceso, independencia, secesionismo

Declaración de divulgación: El autor no informó de ningún posible conflicto de intereses.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-42-64>

Artículo de investigación

José Enrique de Ayala, Miembro del Consejo Asesor y del Consejo de Asuntos Europeos, Observatorio de Política Exterior de la Fundación Alternativas, Madrid (España)

E-mail:

enriqueayalamarin@gmail.com

Para la correspondencia: 28001, España, Madrid, Don Ramón de la Cruz, 39 - 1º Izda

Para citar: De Ayala, José Enrique. "La cuestión catalana: origen, desarrollo, y perspectivas" [The Catalan issue: origin, development and prospects]. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 2 (2020): 42-64. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-42-64>. [In Spanish]

El artículo fue recibido por los editores: 19.06.2020

Aceptado para publicación: 02.08.2020

El territorio de Cataluña se sitúa geográficamente en el noreste de la península ibérica, salvo una pequeña parte, denominada actualmente Catalunya Nord que está al norte de los Pirineos y pertenece a Francia desde el Tratado de los Pirineos de 1635. Su superficie, 32.108 km², representa un 6,34% de la española, y su población, 7,566 millones, un 16,12% del total. Su Producto Interior Bruto anual, 228.682 millones de euros (2018), es el segundo entre las Comunidades Autónomas españolas, ligeramente por detrás de Madrid, y supone un 19% del total.¹ Tomado per cápita, 30.426 euros (2018), es el cuarto, solo por detrás de Madrid, País Vasco y Navarra. Es, por tanto, una de las comunidades más importantes y más ricas de España.

Políticamente, se constituye como una de las 17 Comunidades Autónomas que – junto con dos ciudades autónomas – forman el Estado español, y que se corresponden en general con las regiones históricas. Cataluña dispone de su propio Gobierno, su Parlamento, su Tribunal Superior de Justicia, su lengua propia – cooficial con el castellano – e incluso su propia policía. Es una de las comunidades con mayor autogobierno de España, por detrás del País Vasco, y tiene competencias propias en asuntos tan importantes como sanidad, educación y asuntos sociales, entre otras. Su grado de autogobierno, es comparable en muchos aspectos – no en todos – al de los *länder* alemanes, lo que le ha permitido en los últimos años alcanzar los niveles de desarrollo económico y cultural más importantes de su historia.

No obstante, su relación con el resto de España ha sido conflictiva en algunas ocasiones en el pasado, y en la actualidad esta relación está sufriendo una crisis que pone en cuestión el modelo territorial de la Constitución de 1978, y se ha convertido en el principal problema de la democracia española, ya que una parte de los partidos políticos catalanes, apoyados por casi la mitad de la población, han intentando conseguir la secesión de la región para convertirla en un estado independiente. Este intento solo ha conseguido, como veremos, agudizar la división y la tensión política, tanto en el seno de Cataluña, como en el resto de España.

Las raíces históricas del conflicto

Cataluña ha formado parte de España, siempre que el concepto España ha existido en la historia, salvo un breve período en el siglo XVII en que estuvo de facto bajo soberanía del rey de Francia. Formó parte de la Hispania romana, que existió entre el siglo III a.C. y principios del siglo V d.C., primero en la provincia de Hispania Citerior y después en la Tarraconensis, en ambos casos junto a otras regiones de la península ibérica. También fue parte de la Hispania visigoda, que sucedió a la romana entre mediados del siglo V y principios del siglo VIII, y mantuvo en líneas generales su división territorial. En el año 711, comenzó la invasión del reino visigodo por los musulmanes Omeyas procedentes del norte de África, que en diez años ocuparon toda la península ibérica, llegando en el año 736 hasta Poitiers, en el centro de la actual Francia, donde fueron derrotados y rechazados por el caudillo franco Carlos Martel. Su sucesor, Carlomagno, intentó hacer retroceder a los musulmanes al menos hasta el río Ebro, pero fracasó y creó, a finales del siglo VIII, una zona de contención al sur de los Pirineos que se conoció con el nombre de Marca Hispánica, para asegurar el límite con al-Andalus musulmán que ocupaba entonces el resto de la península con la excepción del núcleo asturiano.

La Marca Hispánica abarcaba, en el momento de su máxima extensión, desde el mar Mediterráneo hasta Pamplona, y nunca constituyó una unidad administrativa o política. Se trataba de un conjunto de condados, dependientes de los reyes carolingios

1 "PIB de las Comunidades Autónomas," Expansión. Datosmacro.com, accessed August 1, 2020, <https://datosmacro.expansion.com/pib/espana-comunidades-autonomas>.

que nombraban a los condes, bien de origen franco o de origen visigodo según los casos. En el territorio de lo que hoy es Cataluña los primeros condados fueron Barcelona, Gerona, Ampurias, Rosellón y Urgel-Cerdaña, que se constituyeron entre finales del siglo VIII y principios del IX, entre los cuales el condado de Barcelona se convirtió enseguida en el más importante. A finales del siglo IX la decadencia del imperio carolingio propició una independencia de facto de los condados de la Marca Hispánica, que pasaron a ser hereditarios. El primer conde de Barcelona autóctono, que inauguró su propia dinastía, fue Wilfredo el Velloso en 878, gobernando sobre unos dominios que se extendían además a los condados de Cerdaña y Gerona, y posteriormente también al de Osona, a los que se unieron, ya a principios del siglo XII, los de Berga y Besalú. En 1137 se produce la unión dinástica entre el condado de Barcelona, que reunía ya por tanto una parte importante de lo que hoy es Cataluña, con el reino de Aragón, a través del matrimonio de la heredera de éste, Petronila, hija del rey de Ramiro II de Aragón, con el conde de Barcelona Ramón Berenguer IV, que empieza a ostentar también el título de príncipe de Aragón. El hijo de ambos, Alfonso II es, a partir de 1164, el primer monarca de la que pasó a denominarse Corona de Aragón y ostenta, al igual que sus sucesores, el título de conde de Barcelona.

Conviene subrayar que la unión no fue de Aragón con Cataluña, sino con el condado de Barcelona, porque Cataluña no existía como unidad política o administrativa en aquella época. Aunque las primeras menciones a ese nombre con carácter geográfico se encuentran en un documento fechado hacia 1117, la denominación Principado de Cataluña no aparece documentalmente hasta 1350, es decir casi doscientos años después de su integración en la corona de Aragón. De hecho, la mayor parte del territorio de la actual Cataluña solo formaría parte de la Corona de Aragón después de la unión dinástica. Tortosa y Lérida fueron conquistadas por el propio Ramón Berenguer IV en 1148 y 1149, el condado de Ampurias se incorporó en 1325, el Valle de Arán en 1411, el condado de Urgel en 1413, y el condado de Pallars Sobirá en 1491. El título de principado que ostenta Cataluña desde el siglo XIV tiene un carácter jurídico, se refiere al territorio que está bajo la jurisdicción de las Cortes catalanas que se constituyeron en el siglo XIII. A pesar de la unión con Aragón, el condado de Barcelona primero, y el principado de Cataluña después, mantuvieron sus propias leyes y fueros, como sucedió en otras partes de España, aunque en ningún momento este territorio se constituyó como reino. Es decir, en contra de los intentos de los círculos y partidos políticos independentistas actuales, por manipular o interpretar sesgadamente la historia, lo cierto es que Cataluña no ha sido nunca independiente, ni ha constituido una entidad política propia y unificada hasta mucho después de su integración en la Corona de Aragón.

En 1469, el matrimonio de Fernando II de Aragón con Isabel de Castilla, conocidos como los Reyes Católicos produjo la unión dinástica de las dos principales coronas peninsulares, aunque cada una continuó siendo independiente. Esta unión se completaría con la conquista del reino de Granada – último reducto musulmán en la península – en 1492 y la anexión del reino de Navarra en 1512. Portugal no se uniría al resto de reinos peninsulares hasta 1580, y solo por un breve período de tiempo. A la muerte de Isabel, Fernando pasó a ser regente de Castilla, ante la incapacidad de su hija Juana, hasta su muerte en 1516. Su nieto, Carlos I, fue el primer monarca de todos los reinos hispánicos, incluyendo la Corona de Aragón, y dentro de ella el principado de Cataluña, aunque los distintos reinos continuaron teniendo sus propios fueros e instituciones durante toda la época que reinó en España la casa de Habsburgo, también denominada de Austria, a la que pertenecía por herencia paterna Carlos I, que fue asimismo emperador del Sacro Imperio Romano Germánico con la denominación de Carlos V.

El primer conflicto importante que enfrentó a Cataluña con el poder real se produjo en 1640, en el marco de la guerra de los 30 años (1618-1648), que supondría la pérdida de la condición de España como potencia hegemónica europea a favor de Francia. La sublevación de Cataluña, llamada de los segadores, tuvo como causa inmediata la pretensión del Conde-Duque de Olivares, valido del rey Felipe IV, de imponer una llamada Unión de Armas según la cual Cataluña debería aportar 6.000 hombres a los ejércitos reales para contribuir al esfuerzo bélico, sin que esta medida hubiera sido aprobada por las Cortes catalanas, pero también influyó la decadencia política y económica de Castilla, el rechazo a la presencia de tropas castellanas territorio catalán, y las maniobras de Francia que, para debilitar a España con quien había entrado en guerra en 1635, animó tanto esta sublevación como la de Portugal – que conseguiría la independencia en 1640 – y la de Nápoles en 1647. Desde 1640 Cataluña pasó a estar bajo protección de Francia, y desde 1641 el rey de Francia fue también conde de Barcelona, es decir, en ningún momento Cataluña fue independiente, ni siquiera de facto. Los catalanes tuvieron que sufrir de los franceses lo que habían querido evitar de los castellanos, y a veces con mayor dureza, lo que produjo un importante descontento en la población. En 1652 el ejército de Felipe IV rinde Barcelona, acabando con la sublevación. La paz de los Pirineos, firmada con Francia en 1659, consagró la separación de una parte de Cataluña, el Rosellón y el norte de la Cerdaña, que han estado desde entonces bajo soberanía francesa.

El siguiente episodio de mayor confrontación se produjo a raíz de la llamada Guerra de Sucesión (1701-1713) que enfrentó a las casas de Borbón y de Austria, apoyadas respectivamente por Francia y por el Sacro Imperio Romano Germánico, que se disputaban el trono de España después de la muerte sin descendencia de Carlos II. Como los borbónicos encontraron su mayor apoyo en Castilla y la mayor parte de la Corona de Aragón era austracista, sobre todo por recelo del centralismo borbónico que después se confirmaría, la guerra, que fue europea en su conjunto con batallas en varios países, se convirtió en el interior de España casi en una guerra civil. Las tropas de Felipe V, primer rey de la casa de Borbón, ganaron la guerra en el interior de la península culminando con la toma de Barcelona el 11 de septiembre de 1714. Las consecuencias para Cataluña fueron desastrosas. Inmediatamente se suprimieron las Cortes catalanas y todo el resto de instituciones propias de Cataluña, que no volvería a tener alguna hasta la creación de la Mancomunidad de Cataluña 200 años después. En 1716, los decretos de nueva planta, que afectaron también al resto de los territorios de la Corona de Aragón, confirmaron la unificación de las instituciones siguiendo el modelo de Castilla y la supresión de cualquier ley o institución propia de Cataluña, excepto el derecho civil que continuó estando vigente, tanto como consecuencia del castigo impuesto por su apoyo al candidato de la casa de Austria, como por el centralismo político inherente a los deseos de la casa de Borbón, como ya se había establecido en Francia.

Las tres guerras civiles, conocidas como Guerras Carlistas, que enfrentaron en España a liberales con tradicionalistas por razones dinásticas a lo largo del siglo XIX, tuvieron también un importante impacto en Cataluña, especialmente las dos últimas, pero no se pueden considerar en ningún caso como una confrontación entre Cataluña y Castilla o el resto de España, porque en Cataluña hubo – como en todo el resto de España – partidarios de ambos bandos, manteniéndose las ciudades casi siempre en el bando liberal. En ningún momento Cataluña en su conjunto fue partidaria de ninguno de los pretendientes carlistas al trono, a pesar de que uno de ellos Don Carlos – Carlos VII para sus seguidores – se comprometió en 1872 a restaurar los fueros e instituciones abolidos por los decretos de

nueva planta. No obstante, la diferencia entre el mundo rural, amante de las tradiciones, donde el carlismo encontró más apoyo, y el urbano, más liberal y cosmopolita, tiene todavía hoy algún reflejo en la realidad política de Cataluña.

En la segunda mitad del siglo XIX, se produce en toda Europa un auge de los nacionalismos, al hilo de los movimientos románticos que exaltan las raíces históricas, culturales y étnicas de los pueblos, movimientos que conducen a la unificación de Italia y Alemania, y que darían lugar después de la Primera Guerra Mundial a la disolución de los imperios y la creación de los Estados-nación en Europa, de acuerdo con los principios del Presidente de EEUU, Woodrow Wilson, y a la independencia de muchas naciones europeas, entre ellas la República de Irlanda. Estas doctrinas desarrolladas sobre todo por filósofos alemanes como Johann Gottfried Herder y Johann Gottlieb Fichte propiciaron en España el surgimiento de los nacionalismos modernos en el País Vasco (creación del Partido Nacionalista Vasco, 1895) y en Cataluña, donde las teorías catalanistas de Valentí Almirall¹ se concretarían en la creación, primero del Centre Català (1882) y luego de la Unió Catalanista que elaboró en 1892 las llamadas Bases de Manresa,² consideradas el acta fundacional del catalanismo político, un movimiento que se desarrolló en los años siguientes y dio lugar a la creación de diferentes partidos, más o menos regionalistas, hasta que en 1922 Francesc Macià crea Estat Català, el primer partido independentista, antecesor directo e inspirador de los movimientos independentistas actuales. En 1914 se había constituido la Mancomunidad de Cataluña, que agrupaba las Diputaciones de las cuatro provincias catalanas en un ente único, y que era por tanto – a pesar de sus muy limitadas funciones de coordinación regional – la primera institución propiamente catalana desde 1714.

El temprano auge de los nacionalismos vascos y catalán, que encontraron enseguida su modelo en el Sinn Féin irlandés, fue alentado por los intereses divergentes de una burguesía industrial y comercial que se desarrolla en Cataluña y en el País Vasco en la época, más moderna y próxima a Europa, frente al poder central anquilosado e ineficaz de la restauración borbónica, en el que el caciquismo de los propietarios agrarios de Castilla y Andalucía juega aún un papel determinante, y que no sirve ya a las necesidades políticas de las regiones más adelantadas. Este desencuentro se agudiza con el declive de la monarquía borbónica y sobre todo con “la crisis del 98” y la pérdida de Cuba (después de la Guerra hispano-estadounidense de 1898) que era muy importante para Cataluña. La llegada de la II República permitió a los partidos nacionalistas periféricos consolidarse y crecer hasta obtener el poder en sus respectivas demarcaciones.

El 14 de abril de 1931, horas antes de que se proclamara la República Española, Francesc Macià – que había ganado las elecciones dos días antes al frente de la recientemente creada Esquerra Republicana de Catalunya (ERC) – proclama desde el balcón del Palacio de la Generalitat el Estado Catalán “que con toda cordialidad intentaremos integrar en la Federación de Repúblicas Ibéricas”,³ una federación inexistente. Las autoridades republicanas, que tomaron posesión ese mismo día en Madrid, lograron convencer a Macià de que no siguiera adelante con su iniciativa a cambio de la promesa de un Estatuto de Autonomía,⁴ que se concretó en 1932, por el que se restauraba la institución histórica de Generalitat, que había nacido como Diputación del General a finales del siglo XIII. En el llamado estatuto de Nuria, finalmente aprobado por las Cortes republicanas,

1 Almirall 2013.

2 “Bases de Manresa (27 marzo 1892),” Fundación Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes, accessed August 1, 2020, http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/bases-de-manresa-27-marzo-1892/html/c7cb9e90-c4a0-4074-811d-7bdc620529d8_2.html.

3 Soldevila 1977, 46-48.

4 “Estatuto de autonomía de Cataluña (1932),” Fundación Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes, accessed August 1, 2020, <http://www.cervantesvirtual.com/obra/estatuto-de-autonomia-de-cataluna-1932/>.

no se recogía ninguna mención a la soberanía catalana, a pesar de que, en aquel momento, partidos como ERC ya reivindicaban el derecho de autodeterminación, que no fue en ningún momento reconocido por la República.

El 6 de octubre de 1934, después de que los partidos de derechas se hicieran con el Gobierno de la República en Madrid, Lluís Companys, presidente de la Generalitat proclamó solemnemente la creación del Estado catalán "dentro de la República Federal española",¹ que seguía sin existir con ese carácter federal. La iniciativa duró diez horas, hasta que el ejército logró vencer la escasa resistencia que ofrecieron los sublevados, y se saldó con 46 muertos y más de 3.000 personas arrestadas, entre ellas casi todo el Gobierno catalán con su Presidente. El Parlamento catalán fue clausurado y la Generalitat fue suspendida sine die, aunque fue restaurada a la llegada al poder del Frente Popular en febrero de 1936. En julio de ese mismo año, se produjo la sublevación militar que daría origen a la guerra civil española alineándose Cataluña con el bando republicano. El triunfo de los sublevados en abril de 1939 supuso el final de las instituciones catalanas – aunque la Generalitat sobrevivió nominalmente en el exilio, – y la pérdida de todas las conquistas de autogobierno y difusión de la lengua catalana que Cataluña había obtenido hasta ese momento, inaugurando un período de casi 40 años en el que estuvo completamente supeditada al poder central de la dictadura franquista.

Con la llegada de la democracia, a la muerte del General Franco, la Generalitat fue restablecida provisionalmente, en un principio solo con carácter ejecutivo y sin apenas competencias, en septiembre de 1977 en la persona de Josep Tarradellas, que ostentaba en aquel momento la presidencia de la Generalitat en el exilio. Es significativo que esta restauración se produjo antes de la aprobación de la Constitución española por lo que en ese momento carecía de cualquier fundamento legal en la legislación, que todavía era la de la dictadura. La Constitución española fue sometida a referéndum el 6 de diciembre de 1978. En Cataluña fue aprobada por el 90,5% de los votantes (2,6 puntos por encima de la media de España) con una participación del 67,9% (también ligeramente por encima de la media).² Según su Artículo 2, la Constitución entonces aprobada por esa abrumadora mayoría, y actualmente en vigor "... se fundamenta en la indisoluble unidad de la Nación española, patria común e indivisible de todos los españoles, y reconoce y garantiza el derecho a la autonomía de las nacionalidades y regiones que la integran y la solidaridad entre todas ellas."³ En consecuencia, en diciembre de 1979 se promulgó un nuevo Estatuto de Autonomía,⁴ que restituía definitivamente la Generalitat y todas las instituciones catalanas, otorgándolas en la práctica más poder del que habían tenido nunca, al menos desde 1714, si bien la transferencia de algunas competencias se ha ido realizando con cierta parsimonia y no siempre exenta de tensiones con el Gobierno central. El Estatuto de Autonomía fue aprobado en referéndum con una participación del 59,7% y un 88,1% de votos afirmativos.⁵ Desde abril de 1980 hasta diciembre de 2003 el Presidente de la Generalitat fue Jordi Pujol, al frente de Convergencia y Unión (además – CiU), una coalición de dos partidos catalanistas de centro-derecha, que durante esa época dieron apoyo a diferentes gobiernos en Madrid, tanto de izquierdas como de derechas, contribuyendo a la estabilidad del sistema.

1 Jardí 1997, 69.

2 "Referendum Constitución Española en otros ámbitos. 6 diciembre 1978," Ayuntamiento de Barcelona, accessed August 1, 2020, <https://www.bcn.cat/estadistica/castella/dades/telec/ref/ref78/r22.htm>.

3 "Constitución Española," Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. Ministerio de la Presidencia, Relaciones con las Cortes y Memoria Democrática, accessed August 1, 2020, <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1978-31229>.

4 "Ley Orgánica 4/1979, de 18 de diciembre, de Estatuto de Autonomía de Cataluña," Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. Ministerio de la Presidencia, Relaciones con las Cortes y Memoria Democrática, accessed August 1, 2020, <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1979-30178>.

5 "Referéndum sobre el proyecto de Estatuto de Autonomía para Cataluña," Constitución española. Congreso de los Diputados, accessed August 1, 2020, https://app.congreso.es/consti/elecciones/referendos/ref_cata_79.htm.

El proceso soberanista catalán

La pérdida de poder de los nacionalistas de centro derecha de CiU – hasta entonces moderados – en las elecciones al Parlament de Catalunya de 2003, en favor de un tripartito de izquierdas formado por el Partit dels Socialistes de Catalunya (PSC), Esquerra Republicana de Catalunya (ERC) e Iniciativa per Catalunya Verds – Esquerra Unida i Alternativa (ICV-EUiA), bajo la presidencia del socialista Pasqual Maragall, que sería sustituido en 2006 por el también socialista José Montilla, marca un punto de inflexión en relación de Catalunya con el conjunto de España.

El Gobierno tripartito puso en marcha la elaboración de un nuevo Estatuto de Autonomía, para sustituir al aprobado en 1979, y acceder a un mayor nivel de autogobierno, dentro de un concepto de “España plural” que se adecuaría mejor a la realidad histórica y actual de Catalunya. El Parlament de Catalunya aprobó el nuevo Estatuto en septiembre de 2005 con una amplísima mayoría del 88,89%,¹ contando con la aprobación de CiU y con la única oposición del Partido Popular (PP), el partido principal de la derecha española. En ese momento el PP había perdido el poder en Madrid a favor del Partido Socialista Obrero Español (PSOE). Tal como establece la Constitución, el Estatuto tenía que ser después aprobado por las Cortes Generales (parlamento) españolas. Pero en ese trámite se introdujeron cambios importantes que rebajaban sustancialmente las ambiciones del texto aprobado en Catalunya. El nuevo texto, regresó en marzo de 2006, al Parlament, que lo volvió a aprobar, aunque en esta ocasión con una mayoría más exigua (71,85%), ya que ERC consideró que los recortes que había sufrido en Madrid le habían desnaturalizado y votó en contra. En junio de 2006 el Estatuto fue sometido al referéndum de los ciudadanos de Catalunya y fue aprobado por un 73,2% de votos afirmativos, aunque con una participación de solo el 48,9%.² El Estatuto entró en vigor, pero el PP seguía oponiéndose y presentó un recurso de inconstitucionalidad ante el Tribunal Constitucional, sobre la mayor parte del nuevo Estatuto, primero directamente y luego a través de cinco Comunidades Autónomas en las que gobernaba.

La modificación por las Cortes Generales del Estatuto votado en primera instancia por el Parlament, produjo las primeras señales de ruptura política en Catalunya y supuso el principio de un cambio que se llamó después “proceso soberanista” y que llevaría a una gran parte de la clase política y de los ciudadanos catalanes a una deriva independentista en muy pocos años. Como hemos dicho, ERC fue el primer partido en desmarcarse del consenso general de los partidos catalanistas y rechazar el nuevo Estatuto. En febrero de 2006, mientras se estaba debatiendo en Madrid el texto del estatuto, se produjo en Barcelona la primera manifestación soberanista significativa para apoyar el “derecho a decidir” de la “nación catalana”, a la que seguiría otra, en diciembre de 2007, ambas convocadas por la Plataforma por el Derecho a Decidir, y apoyadas por ERC. Paralelamente, se produjo un cambio en la posición de CiU, que pasó de ser autonomista a soberanista, impulsada por la necesidad de recuperar el poder, y también – según algunos analistas – por la necesidad de una huida hacia adelante debido a los casos de corrupción que estaban saliendo a la luz a raíz de su salida de las instituciones. Este cambio de CiU sería trascendental para el desarrollo del proceso, puesto que junto con ERC formaron un núcleo de una gran fuerza política y electoral.

El descontento, que estaba teniendo gran impacto en parte de la población catalana, se agravó definitivamente en junio de 2010 cuando el Tribunal Constitucional dictó sentencia sobre el recurso presentado por el PP, que introdujo nuevos recortes

1 “El Parlamento de Catalunya aprueba el nuevo Estatuto,” *El País*, September 30, 2005, https://elpais.com/elpais/2005/09/30/actualidad/1128068217_850215.amp.html.

2 “Referéndum sobre reforma del Estatuto de Autonomía para Catalunya,” Constitución española. Congreso de los Diputados, accessed August 1, 2020, https://app.congreso.es/consti/elecciones/referendos/ref_cata_2006.htm.

sobre lo ya aprobado por los catalanes en referéndum, hasta el punto de que casi todos los avances sobre el Estatuto de 1979 quedaban sin efecto. La sentencia produjo una crisis que dividió incluso al PSC, y supuso el final del Gobierno tripartito, y la mejora espectacular de las perspectivas electorales de CiU. En julio la organización Omnium Cultural convocó una manifestación con el lema "Somos una nación. Nosotros decidimos" a la que acudieron centenares de miles de personas, y en la que aparecieron banderas independentistas y se gritaron lemas a favor de la independencia.

CiU ganó las elecciones al Parlament en noviembre de 2010 y su nuevo líder, Artur Mas, fue investido Presidente de la Generalitat, aunque sin mayoría absoluta. Su proyecto principal, el denominado "pacto fiscal" que pretendía conseguir para Cataluña un sistema fiscal nuevo – y más beneficioso – similar al que ya tenía el País Vasco, fracasó en julio de 2012 por el rechazo frontal del presidente del Gobierno español, que ya estaba en manos del PP. Este fracaso, junto a las declaraciones de varios municipios a favor de la independencia, y – sobre todo – la multitudinaria manifestación del 11 de septiembre convocada por la denominada Asamblea Nacional de Cataluña con el lema "Cataluña, un nuevo Estado en Europa", contribuyeron a decantar definitivamente a CiU hacia la vía soberanista. En septiembre, el Parlament aprobó una moción en la que se pedía convocar una consulta sobre la independencia de Cataluña, que debería celebrarse en la siguiente legislatura, y en noviembre se celebraron elecciones anticipadas, que fueron ganadas de nuevo por CiU, aunque lejos de las expectativas de conseguir mayoría absoluta, pues perdió 12 escaños. No obstante, llegó a un acuerdo de investidura con ERC, sobre la base de realizar la consulta de autodeterminación, y Artur Mas volvió a ser investido Presidente.

En enero de 2013 el Parlament aprueba la "Declaración de Soberanía y del derecho a decidir del Pueblo de Cataluña",¹ que es suspendida por el Tribunal Constitucional cautelarmente en mayo y definitivamente en marzo de 2014. A pesar de la suspensión cautelar, en diciembre de 2013 el Presidente de la Generalidad anuncia la convocatoria de un referéndum el 9 de noviembre de 2014, incluyendo una pregunta con dos apartados: "¿Quiere que Cataluña sea un Estado?", "En caso afirmativo, ¿quiere que este Estado sea independiente?", y en septiembre de 2014 el Parlament aprueba una Ley de Consultas para amparar legalmente su celebración.² El Tribunal Constitucional suspende cautelarmente tanto la Ley como el referéndum, que finalmente se convierte en un proceso de participación ciudadana sin carácter vinculante, en el que votan solamente un 37,02% de los censados, de los cuales un 80,76% se declaran a favor de la independencia, y que no tiene ningún efecto político.³

En enero de 2015 el Presidente Artur Mas anuncia para el mes de septiembre un adelanto de las elecciones al Parlament, que en esta ocasión se entenderían como un plebiscito sobre la independencia de Cataluña, comprometiéndose a declarar la independencia en un plazo de 18 meses si los partidos soberanistas ganaban las elecciones. La coalición entre Convergencia y Unión se rompe por la negativa de este último partido a secundar la vía unilateral a la independencia, y Convergencia cierra un acuerdo con ERC para presentarse juntos a las elecciones bajo las siglas Junts pel Si, coalición que finalmente ganaría las elecciones, pero

1 "Resolución 5/X del Parlamento de Cataluña, por la que se aprueba la Declaración de soberanía y del derecho a decidir del pueblo de Cataluña," Parlamento de Cataluña, accessed August 1, 2020, <https://www.parlament.cat/document/intrade/7217>.

2 "Ley 10/2014, de 26 de septiembre, de consultas populares no referendarias y otras formas de participación ciudadana," Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. Ministerio de la Presidencia, Relaciones con las Cortes y Memoria Democrática, accessed August 1, 2020, <https://www.boe.es/buscar/pdf/2015/BOE-A-2015-2743-consolidado.pdf>.

3 "Resultados del proceso participativo," Generalitat de Cataluña, accessed August 1, 2020, <http://www.participa2014.cat/resultats/dades/es/escr-tot.html>;

"1,8 millones de personas votan por la independencia catalana en el 9-N," *El País*, November 10, 2014, https://elpais.com/politica/2014/11/09/actualidad/1415542400_466311.html.

sin mayoría absoluta. La necesidad de apoyo del otro partido independentista, Candidatura de Unidad Popular (además – CUP), un partido de izquierdas que no aceptaba a Artur Mas por sus posibles relaciones con prácticas corruptas de la antigua Convergencia, obligan a éste a ceder la presidencia a favor de Carles Puigdemont. Aunque Junts pel Si y CUP tenían en conjunto la mayoría absoluta del Parlament (72/135), debido un sistema electoral que prima el voto rural sobre el urbano, no alcanzaron el 50% del voto emitido, sino el 47,8%,¹ lo que llevo al candidato de CUP a declarar que el plebiscito se había perdido como tal, a pesar de lo cual el proyecto soberanista siguió su curso basándose en la mayoría parlamentaria independentista, que aprobó en noviembre una resolución en la que se declaraba solemnemente el inicio del proceso de creación del Estado catalán independiente en forma de república.

El Tribunal Constitucional suspendió esta resolución cautelarmente en noviembre y definitivamente en diciembre, lo que no impidió que el Parlament siguiera con sus planes. En octubre de 2016 aprobó una resolución en la cual se instaba al Gobierno catalán a celebrar un referéndum vinculante sobre la independencia de Cataluña, a más tardar, en septiembre de 2017. En junio de 2017 el Presidente Puigdemont anunció que el referéndum se celebraría el 1 de octubre, y que en la papeleta de voto aparecería la pregunta: “¿Quiere que Cataluña sea un Estado independiente en forma de república? Sí o No” Entre el 6 y el 8 de septiembre la mayoría independentista del Parlament aprobó dos leyes que señalaban la ruptura definitiva con el marco jurídico de la Constitución y el Estatuto: la denominada “Ley del referéndum de autodeterminación vinculante sobre la independencia de Cataluña”, que regulaba las normas de celebración de la consulta incluyendo la creación de la Sindicatura Electoral de Cataluña, en la que se declaraba que el pueblo de Cataluña es un sujeto político soberano y como tal ejerce el derecho a decidir libre y democráticamente su condición política y establecía que la independencia se proclamaría dos días después de la publicación de los resultados oficiales si el “sí” obtenía más votos que el “no”, sin requerir una participación mínima.²

El Tribunal Constitucional suspendió cautelarmente la aplicación de la ley el 7 de septiembre y definitivamente el 17 de octubre, al entender que la norma invadía competencias estatales y vulneraba la supremacía de la Constitución, la indisoluble unidad de la Nación española y la soberanía nacional. La segunda fue la llamada “Ley de transitoriedad jurídica y fundacional de la República Catalana”, cuya finalidad era garantizar la seguridad jurídica, así como la sucesión ordenada de las administraciones y la continuidad de los servicios públicos, durante el proceso de transición de Cataluña hacia el estado independiente de la República de Cataluña. En su artículo 1 declaraba que “Cataluña se constituye en una República de derecho, democrática y social”.³ El 12 de septiembre, el Tribunal Constitucional acordó también la suspensión de esta ley. La votación de ambas leyes, que rompían definitivamente con la legalidad española, se hizo por procedimientos extraordinarios, sin respetar los derechos de las minorías parlamentarias. Los letrados del Parlament advirtieron antes de su aprobación que el Parlament no tenía competencias para aprobarlas y el Consejo de Garantías estatutarias advirtió de que no se había pedido el preceptivo informe antes de su discusión. Además en ninguna votación se alcanzó la mayoría de 2/3 requerida por el propio Estatuto para su modificación.

Finalmente, el 1 de octubre se celebró el referéndum, a pesar de estar suspendido por el Tribunal Constitucional y de las advertencias del gobierno central. La Guardia Civil y

1 “Los independentistas ganan las elecciones y pierden su plebiscito,” *El País*, September 28, 2015, https://elpais.com/ccaa/2015/09/27/catalunya/1443387513_045607.html.

2 “LEY 19/2017, de 6 de septiembre, del referéndum de autodeterminación,” *Diari Oficial de la Generalitat de Catalunya*, accessed August 1, 2020, <http://portal.dogc.gencat.cat/utillsEADOP/PDF/7449A/1633376.pdf>.

3 “LEY 20/2017, de 8 de septiembre, de transitoriedad jurídica y fundacional de la República,” *Diari Oficial de la Generalitat de Catalunya*, accessed August 1, 2020, <https://www.boe.es/ccaa/dogc/2017/7451/f00001-00027.pdf>.

la Policía Nacional intervinieron para impedir la votación y entraron en unos 400 colegios electorales, que teóricamente correspondían a un 14,4% del censo.¹ Hubo episodios de violencia por ambas partes, ampliamente difundidos. Según el Gobierno catalán 893 civiles fueron atendidos por el Sistema de Emergencias Médicas de Cataluña, aunque el juez que investigó el caso por la denuncia presentada por la Generalidad estableció en 130 el número de heridos por las cargas policiales.² En el otro lado, según el Ministerio del Interior, 431 agentes de la Policía Nacional y la Guardia Civil resultaron heridos.³

La votación no tuvo las mínimas garantías de limpieza, ni de control ya que todos los miembros de la Sindicatura Electoral de Cataluña, que era teóricamente la encargada de garantizar su cumplimiento, habían dimitido. Apenas 45 minutos antes de comenzar, se cambiaron las normas incluyendo un censo universal (tampoco había ninguna garantía de que el censo fuera correcto) permitiendo a cualquier ciudadano votar en cualquier centro, además de aceptarse papeletas caseras y votos sin sobre. En consecuencia, se registraron, documentadas en videos, casos de ciudadanos votando más de una vez en diferentes centros, votos de extranjeros no incluidos en el censo, e incluso de niños. También se detectó el transporte de urnas sin precintar conteniendo votos en su interior, así como urnas en la calle en las que cualquier ciudadano sin control censal podía depositar los votos que quisiera.⁴

El recuento adoleció de la misma falta de garantías, ya que no existían interventores de los partidos no independentistas ni existió un órgano independiente que lo controlara. Los resultados oficiales de la Generalitat no se conocieron hasta el 6 de octubre y eran muy diferentes de los provisionales que se difundieron el día de la votación. Según estos resultados, la participación fue del 43,03%, con un 90,18% de votos afirmativos, que corresponderían a 2.044.038 personas,⁵ una cifra similar al número de votos que obtuvieron los partidos independentistas en las elecciones de 2015 y 2017. Los observadores internacionales, que habían sido llamados por la Generalitat, consideraron que la ley que posibilitaba el referéndum no cumplió una serie de buenas prácticas, y que el referéndum no pudo cumplir los estándares internacionales debido a las circunstancias adversas en que tuvo lugar.⁶

El 10 de octubre, el Presidente Puigdemont declaró la independencia de Cataluña aunque suspendió inmediatamente sus efectos "para emprender un diálogo para llegar a una solución acordada para avanzar en las demandas del pueblo de Cataluña".⁷ Al día siguiente, el Gobierno central hizo un requerimiento al Presidente para que aclarase si efectivamente había declarado la independencia, como paso previo para la aplicación del artículo 155 de la Constitución, que prevé – del mismo modo que otras constituciones de carácter federal, como la alemana – la intervención estatal "Si una Comunidad Autónoma no cumple las obligaciones que la Constitución u otras leyes le impongan, o actuare de

1 Ortigosa 2018, 373.

2 "¿Cuántos heridos hubo en realidad el 1-O?," *El País*, October 3, 2017, https://elpais.com/elpais/2017/10/02/hechos/1506963876_226068.html.

3 Marisa Recuero, Carol Álvarez, and David Lema. "Desafío por la independencia de Cataluña, en vivo: la Justicia 'contabiliza' 130 heridos por el 1-O," *El Mundo*, October 6, 2017, <https://www.elmundo.es/cataluna/2017/10/06/59d7246c46163f201f8b45d6.html>.

4 "Irregularidades en el referéndum: gente que vota cuatro veces, votos 'extranjeros'...", *El Confidencial*, October 1, 2017, https://www.elconfidencial.com/espana/cataluna/2017-10-01/irregularidades-votaciones-referendum-cataluna_1453255/.

5 "Referéndum d'autodeterminació de Catalunya. Resultats definitius," Generalitat de Catalunya, accessed August 1, 2020, <http://estaticos.elperiodico.com/resources/pdf/4/3/1507302086634.pdf>.

6 Jordi Pérez Colomé. "La misión de observadores concluye que el referéndum no cumple los «estándares internacionales»," *El País*, October 3, 2017, https://elpais.com/politica/2017/10/03/actualidad/1507046129_416345.html.

7 "Así ha sido la declaración de independencia de Puigdemont," *El País*, October 10, 2017, https://elpais.com/elpais/2017/10/10/videos/1507658219_177463.html.

forma que atente gravemente al interés general de España.¹ El 27 de octubre el Parlament aprobó la Declaración Unilateral de Independencia (DUI)² en una votación claramente ilegal, y ese mismo día el Gobierno central aplicó el Artículo 155, cesó al Gobierno catalán, disolvió el Parlamento, asumió todas las competencias autonómicas y convocó elecciones para el día 21 de diciembre. Ningún Estado del mundo ni ninguna organización internacional reconoció la declaración de independencia de Cataluña.

Muchos de los líderes independentistas, incluida la mayor parte del Gobierno de la Generalitat, así como los líderes de las organizaciones soberanistas Asamblea Nacional de Cataluña y Omnium Cultural fueron encarcelados, acusados de rebelión y otros delitos, mientras que el Presidente Puigdemont y otros seis huyeron de la justicia española y encontraron refugio en otros países europeos. El juicio de los 12 principales acusados tuvo lugar en el Tribunal Supremo en los primeros meses de 2019. La sentencia, que se conoció el 14 de octubre de ese año, condenó a penas que iban desde el pago de multas y la inhabilitación para tres de ellos a penas de cárcel de entre nueve y trece años para los otros nueve, por delitos de sedición, malversación de fondos públicos, y desobediencia. Actualmente cumplen condena en cárceles catalanas controladas por la Generalitat de Cataluña, que tiene transferidas las competencias de prisiones, y ya han tenido algunos permisos para salir a trabajar o cuidar a familiares que han sido recientemente revocados por el Tribunal Supremo.

La condena a los líderes del proceso soberanista – aunque esperada – creó una gran conmoción en Cataluña, y no solo en los sectores independentistas. El 14 de octubre el Aeropuerto de Barcelona fue ocupado por miles de manifestantes independentistas, provocando la cancelación de 108 vuelos. En Gerona grupos de manifestantes cortaron las vías del tren de alta velocidad, en otros lugares fueron cortadas las carreteras. Los disturbios duraron cinco días, en los que 579 civiles y 288 agentes de policía resultaron heridos. Fueron detenidas 194 personas de las que 28 ingresaron en prisión provisional.³

El independentismo ha utilizado a los presos como bandera y ejemplo de la falta de democracia del Estado español, presentándolos tanto en Cataluña como en el resto de Europa y del mundo como presos políticos que estarían en prisión por sus ideas. Esto es completamente falso como lo demuestra el mismo hecho de que los que denuncian esa situación puedan hacerlo sin tener ningún problema por ello. En Cataluña hay una parte muy importante de la población que profesa ideas independentistas, incluido el propio Gobierno catalán actual encabezado por su último presidente (recientemente inhabilitado por desobediencia a la Junta Electoral), y no son perseguidos por ello. Los políticos condenados por el Tribunal Supremo no lo han sido por defender sus ideas, a lo que tienen derecho, sino por cometer delitos tipificados en el Código Penal, que fue aprobado democráticamente, y contra la Constitución, que fue refrendada masivamente, incluso en Cataluña, por los ciudadanos. España es uno de los países más libres del mundo. En el Índice de Democracia que publica anualmente *The Economist*, España aparece (2019) en el puesto 16 entre los únicos 22 países del mundo que se consideran democracias completas.⁴

Muchos analistas, incluso no independentistas, han acusado al gobierno español – entonces del PP – de judicializar un conflicto que debía haberse tratado en el ámbito político. Desde luego, el Gobierno del PP fue pasivo ante el deterioro de la situación y podía

1 "Constitución Española," Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado, accessed August 1, 2020, [https://www.boe.es/eli/es/c/1978/12/27/\(1\)/con](https://www.boe.es/eli/es/c/1978/12/27/(1)/con).

2 "Declaració dels representants de Catalunya," Ara, accessed August 1, 2020, https://www.ara.cat/2017/10/10/Declaracio_Independencia_amb_logo_-1.pdf.

3 "Casi 600 heridos, 200 detenciones, daños... Las cifras de una semana de disturbios," *La Vanguardia*, October 20, 2019, <https://www.lavanguardia.com/politica/20191020/471095242135/cataluna-disturbios-detenidos-policia-heridos-barcelona.html>.

4 "Democracy Index 2019," The Economist Intelligence Unit, accessed August 1, 2020, <https://www.eiu.com/topic/democracy-index>. P. 10.

haber tomado iniciativas políticas, que no tomó, para intentar reconducir la situación. Pero los culpables de que el asunto se judicializara no fueron las instituciones españolas, sino aquellos que hicieron caso omiso de las decisiones del Tribunal Constitucional y vulneraron consciente y reiteradamente las leyes.

No obstante, el sentimiento de agravio revitalizó el independentismo, a pesar de la decepción de la fallida DUI, y en las elecciones del 21 de diciembre de 2017, los tres partidos independentistas volvieron a conseguir en conjunto la mayoría en el Parlament, aunque el partido más votado fue Ciudadanos, opuesto frontalmente a la independencia. En esta ocasión, los sucesores de Convergencia – bajo las siglas Junts per Catalunya (además – JxC) – y ERC se presentaron por separado. Junto con la CUP obtuvieron 70 diputados, dos menos que en 2015, y un total del 47,5% de los votos emitidos, tres décimas menos que en la elección anterior.¹ Joaquim Torra, un activista independentista próximo a Puigdemont – quien ha seguido dirigiendo la política catalana desde Bruselas, – fue elegido Presidente de la Generalitat, restaurándose así las instituciones y competencias que la aplicación del artículo 155 había suspendido.

En junio de 2018, ERC votó a favor de la moción de censura que dio por terminado el Gobierno del PP en Madrid, a favor de Pedro Sánchez, líder del PSOE, y en enero de 2020 facilitó, absteniéndose, la investidura del mismo Sánchez al frente de un Gobierno de coalición con la formación izquierdista Unidas Podemos, a cambio de la constitución de una mesa de diálogo bilateral entre el Gobierno de España y el de Cataluña para tratar el contencioso en todos sus aspectos, a lo que el Gobierno actual se ha mostrado favorable. Esta posición ha supuesto una causa de división con el otro gran partido independentista, JxC, que votó en contra de la investidura. De hecho ambos partidos, están cada vez más enfrentados entre sí, ya que compiten por ser el principal partido soberanista catalán, y el Gobierno catalán – que comparten – se sostiene a duras penas debido a esa división. A finales de enero, el Presidente Torra dio por finalizada la legislatura y anunció que convocaría elecciones una vez que los presupuestos anuales fueran aprobados. La crisis de la pandemia Covid19 ha paralizado por el momento ésta y cualquier otra iniciativa política. Pero el Presidente Torra fue condenado en diciembre de 2019 a una inhabilitación de un año y medio por el Tribunal Superior de Justicia de Cataluña, por desobedecer la orden de retirar símbolos partidistas de los edificios públicos en período electoral. El Tribunal Supremo ha ratificado esta sentencia en septiembre de 2020, y las nuevas elecciones están previstas para el 14 de febrero.

Las causas y razones del intento de secesión

Aunque el proceso soberanista catalán también ha perjudicado a España en su conjunto, especialmente en su imagen exterior, lo cierto es que para Cataluña ha sido un desastre sin paliativos. Los independentistas no han conseguido ninguno de sus objetivos, y probablemente ahora están más lejos de conseguirlos que antes de empezar el proceso. En lugar de conseguir la independencia, perdieron su autogobierno, como en 1714 y en 1934, aunque en este caso por un período de tiempo muy breve. Han agudizado la división interna en Cataluña, y el recelo – cuando no la enemistad – en buena parte de España. Se ha puesto de manifiesto el nulo apoyo internacional con el que contaban, y las falsedades que habían dicho al respecto. Muchos de sus dirigentes políticos están encarcelados o huidos de la justicia. Y Cataluña ha sufrido un duro golpe económico, con la salida de muchas empresas, y un deterioro de su imagen internacional que no será fácil revertir.

1 "Eleccions al Parlament de Catalunya 2017," Generalitat de Catalunya, accessed August 1, 2020, <http://gencat.cat/economia/resultats-parlament2017/09AU/DAU09999CM.htm>.

Mucho se ha debatido sobre las razones por las que se ha producido ahora este movimiento secesionista con tanta fuerza, en una región que lleva más de 500 años formando parte de España (y mucho antes aún, unida a otras regiones españolas), cuando gozaba de más autogobierno que nunca antes en su historia, y de un gran progreso económico, social y cultural.

Sin duda, el primer elemento a considerar es una cierta contante histórica de oposición a la hegemonía del poder central, radicado primero en Castilla y luego en la capital, Madrid, que se ha manifestado, como hemos visto antes, en sucesivos episodios de crisis a lo largo de varios siglos. En todos estos episodios los intentos separatistas, u hostiles a Castilla, de los secesionistas catalanes salieron derrotados, pero esas derrotas son consideradas por muchos de ellos más que como fracasos como hechos gloriosos. Baste decir, que la fiesta nacional catalana no conmemora una victoria, como suele suceder en la mayoría de los países, sino una derrota: la toma de Barcelona el 11 de septiembre de 1714 por las tropas del rey Felipe V. Las decepciones anteriores no obstan para que el intento de secesión se reitere en cada ocasión en que el poder central parece débil o proclive a ceder.

En este caso concreto, el desgraciado recorrido del Estatuto de 2006, sometido a sucesivos recortes incluso después de haber sido aprobado en referéndum, contribuyó sin duda al malestar de una parte importante de la población de Cataluña. Además, la gran recesión que afectó muy duramente a España a partir de 2008, y sobre todo en 2012, fue también una causa importante de desafección. Los dirigentes políticos catalanes, intentaron eludir su inevitable responsabilidad en el deterioro económico y en las medidas de austeridad, echando la culpa a la pertenencia de Cataluña a España. Los círculos independentistas vieron en ambas causas de descontento una oportunidad única de impulsar el proceso soberanista, sobre todo cuando constataron el entusiasmo de una importante parte de la población, expresado en las sucesivas manifestaciones del 11 de septiembre. Un entusiasmo que finalmente les arrastró a ellos a tomar decisiones que sabían perfectamente que no tenían ninguna viabilidad. En los movimientos sociales, encender un fuego suele resultar – en determinadas circunstancias – muy fácil, pero controlarlo nunca lo es tanto.

Conviene, además, señalar que las doctrinas nacionalistas de finales del siglo XIX a las que nos hemos referido como origen del nacionalismo catalán moderno, contienen un cierto matiz etnicista o supremacista. No es casual que los países europeos que se unificaron en esa época, basándose en esas mismas doctrinas, Italia y Alemania, fueran los dos en los que triunfó el fascismo. Los nacionalismos vasco y catalán no fueron tampoco ajenos a estas tendencias. Sabino Arana, fundador del Partido Nacionalista Vasco, era abiertamente supremacista, y en Cataluña hubo también personajes como Josep Dencàs, que llegó a ser Consejero de Gobernación de la Generalitat o los hermanos Badía, que formaron parte de Estat Catalá, que tuvieron claras influencias fascistas, e incluso contactos con el fascismo italiano. Es muy difícil que exista un nacionalismo que no contenga alguna dosis de supremacismo, aunque siempre trate de ocultarlo. "Somos diferentes" quiere decir, en muchas ocasiones, "somos mejores".

El sentimiento identitario, de pueblo diferente – y maltratado – que pervive en una parte de la población con sólidas raíces catalanas, es el primer fundamento de la ideología independentista. El mundo rural catalán, en el que los partidos independentistas obtienen en cada elección mayorías, a veces abrumadoras, siente amenazada su identidad, su lengua, sus costumbres, por gente venida de fuera, del sur, a los que no consideran sus

iguales. Hay un cierto reflejo en el relato independentista de lo que en Europa se llama "riesgo moral" cuando se trata de ayudar económicamente a regiones más pobres: nosotros trabajamos para ellos, que son vagos y viven a nuestra costa. En todos los casos se refieren básicamente al sur. El sentimiento de agravio, de estar perjudicados por su pertenencia a España, o no ser suficientemente respetados ha sido profusamente utilizado para animar el proceso soberanista.

Ello nos lleva al otro argumento del independentismo: el económico. Cuando el lema de "Un nuevo Estado en Europa" se agotó ante la evidencia de que eso no era posible, se pasó rápidamente a "España nos roba", un mensaje demoledor porque puede seducir incluso a aquéllos que no han nacido en Cataluña o proceden de familias de otras partes de España, a los que se intenta convencer de que en una Cataluña independiente su nivel de vida sería muy superior, porque no habría que "cargar" con regiones mucho más pobres como Andalucía o Extremadura, aunque en ocasiones sean sus propias regiones de origen. Naturalmente no se dice que, como sucede en Europa, las regiones más ricas siempre ayudan a las más pobres a favor de una cohesión necesaria para progresar juntos, ni que en gran parte la prosperidad relativa de Cataluña se debe a las facilidades que ha tenido en el mercado interior y a la fuerza de trabajo barata que ha obtenido de otras partes de España. Se presenta un país cuyo desarrollo le permitiría estar a la altura de Dinamarca, pero que está lastrado por su pertenencia a un Estado atrasado e ineficaz que se lo impide. Es significativo que partidos teóricamente de izquierdas como ERC o CUP, que se sitúan en el bando independentista, no hablan de solidaridad con el resto de España, o en todo caso la subordinan a la consecución de la independencia. Este argumento ha decaído sensiblemente después de que haya sido rebatido con cifras y hechos,¹ y hayan salido a la luz numerosos episodios de corrupción que afectan al partido que ha dirigido durante décadas el nacionalismo catalán, Convergencia Democrática de Cataluña y a su líder histórico, Jordi Pujol, con lo que muchos catalanes se han dado cuenta de que quien realmente les roba no es España sino sus propias instituciones.

Finalmente, no conviene desdeñar el papel que ha jugado en este proceso el interés de ciertas clases políticas y empresariales catalanas que han decidido que sin las ataduras del poder central podrían ejercer mejor a su antojo todo el poder en su tierra y, por supuesto, obtener ventajas de ello. A pesar de que, como veremos más adelante, una mayoría de los catalanes actuales tienen su origen fuera de Cataluña, y su apellido es castellano, de los 70 diputados de partidos independentistas (JxC, ERC, CUP) que tiene actualmente el Parlament, solo nueve (12,8%) tienen un primer apellido castellano.² Es decir, los dirigentes tienen en su mayoría raíces genuinamente catalanas – y defienden un Estado propio que favorecería sus intereses – aunque tengan muchos seguidores cuyo origen se sitúa en otras partes de España, que apoyan el proceso bien sea por un concepto romántico – los más jóvenes – al que se adhieren aunque no sea propiamente el suyo, o por un cálculo de que ese nuevo Estado mejorará su nivel de vida.

El derecho a decidir

Los partidos y organizaciones separatistas han centrado su discurso en lo que han denominado "derecho a decidir" que sería el fundamento para poder convocar un referéndum de autodeterminación vinculante, con la esperanza de que en él no participaría la mayoría de la población contraria a la independencia, como ha sucedido en las consultas ilegales

1 Borrell and Llorach 2015.

2 "Ple del Parlament," Parlament de Catalunya, accessed August 1, 2020, <https://www.parlament.cat/web/composicio/ple-parlament/index.html>.

celebradas hasta ahora, lo que les daría una mayoría que, por exigua que fuese, serviría hacer valer su reivindicación, sobre todo en la arena internacional.

Además, centrando la cuestión en el acto de decidir en sí, se elude hábilmente la discusión sobre cuales serían las consecuencias de una ruptura con España si ésta finalmente se produjera, incluida la salida de la Unión Europea, que es una cuestión de la que prácticamente no se ha hablado durante todo el proceso. Finalmente, es mucho más sencillo obtener una aprobación mayoritaria de una cuestión aparentemente tan atractiva como la capacidad de decidir, y de hecho en este tema los secesionistas hacen presunción de unas mayorías favorables que rondarían el 80%, mientras que como hemos visto los votos independentistas nunca han llegado al 50%. Efectivamente, en la primera oleada 2020 del barómetro de opinión política que elabora y publica el Centre d'Estudis d'Opinió (CEO) dependiente de la Generalitat de Catalunya,¹ cuando se plantea la cuestión de si los catalanes y catalanas tienen derecho a decidir su futuro como país votando en un referéndum, un 78,4% dicen estar muy de acuerdo o bastante de acuerdo. Nótese que en la pregunta no se menciona la palabra autodeterminación, ni mucho menos independencia. Planteado así, ¿quién puede estar en desacuerdo con la posibilidad de decidir su futuro, personal o colectivo? Si no se especifica más, lo raro es que no la aprueben el 100% de los consultados.

Pero una cosa es el derecho a decidir, que los catalanes ejercen cada vez que van a votar, incluso en referéndums cuando se trata de aprobar la Constitución o el Estatuto de Autonomía, y otra muy distinta el derecho de autodeterminación, que implica a su vez un reconocimiento de soberanía, y un derecho de secesión. Ninguna Constitución del mundo reconoce el derecho a la autodeterminación, a excepción de Liechtenstein, Etiopía y del estado caribeño formado por las islas de San Cristóbal y Nieves. Ni siquiera Escocia, que fue un Estado independiente hasta 1707 fecha en la que se firmó el Acta de Unión con Inglaterra² para crear el Reino de Gran Bretaña, y donde no existe una Constitución escrita, tiene reconocido ese derecho, ya que fue el Parlamento británico de Westminster el que transfirió expresamente al Parlamento escocés la facultad de convocar el referéndum que se celebró en septiembre de 2014. Tampoco es aplicable el caso de Quebec cuya relación con Canadá fue definida a partir de 1867,³ por una serie de leyes conocidas como el Acta de la Norteamérica Británica, y que nunca aprobó el Acta Constitucional de 1982,⁴ por la que Canadá pasaba a ser completamente independiente, a pesar de lo cual tanto el referéndum de 1980 como el de 1995 ofrecían a los votantes un nuevo marco de asociación con Canadá, y el Tribunal Supremo canadiense determinó que una declaración unilateral de independencia no sería legal.

En lo que respecta a la Constitución Española, dice en su artículo 1, apartado 2 que "La soberanía nacional reside en el pueblo español, del que emanan los poderes del Estado,"⁵ y esto se refiere a todo el territorio del Estado. En consecuencia, los catalanes tienen derecho a decidir sobre el futuro de Cataluña – y de toda España – pero no solo ellos, es un derecho que comparten con el resto de los españoles. Limitar el derecho a decidir sobre el futuro político de Cataluña a los que viven actualmente en Cataluña privaría al resto de españoles de este derecho que la Constitución consagra. La Constitución puede ser

- 1 "Baròmetre d'Opinió Política. 1ª onada 2020. Taules estadístiques," Centre d'Estudis d'Opinió. Generalitat de Catalunya, accessed August 1, 2020, <http://upceo.ceo.gencat.cat/wsceop/7548/Taules%20estad%C3%ADstiques%20-962.pdf>. P. 67.
- 2 "Union with England Act 1707," The National Archives, accessed August 1, 2020, <https://www.legislation.gov.uk/aosp/1707/7/contents>.
- 3 "Constitution Act, 1867," Justice Laws Website. Government of Canada, accessed August 1, 2020, <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/Const/page-1.html>.
- 4 "Canada Act 1982," The National Archives, accessed August 1, 2020, <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1982/11/contents/enacted>.
- 5 "Constitución Española," Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado, accessed August 1, 2020, <https://www.boe.es/legislacion/documentos/ConstitucionCASTELLANO.pdf>.

modificada, pero al estar tanto este Artículo, como el número 2, que consagra la indisoluble unidad de la nación española incluidos en el Título Preliminar, la reforma tendría que seguir el camino más difícil, descrito en el Artículo 168, que desembocaría en un referéndum en toda España, con lo que las posibilidades de que esa modificación recoja el derecho a la secesión de una parte del territorio son prácticamente nulas.

Ante la imposibilidad de encontrar un resquicio legal en España en el que basar el derecho de autodeterminación, los secesionistas han intentado buscarlo en el derecho internacional. Pero la doctrina de Naciones Unidas, reiteradamente definida por esta organización, indica que éste es un derecho aplicable exclusivamente a los pueblos coloniales o sometidos a dominación extranjera. El derecho de autodeterminación se define, en la Resolución 1514, de 1960, como el derecho a la independencia de los pueblos sujetos a una subyugación, dominación y explotación extranjeras. De hecho el punto 6 de esta resolución establece que "todo intento encaminado a quebrantar total o parcialmente la unidad nacional y la integridad territorial de un país es incompatible con los propósitos y principios de la Carta de las Naciones Unidas."¹ La resolución 2625, de 1970, que también aborda el tema de la autodeterminación de territorios coloniales, señala en su articulado que no debe interpretarse "en el sentido de que autoriza o fomenta cualquier acción encaminada a quebrantar o menospreciar, total o parcialmente, la integridad territorial de Estados soberanos e independientes ... dotados de un gobierno que representa a la totalidad del pueblo perteneciente al territorio, sin distinción por motivo de raza, credo o color."²

Cataluña no tiene ningún título o fundamento, ni histórico ni político, en el que basar su derecho de autodeterminación, excepto la pretendida voluntad de su población, discutible como hemos visto porque solo se pregunta por un genérico "derecho a decidir" sin especificar las consecuencias. En todo caso, si este argumento se aceptase permitiría que cualquier territorio en cualquier parte del mundo pudiera apelar al derecho de autodeterminación siempre que su población estuviera a favor, aunque fuera coyunturalmente y por motivos circunstanciales o egoístas, por ejemplo porque se hubieran descubierto ciertos recursos. Y también – por supuesto – que una parte de Cataluña exigiera también su propio derecho a autodeterminarse y a separarse del resto, e incluso dentro de ésta parte, aún una más pequeña podría intentar hacer lo mismo.

La reivindicación independentista se ha querido fundamentar – sobre todo en el exterior donde existe un escaso conocimiento de la situación real – en la existencia de un "pueblo" catalán que sería depositario de una soberanía propia, arrebatada por España en algún momento. Como hemos visto en el repaso histórico, esa soberanía no ha existido nunca, aunque Cataluña haya tenido instituciones, fueros y leyes propias, como las tuvieron también el País Vasco, Valencia, Mallorca, Castilla, León, y la mayoría de los territorios hispanos. Además, el lema "Cataluña, un solo pueblo" acuñado por el político nacionalista Josep Benet y adoptado con entusiasmo por Jordi Pujol, es completamente irreal. Después de tantos siglos de convivencia no es posible hablar de un demos propiamente catalán en el que residiría la soberanía que se reivindica. El barómetro del CEO al que nos hemos referido,³ constata que hay una mayoría de más de diez puntos porcentuales (50,7% frente a 40,6%) de ciudadanos catalanes actuales cuyo padre ha nacido fuera de Cataluña. Lo mismo sucede con las madres, aunque en

1 "Declaration 1514 on the granting of independence to colonial countries and peoples," United Nations Documents, accessed August 1, 2020, [http://undocs.org/A/RES/1514\(XV\)](http://undocs.org/A/RES/1514(XV)).

2 "Declaration 2625 on Principles of International Law Concerning Friendly Relations and Co-operation Among States in Accordance with the Charter of the United States," United Nations Documents, accessed August 1, 2020, [https://www.undocs.org/A/RES/2625\(XXV\)](https://www.undocs.org/A/RES/2625(XXV)).

3 "Baròmetre d'Opinió Política. 1ª onada 2020," Centre d'Estudis d'Opinió. Generalitat de Catalunya, accessed August 1, 2020, <http://upceo.ceo.gencat.cat/wsceop/7548/Taules%20estad%C3%ADstiques%20-962.pdf>. P. 47.

este caso la diferencia es menor, 47,9% nacidas fuera frente a 44% nacidas en Cataluña, tal vez como consecuencia de que algunos trabajadores inmigrantes encontraron esposa en Cataluña. Esto significa que la mayoría de los habitantes actuales de Cataluña no son hijos de catalanes. Incluso un 23,9% han nacido ellos mismos en otras partes de España y un 7,2% en otro país. El 55% de los actuales habitantes de Cataluña no tienen ningún abuelo catalán. Solo el 18,4% tiene los cuatro abuelos catalanes. Según el Instituto de Estadística de Cataluña los 20 apellidos más frecuentes de la población catalana son castellanos.¹ Cuando se pregunta qué lengua considera como propia (pregunta 67), un 44,5% responde que el castellano frente a un 41,3% que señalan al catalán, y los dos por igual el 12,8%. Esto después de 30 años de inmersión lingüística (toda la enseñanza se realiza en catalán excepto dos horas semanales de castellano) porque cuando se pregunta qué idioma hablaba de pequeño en su casa (pregunta 68), el castellano sube hasta el 57,1%, más de 20 puntos por encima del catalán, 35,4% (ambos el 4,3%). Hablar en este escenario de un solo pueblo catalán parece cuando menos utópico.²

Por supuesto no se puede hacer ninguna discriminación entre catalanes viejos y nuevos, pero cuando se aduce una soberanía originaria y antigua, hay que saber a quién nos estamos refiriendo. Para votar en Cataluña solo hace falta estar empadronado en un municipio catalán dos meses antes de la votación. Es decir, una persona que haya llegado hace tres meses de Jaén a trabajar en Barcelona, donde se ha empadronado, tendría derecho decidir sobre el futuro político de Cataluña, mientras que sus hermanos, que no se han movido de su ciudad de origen, no pueden hacerlo, por supuesto. Y tampoco pueden hacerlo los millones de españoles de origen catalán – o incluso nacidos en Cataluña – que por razones laborales, familiares o de otra índole están empadronados en otras partes de España fuera de Cataluña.

La dimensión política de la cuestión

Los secesionistas intentan plantear el proceso soberanista catalán como la pugna de un pueblo unido, el catalán, contra la opresión española. Pero está muy lejos de la realidad. De hecho, el único consenso mayoritario entre los catalanes es el que se refiere a la opinión de que Cataluña goza actualmente de una autonomía insuficiente. El barómetro del CEO al que venimos haciendo referencia, cuando se pregunta a los ciudadanos catalanes si creen que Cataluña goza de suficiente autonomía (pregunta 32), un 63% de los encuestados creen que es insuficiente, más del doble de los que creen que es suficiente o demasiada (29,6%).³

Pero cuando se pregunta sobre lo que creen que Cataluña debería ser en el futuro (pregunta 33),⁴ solo un 35,5% de los encuestados se declaran por un Estado independiente, mientras que un 33,3% prefieren que sea una región o una autonomía española, y un 23,9% optar por un Estado dentro de una España federal. Nótese que existe casi una simetría entre los partidarios de la independencia y los que optan por mantener el statu quo actual, alrededor de una tercera parte de la población en cada posición, mientras que un sector importante de los encuestados (casi una cuarta parte) se encuentra en una posición intermedia y podría inclinar la balanza hacia un lado u

1 "Apellidos más frecuentes de la población. 2018," Instituto de Estadística de Cataluña. Generalitat de Cataluña, accessed August 1, 2020, <https://www.idescat.cat/pub/?id=aec&n=948&lang=es>.

2 "Baròmetre d'Opinió Política. 1ª onada 2020," Centre d'Estudis d'Opinió. Generalitat de Cataluña, accessed August 1, 2020, <http://upceo.ceo.gencat.cat/wsceop/7548/Taules%20estad%C3%ADstiques%20-962.pdf>. P. 93.

3 Ibid. P. 73.

4 Ibid. P. 73.

otro. Parece evidente a la vista de estas cifras, que una pregunta binaria como la que se planteó el 1 de octubre de 2017, independencia sí o no, deja a este último sector entre dos fuegos, sin una posibilidad de ejercer su opción de futuro, que no es ni la independencia ni el mantenimiento de la actual situación. Se está forzando a una parte sustancial de la población a elegir entre dos posibilidades, ninguna de las cuales desea, o a abstenerse, privando a la consulta de la legitimidad imprescindible en una decisión de este calado histórico. De hecho, cuando en el barómetro la pregunta se hace directamente en forma binaria, sin otra alternativa, (pregunta 34)¹ el 47,1% no quiere que Cataluña se convierta en un Estado independiente y el 44,9% sí quiere. Como vemos, la tercera opción se ha repartido aquí, con cierta ventaja para la no independencia, lo que no quiere decir que esa tercera opción se haya encontrado cómoda al tener que elegir tan drásticamente entre dos únicas opciones.

Es interesante señalar que la cifra del 35,5% de los que optarían por una Cataluña independiente, es casi diez puntos inferior a lo que preferían esta opción en octubre de 2014 (45,3%) y ha disminuido casi 5 puntos desde octubre de 2017 (40,2%), fecha en la que se realizó el referéndum. Probablemente a medida que parte de la población se daba cuenta de que la cosa no era tan fácil como la habían pintado en principio sus dirigentes, y en especial que la Unión Europea no iba a aceptar sin más una Cataluña independiente, especialmente si se hacía en contra del deseo de Madrid. En todo caso, ese 40,2% de partidarios de la independencia que recogía el barómetro del CEO en octubre de 2017 contrasta con el resultado "oficial" del referéndum, que daba al sí un 90,18% de los votos emitidos. Claro que como la participación fue, también "oficialmente", del 43,03%, resultaría que había votado a favor de la independencia un 38,8% de la población, lo que se parece más al dato ofrecido por el barómetro, considerando que la participación fue masiva por parte de los que deseaban la independencia y residual por los que no la deseaban (7,83% de los votos emitidos, 3,14% de la población), y que además los resultados "oficiales" del referéndum son altamente discutibles, como ya hemos comentado, tanto por las irregularidades en la votación como por la falta de control independiente en el recuento.

También es significativo observar, que ese 40,2% que el CEO atribuye a los independentistas en octubre de 2017 (que sube ligeramente en abril de 2018 al 40,8%), está sensiblemente por debajo del porcentaje que consiguieron los tres partidos que propugnaban la independencia (JxC, ERC, CUP) en las elecciones del 21 de diciembre, que alcanzaron en su conjunto el 47,50%. Podría argüirse también, como en la comparación anterior que al haber habido una participación del 79,09% en esta elección, en realidad votaron a favor de los partidos independentistas un 37,56% de los censados, lo que también estaría más cerca de la estimación ofrecida por el CEO. Pero además muchos analistas han señalado que los partidos independentistas estarían recibiendo votos de personas no favorables a la independencia – o dudosos – que piensan que estos partidos están en mejores condiciones, y sobre todo con mayor disposición, a obtener de Madrid mejoras sensibles para Cataluña.

Otro aspecto muy interesante del barómetro del CEO, y que atañe directamente a la identidad, es el que se refiere al sentimiento de pertenencia de la población. Según la respuesta a la pregunta 66, se siente solo catalán el 22,3% de la población, más catalán que español el 22,6%, tan español como catalán el 39,1%, más español

1 "Baròmetre d'Opinió Política. 1a onada 2020," Centre d'Estudis d'Opinió. Generalitat de Catalunya, accessed August 1, 2020, <http://upceo.ceo.gencat.cat/wsceop/7548/Resumen%20en%20espa%C3%B1ol%20-962.pdf>. P. 73.

que catalán el 4,1% y solo español el 6,5%.¹ Esto significa que el 72,4% de la población de Cataluña se siente también español en mayor o menor medida, y este es un dato objetivo de extraordinario interés. Desde luego, hay otra forma de verlo, que es sumando los que se sienten solo catalanes con los que se sienten más catalanes que españoles, lo que daría un 44,9% una cifra idéntica a los que quieren que Cataluña se convierta en un estado independiente, según la pregunta 34, (y más cercana a los que votan a partidos independentistas), pero es necesario señalar que la mitad de ellos se sienten de algún modo también españoles y por tanto su apoyo a la independencia no viene tanto de su sentimiento identitario como de las ventajas que piensan que podría reportarles el disponer de un estado independiente.

De todos estos datos, estudiados comparativamente, se puede deducir que hay una parte minoritaria de la ciudadanía de Cataluña que desean inequívocamente separarse de España, que podríamos situar entre el 22,3% de la población que se siente exclusivamente catalán y el 35,5% que se declaran directamente independentistas. Este porcentaje sube hasta el 47,5% que votan a partidos independentistas, es decir estos partidos tienen entre un 12% y un 25% de voto "prestado" que los vota porque creen que defienden mejor sus intereses, aunque su posición política o identitaria no sea tan radical, como la que defienden los secesionistas. En el otro lado, tenemos entre un 10,6% que se sienten más españoles o solo españoles y un 33,3% que piensan que Cataluña debe ser una región o una autonomía española. Y en medio, un 39,1% que se siente tan catalán como español, una parte de los cuales podría pertenecer al 23,9% que desearían un Estado catalán en una España federal, es decir un mayor grado de autonomía. Estos últimos son clave, puesto que si sumamos los federalistas a los independentistas nos da un 59,4% que se parece bastante al 63% que cree que la autonomía actual es insuficiente, pero si los sumamos a los regionalistas nos da un 57,2% que aceptarían continuar dentro de España, bien con el Estatuto actual o con uno mejorado.

De este análisis, basado en datos recogidos por la propia Generalitat de Cataluña, se pueden extraer dos conclusiones. La primera es que una pregunta binaria en la que se ofrece solo la independencia o el mantenimiento actual no se corresponde con la realidad sociológica y política de Cataluña en la que existe una parte importante que se sitúa entre ambas opciones. La segunda es que si se llegara a un acuerdo que ofreciera mayor autonomía a Cataluña, en un sentido federal, esa solución podría ser aceptable para una mayoría de la población catalana, tanto desde el punto de vista identitario, para el 72,4% que se sienten en algún grado también españoles (aunque no todos estén de acuerdo con el grado de autonomía actual), como desde el punto de vista político para el 57,2% que no son partidarios de la independencia o prefieren un Estado dentro de una España federal, que es lo que ofrecería el nuevo acuerdo.

Hacia una solución acordada

Si aceptamos las conclusiones anteriores, está claro que la solución al conflicto catalán consistiría en encontrar una nueva relación entre Cataluña y el resto del Estado que sea suficientemente atractiva para ese grupo de población intermedio que considera que la autonomía actual es insuficiente pero que se sienten tan catalanes como españoles y no apoyan la independencia, e incluso para algunos de los que actualmente la apoyan, que podrían dejar de apoyarla a la vista de un nuevo acuerdo satisfactorio.

1 "Baròmetre d'Opinió Política. 1a onada 2020," Centre d'Estudis d'Opinió. Generalitat de Catalunya, accessed August 1, 2020, <http://upceo.ceo.gencat.cat/wsceop/7548/Dossier%20de%20premsa%20-962.pdf>. P. 58.

Esta solución siempre tendría enfrente a los más radicales, a aquellos que no quieren saber nada de España y que estarían dispuestos a la secesión a cualquier precio, incluso a costa del aislamiento de la nueva Cataluña y su exclusión por largo tiempo de la Unión Europea. Pero como hemos visto al analizar esta encuesta, cuyos resultados básicos se vienen repitiendo año tras año, esta oposición frontal supondría entre un cuarto y un tercio de la población actual de Cataluña. Si se lograra que un porcentaje cercano a los dos tercios aprobase en referéndum un nuevo estatuto acordado que recogiera la demanda de más autogobierno, mayoritaria en la sociedad catalana, se habría encontrado una salida a la crisis actual, que podría funcionar al menos durante varias décadas. Después, si el proyecto europeo aboca, como es deseable, a una unión política con soberanía compartida, las ideas de independencia de una región de un Estado miembro caerían probablemente en el anacronismo.

Para que fuera aceptable para una mayoría de catalanes, el nuevo acuerdo debería contener al menos los puntos siguientes:

- reconocimiento de Cataluña como nación cultural y política, aunque no soberana, y, en consecuencia, de sus competencias exclusivas en materias como lengua, educación, deporte y cultura;
- aceptación del principio de ordinalidad en la distribución de los recursos, es decir que los recursos se gasten donde se originan, incluyendo una cláusula de solidaridad con las regiones más desfavorecidas – suficiente y comprobable – que debería ser pactada;
- implementación sistemática del principio de subsidiariedad, por el cual los asuntos se resuelven siempre en el nivel más bajo en el que pueden ser resueltos, siempre que no afecten a los demás, lo que se traduciría en un aumento de sus competencias exclusivas, claramente delimitadas, en las que las instituciones centrales del Estado no podrían entrar;
- creación de una Agencia Tributaria compartida con el Estado;
- reparto geográfico de las instituciones centrales del Estado.

Además habría que encontrar la fórmula para que Cataluña, y el resto de las comunidades, puedan cogobernar, es decir influir en la política del Estado y ser copartícipes de las decisiones que más les afecten como comunidad, más allá de su representación – necesariamente limitada – en el Congreso. Un ejemplo del mecanismo que permite esa corresponsabilidad lo tenemos en el Consejo Federal alemán (*Bundesrat*), en el que están representados los Estados federados, que votan como tales, y que tiene derecho de veto sobre las leyes que afecten a sus competencias y sobre los cambios constitucionales. Una modificación del Senado español en esta dirección, convertiría a España en un Estado claramente federal y sería muy bien recibida no solo en Cataluña sino también en el País Vasco, en Galicia y en otras autonomías.

No obstante, la viabilidad de una solución de este tipo a corto o medio plazo es escasa, y no precisamente porque no fuera aceptada en Cataluña, sino porque el acuerdo de los partidos políticos españoles para llegar a ella parece altamente improbable. Cualquier modificación constitucional requeriría el acuerdo del principal partido conservador, el PP, que no parece en el momento actual muy proclive a llegar a acuerdos de calado que puedan consolidar a un Gobierno que ha tachado de “ilegítimo”. Por el contrario, intentará utilizar cualquier proyecto de acuerdo para estimular la oposición del resto de los españoles, ante la “injusticia” de un trato desigual, y más favorable para Cataluña.

Aunque este Gobierno lograra alcanzar un acuerdo con las fuerzas políticas catalanas, o una parte importante de ellas, que pudiera ser sometido a referéndum y aprobado mayoritariamente en Cataluña en forma de nuevo Estatuto de Autonomía, el PP, o Vox – que se sitúa en la extrema derecha – podrían recurrirlo de nuevo al Tribunal Constitucional, como ya hizo el PP en 2006, y el Tribunal que tiene una mayoría claramente conservadora, podría de nuevo hacer una interpretación restrictiva de la Constitución y declarar inconstitucionales los avances acordados, lo que es muy probable a luz de la experiencia anterior, con lo que nos encontraríamos de nuevo en la casilla de salida.

La derecha española no ofrece ninguna alternativa para resolver el conflicto catalán, más allá de la aplicación estricta de la ley y la represión de cualquier movimiento o iniciativa que la desafíe. La ley debe ser cumplida, por supuesto. Y ningún Gobierno español va a reconocer la soberanía de Cataluña. Pero eso no excluye la búsqueda de una solución política para un problema de carácter esencialmente político, por más que los principales responsables de haber llegado a esta situación hayan sido los dirigentes separatistas catalanes. Hay unos dos millones de catalanes que no están de acuerdo con la situación actual y – tengan o no tengan razón – lo cierto es que no pueden ser ignorados. La represión no ha conseguido hasta ahora calmar las ansias del sector secesionista, sino que por el contrario lo ha estimulado. Intentar obviar la realidad no va a ayudar a resolver el problema. Y es evidente que el mantenimiento de la crisis en Cataluña debilita también a España, tanto internamente como en el papel que juega en la Unión Europea, y en general, en su proyección internacional.

Después del fracaso del proceso soberanista, el problema se sitúa ahora, por tanto, en las fuerzas políticas del Estado. Sin un consenso básico mayoritario, es decir que incluya al principal partido de la oposición, la cuestión catalana no puede resolverse. Y ese consenso va a ser extraordinariamente difícil de alcanzar. Si no se consigue, la situación en Cataluña seguirá estancada, con un riesgo cierto de que evolucione desfavorablemente en el futuro hacia una agudización del conflicto. Tal vez entretanto, habrá que conformarse con “conllevar” el problema sin resolverlo, como señaló el filósofo Ortega y Gasset con ocasión del debate sobre el Estatuto catalán en mayo de 1932, durante la Segunda República.¹ Esperemos que no sea este el caso y que al final las razones de Estado se impongan sobre las partidarias, por el bien de todos.

→ Referencias / References

Almirall, Valentí. *Lo catalanisme: Motius que el legitimen, fonaments científics i solucions pràctiques* [Catalanism: reasons that legitimize it, scientific foundations and practical solutions]. Barcelona: RBA Libros, 2013. [In Spanish]

Borrell, Josep, and Joan Llorach. *Las cuentas y los cuentos de la independencia* [The accounts and stories of independence]. Madrid: Catarata, 2015. [In Spanish]

Jardi, Enric. *Companys i el 6 d'octubre* [Companys and the 6th of October]. Barcelona: Proa, 1997. [In Spanish]

Ortega y Gasset, José. *España invertebrada* [Invertebrate Spain]. Madrid: Espasa Calpe, 1943. [In Spanish]

Ortigosa, José Luis. *La cuestión catalana II: Desde junio de 1713 hasta junio de 2018* [The Catalan question II: from June 1713 to June 2018]. Madrid: Vision Libros, 2018. [In Spanish]

Soldevila, Ferran. *Història de la proclamació de la República a Catalunya* [History of the proclamation of the Catalan Republic]. Barcelona: Curial, 1977. [In Spanish]

The Catalan issue: origin, development, and perspectives

José E. De Ayala

→ Abstract

Catalonia is one of the richest regions in Spain and, thanks to its Statute of Autonomy, it enjoys a self-government comparable to that existing in federal States. It has been part of Spain for as long as Spain exists, but in the course of history there have been several episodes of disagreement and attempts at receiving independence. Since the beginning of this century, a sovereignty process has been launched by supporters of secession, ignorant of the Constitution and Spanish legality, that culminated, in October 2017, with a unilateral declaration of independence, which involved temporary intervention by the Spanish Government and the trial and condemnation of the main leaders, in addition to not being recognized by any country or international organization in the world. Catalan society is plural, formed in part by emigrants from other parts of Spain, and is very divided on this issue. Supporters of independence have never managed to obtain 50% of the votes in any of the numerous elections carried out, although there is a majority favorable to increasing the level of autonomy. The solution to this conflict can only come with the achievement of a political agreement that establishes a new relationship between Catalonia and the rest of Spain, which satisfies a majority, without the need to break up. But this solution will be difficult because of both the radicalism of some separatist leaders and the lack of agreement between the Spanish parties on how to approach the issue.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-42-64>

Research article

José Enrique de Ayala, Member of the Advisory Council and the Council of European Affairs, Foreign Policy Observatory of the Alternativas Foundation, Madrid (Spain)

E-mail:

enriqueayalamarin@gmail.com

For correspondence: 28001, Spain, Madrid, Don Ramón de la Cruz, 39 - 1ª Izda

For citation: De Ayala, José Enrique. "La cuestión catalana: origen, desarrollo, y perspectivas" [The Catalan issue: origin, development and prospects]. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 2 (2020): 42-64. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-42-64>. [In Spanish]

Received: 19.06.2020

Accepted: 02.08.2020

→ Keywords

Catalonia, Spain, autonomy, history, process, independence, secessionism

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Каталонский вопрос: происхождение, эволюция и перспективы

Х.Э. Де Айала

→ Аннотация

Каталония является одним из богатейших регионов Испании и, благодаря своему Статуту, имеет уровень самоуправления, сопоставимый с уровнем самоуправления федеральных территорий в других государствах. Каталония была частью Испании со времен ее возникновения, но в истории присутствуют несколько эпизодов противоречий и попыток получения независимости. С начала XXI столетия сторонники сецессии инициировали процесс суверенизации, игнорируя Конституцию и испанское законодательство. В октябре 2017 года инициативы привели к односторонней декларации независимости, за которой последовало временное вмешательство испанского правительства в процесс каталонского самоуправления, судебное разбирательство и осуждение ключевых политических фигур. Независимость не была признана ни одной страной или международной организацией в мире. Каталонское общество является плюралистическим, включающим и иммигрантов из других частей Испании, и по вопросу каталонской автономии оно весьма расколото. Сторонникам независимости никогда не удавалось набрать 50% голосов ни в одном из многочисленных избирательных мероприятий, хотя большинство выступает за повышение уровня автономии. Урегулирование этого конфликта может быть достигнуто только при закреплении политического соглашения, удовлетворяющего требованиям большинства и устанавливающего новые отношения между Каталонией и остальной Испанией, без необходимости его разрыва. Тем не менее подобное решение будет трудным как из-за радикализма некоторых сепаратистских лидеров, так и из-за отсутствия согласия между сторонами в отношении того, как решать эту проблему.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-42-64>

Исследовательская статья

Хосе Энрике де Айала, член Консультативного совета и Совета по европейским делам Обсерватории по вопросам внешней политики «Fundación Alternativas», Мадрид (Испания)

E-mail:

enriqueayalamarin@gmail.com

Для корреспонденции: 28001, Испания, Мадрид, Дон Рамон де ла Круз, 39 - 1º Izda

Для цитирования: De Ayala, José Enrique. "La cuestión catalana: origen, desarrollo, y perspectivas" [The Catalan issue: origin, development and prospects]. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 2 (2020): 42–64. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-42-64>. [In Spanish]

Статья поступила в редакцию: 19.06.2020

Принята к публикации: 02.08.2020

→ Ключевые слова

Каталония, Испания, автономия, история, процесс, независимость, сецессионизм

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Перспектива • Perspectiva

La postura de la Unión Europea frente al separatismo en Cataluña

A.V. Makárycheva

→ Resumen

Las tendencias separatistas son más características de la Unión Europea (UE) que del resto del mundo. Este hecho se explica ante todo por la crisis de los valores europeos, los elementos religiosos y las nuevas prioridades. El propósito tanto de Cataluña como del País Vasco de dialogar directamente con Bruselas sin la participación de Madrid conlleva múltiples dificultades: el descontento y las advertencias del Gobierno de España representan un obstáculo dada la necesidad de la Unión Europea de tener en cuenta la postura de las autoridades oficiales de sus Estados miembros. A pesar de que las regiones han adquirido mayor protagonismo en la agenda de la Unión Europea, la política de esta comunidad sigue de cerca la situación de las autonomías y no es partidaria del separatismo. La UE intenta limitar la actividad y la conversión de las autonomías en estados independientes, utilizando para ello medidas institucionales. Además, el nuevo Estado independiente no entraría en el espacio europeo porque dejaría de formar parte de la UE y, por tanto, se vería obligado a resolver una serie de cuestiones, como la necesidad de crear una nueva moneda y lidiar con la posible crisis económica que se derive de ello, además del previsible descontento por la disminución de la calidad de vida y la conmoción social. Todos estos factores influyen en las autonomías a la hora de valorar las posibles consecuencias de sus actos, antes de tomar la decisión concreta sobre un referéndum. Cabe mencionar que tampoco es sencillo hacer un referéndum de estas características porque no está contemplado en la Constitución de España.

→ Palabras clave

Nacionalismo catalán, Unión Europea, procesos de integración, referéndum en Cataluña, separatismo en España, desintegración europea

Declaración de divulgación: El autor no informó de ningún posible conflicto de intereses.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-65-75>

Artículo de investigación

Ánna Vladimirovna Makárycheva, doctorada en politología, investigadora del Laboratorio de Análisis de Procesos Internacionales, Profesora del Departamento de Español, Instituto Estatal de Relaciones Internacionales de Moscú (MGIMO-Universidad) (Rusia)

E-mail:

makarycheva.a.v@my.mgimo.ru

Para la correspondencia: 119454, Rusia, Moscú, av.Vernadskogo, 76

Para citar: Makárycheva, Ánna Vladimirovna. "La postura de la Unión Europea frente al separatismo en Cataluña" [The position of the European Union towards separatism in Catalonia]. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 2 (2020): 65-75. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-65-75>. [In Spanish]

El artículo fue recibido por los editores: 02.09.2020

Aceptado para publicación: 05.10.2020

El presente artículo aborda los problemas del nacionalismo catalán, sus premisas y la posterior reacción de la Unión Europea frente al referéndum de Cataluña y al movimiento independentista en esta autonomía. El objetivo principal del autor consiste no sólo en evaluar la situación actual del objeto de estudio, sino también en realizar un análisis histórico del nacionalismo en Cataluña para comprender la dinámica del desarrollo de este proceso. El tema del separatismo ha ganado actualidad en los últimos años a raíz del referéndum de Escocia del año 2014, que influyó notablemente en la decisión de las autoridades catalanas de organizar su propio referéndum, y los acontecimientos que hemos observado en Reino Unido, que el 31 de enero de 2020 abandonó formalmente la Unión Europea después de numerosas rondas de negociaciones.¹

En el marco del estudio actual es importante examinar los puntos de vista de diversos autores dedicados a la relación del separatismo y la Unión Europea. Por ejemplo, J. Weiler considera que los movimientos separatistas son incompatibles con el proceso de integración europea.² Desde este punto de vista es comprensible la postura de la Unión Europea respecto al separatismo, es decir, el rechazo de cualquier tipo de secesionismo y la afirmación de que el Estado que pudiera alcanzar la independencia no sería la parte de la Unión.

Por otra parte, no podemos olvidarnos del derecho internacional, donde se refleja la integridad de las fronteras y también el derecho a la autodeterminación. Ambos conceptos quedaron plasmados en el Acta Final de la Conferencia sobre Seguridad y Cooperación en Europa (Helsinki, 1975).³ En este contexto, N. Walker considera que los tratados de la Unión Europea “destilan una sensibilidad hacia el hecho regional” que dificulta la aplicación del concepto de autodeterminación.⁴ El autor subraya que la UE debe ser neutral, tratar a todos los movimientos secesionistas por igual y no influir el resultado final.⁵

La tercera postura es contraria y mantiene que la Unión Europea debe apoyar los movimientos separatistas puesto que son una expresión del principio democrático. En estas líneas, si algún Estado rechaza la organización y la realización de un referéndum por la independencia, la Unión debe apoyar a la provincia o comunidad que desee independizarse.⁶ En cualquier caso, la UE debe reaccionar de alguna manera a los acontecimientos y no hacer caso omiso de lo que ocurre en sus Estados miembros. En este contexto, los valores y principios relevantes europeos pueden desempeñar un papel muy importante. A continuación, analizamos la postura actual de la Unión Europea frente a Cataluña.

El fenómeno del nacionalismo catalán: perspectiva histórica

Cabe señalar que el origen del nacionalismo catalán se pierde en la noche de los tiempos, si consideramos que esta región del país gozó durante mucho tiempo de los privilegios y derechos civiles de una amplia autonomía. Cataluña obtuvo estos privilegios cuando pasó a formar parte del Reino de España tras el matrimonio dinástico de Isabel I de Castilla y Fernando de Aragón. Poco a poco, la independencia de la autonomía se vio disminuida y limitada, un proceso que culminó cuando, a raíz de La Guerra de Sucesión Española de 1714, se diluyó prácticamente

1 “Brexit: salida de Reino Unido de la UE,” EUR-Lex, accessed October 1, 2020, <https://eur-lex.europa.eu/content/news/Brexit-UK-withdrawal-from-the-eu.html?locale=es>.

2 Weiler 2017, 12-31.

3 “Helsinki Final Act,” Organization for Security and Co-operation in Europe, accessed October 1, 2020, <https://www.osce.org/helsinki-final-act>.

4 Walker 2017, 45-47.

5 Ibid.

6 Nico Krisch, “The Spanish constitutional crisis: Law, legitimacy and popular sovereignty in question,” *Verfassungsblog: On Matters Constitutional*, October 7, 2017, <https://verfassungsblog.de/the-spanish-constitutional-crisis-law-legitimacy-and-popular-sovereignty-in-question/>.

la frágil independencia de la región.¹ Por tanto, el siglo XVIII fue el siglo de la integración progresiva de Cataluña en la vida política y económica de España.² Lamentablemente, este proceso integrador no contribuyó a la asimilación de los catalanes dada la complejidad del aparato burocrático. A diferencia de lo ocurrido en Francia, por ejemplo, las autoridades españolas no pudieron crear un estado unitario, sino que conservaron formalmente el estatus de federación. En la segunda mitad del siglo XIX, con un imperio español debilitado que ya había perdido su grandeza pasada, una nueva oleada de nacionalismos se extendió por el país.

El movimiento nacionalista actual surgió en Cataluña con un carácter claro y evidente a principios del siglo XX, cuando los partidarios de la independencia de Cataluña lograron que se aprobara el estatuto de la Mancomunidad de Cataluña y establecieron su propio partido: La Liga Regionalista. Este partido recibió amplio apoyo del público y luchó por conseguir mayor capacidad legislativa en la región, pese a que en aquel momento no se contemplaba la cuestión de la independencia. Durante la Guerra Civil Española, Cataluña, que de nuevo tenía como objetivo principal la independencia, apoyó al gobierno central republicano enfrentado a Francisco Franco. Finalizada la guerra, Franco tomó represalias y eliminó los estatutos de las autonomías, además de prohibir el idioma catalán y la cultura catalana. El régimen de la dictadura contribuyó en gran medida al crecimiento del nacionalismo en la región debido a la política de aquel tiempo, muy negativa para las tradiciones étnicas, culturales e históricas de Cataluña. En 1978, con la aprobación y ratificación de la Constitución española, la comunidad catalana recupera el estatus de república federativa y la lengua catalana obtiene reconocimiento oficial.

Es importante subrayar que, previamente, el movimiento nacionalista se limitaba a reclamar una ampliación de derechos de la región, siempre como parte integrante del país. Sin embargo, el objetivo actual es la independencia de Cataluña.³ Históricamente, este tipo de tendencias se afianzan cuando gozan de una situación geográfica favorable y otras características beneficiosas. Durante muchos siglos, Cataluña desempeñó un papel muy importante en el comercio exterior y también en la conformación y el fortalecimiento del propio Reino de España.

Las tendencias separatistas actuales se explican en gran medida por el hecho de que tanto Cataluña como el País Vasco son los centros industriales más importantes del país y las comunidades más desarrolladas en términos generales. En otras regiones, como Andalucía, Extremadura, Murcia o Castilla-La Mancha, las condiciones para el desarrollo de la agricultura son muy desfavorables debido a la sequedad del clima. Por tanto, las provincias españolas menos desarrolladas necesitan contribuciones que, básicamente, reciben del País Vasco y Cataluña. El descontento de estas comunidades con esta situación, es decir, con el uso de sus recursos para garantizar el bienestar económico de otras regiones del país, nutre las tendencias separatistas. Según los datos del Centro de Documentación y Estudios de San Sebastián,⁴ el País Vasco destina el 3,1% de su PIB (producto interior bruto) a ayudas sociales, frente al 0,3% que se destina en España. Los vascos, con una población de 2,1 millones de personas, aportan alrededor de 450 millones de euros al presupuesto nacional, mientras que los catalanes, con una población de 7,5 millones de personas, aportan menos

1 Добров Д. Состоится ли независимость Каталонии? [Электронный ресурс] // ИноСМИ. 1 августа 2014 г.

URL: <https://inosmi.ru/world/20140801/222084465.html> (дата обращения: 01.10.2020).

2 Solé Tura 1970, 23-25.

3 Хенкин С.М. Испания: испытание Каталонией [Электронный ресурс] // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. 14 января 2013 г. URL: http://www.perspektivy.info/окумена/europe/испанija_испытаниje_katalonije_2013-01-14.htm (дата обращения: 01.10.2020).

4 Centro de Documentación y Estudios de San Sebastián, accessed October 1, 2020, <http://www.siiis.net/>.

de 173 millones de euros, según datos del investigador Joan Subirats, director del Instituto de Gobierno y Políticas Públicas de la Universidad Autónoma de Barcelona.¹ Basándonos en estos datos estadísticos, podemos concluir que la brecha en el desarrollo de las regiones resulta evidente y que las dos comunidades más desarrolladas del país no están dispuestas a sostener económicamente a toda España.

Siglo XXI: continúan los problemas

Exponemos brevemente los acontecimientos más relevantes del siglo XXI a este respecto y sus posibles consecuencias. La crisis financiera del año 2008 agravó las contradicciones existentes: el descontento de los catalanes por la obligación de financiar a toda España y la inestabilidad económica general reavivaron el movimiento separatista en Cataluña, expresado en términos pacíficos, a diferencia del País Vasco, donde la organización terrorista nacionalista ETA renunció a la lucha armada tan sólo en el año 2011.

Cabe mencionar el conocido proyecto del Estatuto de Autonomía de Cataluña de 2006, en cuyo preámbulo se define a Cataluña como nación, una declaración contraria a lo estipulado en la Constitución española. El proyecto del Estatuto originó el descontento de Madrid. La oposición más intensa la llevó a cabo el Partido Popular, impugnando 187 artículos.² A raíz de las elecciones autonómicas de 2012, el Parlamento de Cataluña se conformó con una mayoría de diputados que apoyaban el independentismo catalán. En 2014, el deseo de celebrar el referéndum sobre la independencia tropezó con una fuerte resistencia jurídica por parte del Tribunal Constitucional de España y del Congreso de los Diputados, que se referían a la imposibilidad de celebrar un referéndum de estas características en el marco de la Constitución actual. Por esta razón, la Generalidad de Cataluña decidió anular el referéndum y sustituirlo por una consulta participativa que fue celebrada el 9 de noviembre de 2014. Esta consulta no tenía ningún peso jurídico y estaba prohibida por las autoridades oficiales de España.

En 2015 se celebraron en Cataluña nuevas elecciones anticipadas, en las que los partidos separatistas obtuvieron la mayoría de los escaños, aunque el porcentaje de los votos obtenidos por estos partidos no alcanzó el 50 por ciento de los sufragios.³ El 5 de noviembre de 2015, el Parlamento de Cataluña aprobó una resolución en la que se proclamaba el inicio del proceso separatista de España. Los líderes de los partidos ganadores declararon la intención de crear una hoja de ruta para la independencia de la región que incluía una nueva constitución y nuevas estructuras estatales. En diciembre de ese mismo año, el Tribunal Constitucional de España declaró inconstitucional la resolución sobre la independencia en Cataluña.⁴

Finalmente, el 1 de octubre de 2017 se celebró el referéndum sobre la independencia sin el reconocimiento de las autoridades españolas. Según los datos de la Generalidad, el 90,2% de los votantes se pronunció a favor de la independencia y el 7,8% en contra.⁵ Sin embargo, estos resultados no reflejan el equilibrio real de fuerzas dado que sólo participó el 43% del electorado con derecho a voto. La situación actual concluye con una victoria rotunda de las autoridades españolas.⁶ Además, hay que subrayar que Cataluña debió

1 "Joan Subirats. Universidad de Barcelona," Coursera, accessed October 1, 2020, <https://www.coursera.org/instructor/joan-subirats-h>.

2 Хенкин 2013.

3 Khenkin 2018.

4 Суд Испании признал отделение Каталонии неконституционным [Электронный ресурс] // BBC News. Русская служба. 2 декабря 2015 г. URL: https://www.bbc.com/russian/news/2015/12/151202_spain_catalonia_ruling (дата обращения: 01.10.2020).

5 "El 90.18% votó sí y la participación fue del 43%, según datos definitivos," *EITB*, October 7, 2017, <https://www.eitb.eus/es/noticias/politica/detalle/5129009/resultados-definitivos-referendum-cataluna-1-octubre-2017/>.

6 Verbitskaya et al. 2018, 16-17.

afrontar una serie de problemas serios como consecuencia del referéndum realizado, de los cuales el más importante fue la aplicación, por parte del gobierno de España, del artículo 155 de la Constitución, según el cual la gestión de la comunidad autónoma pasa a manos del gobierno central de Madrid.¹ Sin embargo, la llegada del nuevo gobierno autonómico encabezado por Quim Torra en junio de 2018 puso fin a esta situación.²

En cuanto al electorado, la brecha creciente no sólo existe entre el Gobierno de Cataluña y las autoridades españolas, sino también dentro de la propia sociedad catalana. Según los datos de los sociólogos, los sectores más pudientes de la sociedad, así como la población rural, los emigrantes de otras partes de España y los ciudadanos cuya lengua materna es el catalán son los más partidarios de la separación.³

La postura de la Unión Europea

Analizamos a continuación la postura de la Unión Europea frente al nacionalismo en general y a los acontecimientos de Cataluña en particular. Los documentos de la Unión Europea expresan con frecuencia que "las regiones son órganos operativos y tejido institucional de la Unión."⁴ En 1988, el Parlamento Europeo adoptó La Carta Europea de Autonomía Local. La retórica de la modernización de los estados, incluso de su regionalización, se inscribe en las nociones de la Unión Europea sobre los estados modernos, su funcionamiento y su desarrollo. Los elementos de federalización de Europa quedaron garantizados en el Tratado de la UE (Tratado de Maastricht) y en el Tratado de Lisboa. Hoy en día, la Unión Europea es una unión de estados que han delegado parte de sus poderes a un nivel supranacional, razón por la cual están obligados a tomar en cuenta la postura de la UE.⁵ El Tratado de Maastricht no sólo permitió crear un mercado común de bienes y servicios, una moneda única y una condición de ciudadanía, sino que también contribuyó a dar mayor protagonismo a las regiones de la Unión Europea, que desde entonces se consideran actores de la Unión. De este modo, las regiones pueden presentar enmiendas y recomendaciones en el Consejo de Europa y en la Comisión Europea sobre asuntos directamente relacionados con sus intereses. A nuestro modo de ver, la eficiencia de esta cooperación es discutible puesto que la Unión Europea considera, en primer lugar, la postura de los Estados miembros ante lo que denomina "el descontento de Cataluña y el País Vasco", las regiones más avanzadas de España. Estas dos regiones, junto con Navarra y Galicia, abogaron por la posibilidad de defender sus propios intereses directamente en Bruselas. Para ello se crearon organizaciones especiales, como el Comité Europeo de las Regiones, aunque tampoco esto significa que haya carta blanca puesto que su eficacia queda comprometida debido al carácter recomendatorio y asesor de la organización. La postura del gobierno central de Madrid hacia este tipo de iniciativas es clara: a las estructuras administrativas de España les preocupa la posibilidad de ampliar los poderes de sus regiones y temen una nueva oleada de separatismos, no sólo en el país sino en toda Europa, si se permitiera un diálogo directo entre las autonomías y Bruselas.

A pesar de la federalización formalmente establecida, la Unión Europea no apoya el fenómeno del separatismo y observa con atención los acontecimientos de Cataluña, por no mencionar el inédito referéndum de Reino Unido y los acontecimientos de enero de 2020. Cabe recordar aquí un punto negro de la historia de la Unión Europea: bajo la presión

1 Fernando Simón Yarza, "Sobre el artículo 155 de la Constitución," *El País*, October 23, 2017, https://elpais.com/elpais/2017/10/22/opinion/1508674821_627304.html.

2 Camilo S. Baquero, "El nuevo Gobierno catalán toma posesión y pone fin a la intervención de la autonomía," *El País*, June 3, 2018, https://elpais.com/ccaa/2018/06/02/catalunya/1527933778_813805.html.

3 Fontelles et al. 2017, 22-26.

4 Busygina and Zakharov 2009, 191-192.

5 Volkova 2014, 296-297.

de EE. UU., la UE tuvo que reconocer la independencia de Kosovo, a pesar que no hubo un referéndum oficial sino nominativo. Esto, sumado a otras situaciones de índole parecida, permite hablar de una especie de política de “doble rasero” a otros países. En general, puede decirse que los acontecimientos de la Unión tras la caída del Muro de Berlín en 1989 fueron hasta cierto punto contradictorios y polémicos: se modificó todo el mapa de Europa, desde la reunificación alemana hasta la desintegración de Yugoslavia y Checoslovaquia. La disolución de la Unión Soviética también jugó un papel importante desde el punto de vista geopolítico. Como resultado de este proceso surgieron 15 países sin experiencia en la construcción del estado y el sistema estatal, muy dependientes de la URSS, que se encontraron en una situación económica y social muy difícil. Con el paso de los años, o de décadas, la situación se fue normalizando en países como Bielorrusia, Kazajistán, Armenia y Rusia. Este tipo de problemas también se da en territorios ocupados, como la República Turca del Norte de Chipre. Al mismo tiempo, a menudo se repite la tesis de la firmeza de las fronteras como garantía de seguridad de la Unión Europea.

La Constitución de la Unión Europea establece que si la nueva región independiente de uno de sus Estados miembros quiere incorporarse a la Unión, es obligatorio el consenso de dicho Estado.¹ De este modo, la Unión Europea limita considerablemente la posibilidad de independencia de las autonomías y las regiones que quieran separarse, ya que al no formar parte de la UE pierden automáticamente los privilegios y beneficios de la Unión, como el libre tráfico de mercancías, personas y capitales, y esto afectaría directamente a su economía, que sería más vulnerable y débil, con la obligación añadida de adoptar una nueva moneda distinta al euro, etc.² Además, los políticos españoles no apoyan la iniciativa de los catalanes, sino que se pronuncian a favor de la integridad del estado. Por otra parte, cabe resaltar el marcado espíritu de los españoles respecto al patriotismo y al concepto de una España unida, un país formado por 17 autonomías que conciben como el resultado de un proceso histórico al que no están dispuestos a renunciar, por lo tanto se muestran contrarios en general a la separación de las regiones más nacionalistas del país, que debe permanecer unido. Observamos, por tanto, una postura contraria al fenómeno del separatismo tanto a nivel político como a nivel social.

En el caso del referéndum el 1 de octubre de 2017, los países de la Unión Europea expresaron su apoyo al gobierno de España y subrayaron que el referéndum era ilegal. Además, mencionaron que el problema debía resolverse a través del diálogo entre las partes y con arreglo a la Constitución española. Una de las primeras personas que se pronunció a favor del gobierno oficial de España fue el presidente del Consejo Europeo (CE), Donald Tusk, que indicó que el gobierno central de Madrid sería “el único interlocutor” de la Unión Europea.³ De la misma manera, el presidente del Parlamento Europeo señaló que la legalidad es la base del diálogo con la Unión Europea y que ninguno de los países europeos reconocería la declaración de independencia de Cataluña.⁴

Con anterioridad a la celebración del referéndum, los representantes regionales de Cataluña trataron de recabar apoyos de la Unión Europea, sin éxito. La postura de la UE frente a los problemas de Cataluña fue un varapalo para las autoridades catalanas y, a la vez, fortaleció la postura del gobierno oficial de España. En estas circunstancias, los representantes catalanes decidieron defender su postura mediante una exposición

1 “Tratado por el que se establece una Constitución para Europa,” Unión Europea, accessed October 1, 2020, https://europa.eu/european-union/sites/europaeu/files/docs/body/treaty_establishing_a_constitution_for_europe_es.pdf.

2 Klochko 2012, 90-121.

3 “Sueño separatista en peligro: el mundo se opone a un Estado catalán,” *HispanTV*, October 27, 2017, <http://www.hispantv.com/noticias/espana/357827/reacciones-internacionales-independencia-cataluna-parlament>.

4 Ibid.

mediática muy activa e influyente en la opinión pública internacional.¹ La postura de la Unión Europea es clara y evidente: no desea establecer nuevos precedentes. El expresidente de la Comisión Europea, Jean-Claude Juncker, señaló que se trata de un asunto interno de España; por tanto, la solución depende sólo de España y, en cualquier caso, el nuevo estado no formaría parte de la Unión Europea. Además, alentó a las partes a iniciar un diálogo abierto y subrayó que la violencia nunca contribuye a resolver conflictos.² En general, los países europeos y latinoamericanos también afirmaron con rotundidad que España debía tomar medidas para desescalar el conflicto con esta comunidad autónoma. Toda la responsabilidad de la solución de la crisis recayó en España³, que reaccionó con rigidez, utilizó métodos radicales y prohibió huelgas y manifestaciones, desestimando el diálogo abierto con los representantes de Cataluña.

Cabe agregar que, en la actualidad, se observa en el mundo una tendencia más marcada hacia la unidad que hacia el separatismo. Son corrientes que, sin ser necesariamente contrarias al separatismo, pueden explicarse como un deseo de los países de conservar el status quo, o de buscar una salida económica y política ventajosa frente a una situación dada. Esta tendencia a la unidad se observa también a nivel regional. Por ejemplo, en América Latina hay organizaciones como UNASUR, ALBA, CELAC, etc., que representan estos intereses de unidad; en África, la Unión Africana; en Oriente Medio, la Liga Árabe. Los principios de unidad se han fortalecido, aunque también hay tendencias separatistas. Un ejemplo muy actual es la situación de Reino Unido, con un referéndum en el que la población votó la salida de Reino Unido de la Unión Europea, lo que resultó sorprendente incluso para algunos politólogos y políticos británicos.

El problema de la Unión Europea reside en la crisis actual de la civilización europea.⁴ Por lo general, los procesos de desintegración de Europa son por causa de un alejamiento de los valores tradicionales, la liberalización de su cultura y la debilitación de los valores religiosos. Además, la Unión afronta serios problemas relativos a la desigualdad del desarrollo económico entre los países del sur y del norte, el envejecimiento de la población y la situación actual de la pandemia de coronavirus que padece el mundo entero, si bien cada país lo afronta a su manera, incluso dentro de la Unión Europea, lo que contribuye a disminuir la confianza de sus Estados miembros. Como es natural, todo ello influye en la situación de la Unión Europea y su política, y dificulta la relación entre los estados.

Independencia de Cataluña: consecuencias posibles para la comunidad autónoma

En la última parte del artículo analizamos teóricamente las posibles consecuencias de la independencia de Cataluña y los numerosos problemas que tendría que superar, llegado el caso. En lo que respecta a la consulta participativa de 2014 y el referéndum por la independencia de Cataluña de 2017, la comunidad autónoma menciona el precedente de Kosovo. Si Kosovo puede hacerlo, ¿por qué no podemos nosotros? Sin embargo, las autoridades catalanas desestimaron varios factores fundamentales, así como los riesgos y dificultades que atravesaría la comunidad. En primer lugar, la imposibilidad de ser parte integrante de la UE dado que España declaró oficialmente que no aceptaría a Cataluña y

1 Matveeva and Ol'shanskaya 2020, 153.

2 "Statement on the events in Catalonia," European Commission, October 2, 2107, https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_17_3626.

3 García 2019, 13-60.

4 Попов В. Кризис европейской цивилизации [Электронный ресурс] // Независимая газета.

14 ноября 2011 г.

URL: https://nvo.ng.ru/dipkurer/2011-11-14/10_crisis.html (дата обращения: 01.10.2020).

tampoco está claro que permita la celebración de un referéndum legal. En segundo lugar, la necesidad de adoptar una moneda nueva, dado que quedaría excluida de la zona euro en caso de independizarse. En tercer lugar, Cataluña tendría que afrontar serias dificultades económicas debido, en parte, a la falta de demanda de productos catalanes fuera de España. En la actualidad, la mayor parte de la demanda de los productos de esta comunidad autónoma procede del país, más que de la Unión Europea. Por tanto, la creación del nuevo estado independiente exige la búsqueda inmediata de nuevos mercados para sus productos, lo que puede resultar difícil si consideramos que podría perder las prestaciones arancelarias de la Unión Europea. La producción orientada a la exportación podría ser deficitaria y por lo tanto la rentabilidad de la mercancía se vería reducida,¹ lo que tendría efectos muy negativos en la economía de Cataluña. En cuarto lugar, es importante tener en cuenta que los problemas económicos influirán sin duda en otras esferas, sobre todo el turismo, que será menos atractivo debido al aumento de los precios. Al mismo tiempo, la economía de España también sufriría en gran medida ante la pérdida de las contribuciones de Cataluña en muchas regiones del país, como ya hemos mencionado anteriormente.

* * *

El fenómeno del separatismo resulta muy preocupante para la Unión Europea porque conduce a la ruptura de las relaciones económicas, la desaceleración general de la economía, la inestabilidad social y porque podría servir de precedente para procesos separatistas futuros. En la Unión Europea se observan varias tendencias separatistas, además de la situación de Cataluña: en Bélgica hay un nacionalismo no explícito, igual que en la región noreste de Italia, cuya agricultura sufrió un serio revés tras la aplicación de las sanciones a Rusia, etc. En este contexto, para la UE es de vital importancia establecer políticas dirigidas a consolidar la autoridad de los Estados miembros, pese a que las tendencias actuales puedan demostrar lo contrario. Además, la Unión Europea debería abandonar la llamada política de "doble rasero" y tener en cuenta la experiencia pasada en su futuro accionar.

→ Referencias / References

- Fontelles, Josep Borrell, Francesc de Carreras, Juan-José López Burniol, and Josep Piqué. *Escucha, Cataluña. Escucha, España: Cuatro voces a favor del entendimiento y contra la secesión* [Listen, Catalonia. Listen, Spain: Four voices for understanding and against secession]. Madrid: Ediciones Peninsula, 2017. 336 p. [In Spanish]
- García, Romualdo Bermejo. "La Crisis Catalana y el Desgobierno de los Gobiernos de España" [The Catalan crisis and the mismanagement of the governments of Spain]. *Anuario Español de Derecho Internacional* 35 (2019): 13-60. <https://doi.org/10.15581/010.35.13-60>. [In Spanish]
- Solé Tura, Jordi. *Catalanismo y revolución burguesa* [Catalanism and the Bourgeois Revolution]. Madrid: Cuadernos para el Diálogo, 1970. [In Spanish]
- Walker, Neil. "Internal enlargement in the European Union: Beyond legalism and political expediency." In *Secession from a Member State and Withdrawal from the European Union*, edited by Carlos Closa, 32-47. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. <https://doi.org/10.1017/9781316771464.003>.
- Weiler, J.H.H. "Secessionism and its discontents." In *Secession from a Member State and Withdrawal from the European Union*, edited by Carlos Closa, 12-31. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. <https://doi.org/10.1017/9781316771464.002>.
- Бусыгина, И.М., Захаров, А.А. *Общественно-политический лексикон*. – М.: МГИМО-Университет, 2009. – 276 с. [Busygina, I.M., Zakharov, A.A. *Obshchestvenno-politicheskiy leksikon* [Social-Political Lexicon]. Moscow: MGIMO-University, 2009. 276 p.] [In Russian]

Вербицкая, Т.В. et al. Каталонский конфликт в Испании: последствия для Европейского Союза // *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. – 2018. – №4. – С. 13-18. [Verbitskaya, T.V. et al. "Katalonskii konflikt v Ispanii: posledstviya dlya Evropeiskogo Soyuza" [The Catalan conflict in Spain: consequences for the European Union]. *Vestnik KemGU. Series: Political, sociological and economic sciences* 4(2018): 13-18.] [In Russian]

Волкова, Г. *Испания и регионы. Политические вызовы и приоритеты XXI века*. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – 336 с. [Volkova, G. *Ispaniya i regiony. Politicheskie vyzovy i priority XXI veka [Spain and the regions: the political challenges and priorities of the 21st century]*. Moscow: MGIMO-University, 2014. 336 p.] [In Russian]

Клочко, Е. *Испания и Европейский союз. Политическое измерение*. – М.: Вебов, 2012. – 121 с. [Klochko, E. *Ispaniya i Evropeiskii soyuz. Politicheskoe izmerenie [Spain and the European Union. The political dimension]*. Moscow: Vebov, 2012. 121 p.] [In Russian]

Матвеева, Н.Ю., Ольшанская, Е.В. Социально-политические смыслы сторон испано-каталонского конфликта сквозь призму твиттер-коммуникаций // *Сравнительная политика*. – 2020. – №11(1). – С. 151-169. [Matveeva, N.YU., Ol'shanskaya, E.V. "Sotsial'no-politicheskie smysly storon ispano-katalonskogo konflikta skvoz' prizmu twitter-kommunikatsii" [Socio-political meanings of the parties to the Spain-Catalan conflict through the prism of twitter communications]. *Comparative Politics Russia* 11, no. 1 (2020): 151-169.] <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10012>. [In Russian]

Небасуй, М.С. Угроза безопасности стран ЕС в аспекте каталонской борьбы за независимость // *Архонт*. – 2017. – №3. – С. 13-17. [Nebasui, M.S. "Ugroza bezopasnosti stran ES v aspekte katalonskoi bor'by za nezavisimost'" [Threat to the security of the EU countries in the aspect of the Catalan struggle for independence]. // *Arhont*. 3 (2017): 13-17.] [In Russian]

Хенкин, С.М. Сепаратизм против государства: случай Каталонии // *Полис. Политические исследования*. – 2018. – №3. – С. 166-175. [Khenkin, S.M. "Separatizm protiv gosudarstva: sluchai Katalonii" [Separatism versus the state: the case of Catalonia]. *Polis (Russian Federation)* 3(2018): 166-175.] <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.11>. [In Russian]

The position of the European Union towards separatism in Catalonia

A.V. Makarycheva

→ Abstract

Secessionist sentiments are more common for the European Union than for other world regions. This tendency takes place to a large extent because of a crisis in the European values and religious traditions, and new priorities. Catalonia, as well as the Basque Country, tries to hold a direct dialogue with Brussels bypassing Madrid, which is accompanied with numerous difficulties: a discontent and warnings on the part of the official government of Spain, the necessity for the European Union to take into consideration the position of its member-state and many others. Despite the fact that regions started to play a more significant role in the European Union agenda, it still continues to follow the policy of a cautious attitude towards the autonomy separatism. Moreover, the EU tries to limit capabilities of the further existence and development of autonomies as independent states by institutional means. In addition, after the separation, a state is not yet a member of the European Union – it has to create new currency, it faces some economic problems. Given all these factors, autonomies will think twice before organizing a referendum, which is also difficult to hold, because it contradicts the Constitution of Spain.

→ Keywords

Nationalism in Catalonia, the European Union, integration and disintegration processes in Europe, separatism in Spain, referendum in Catalonia

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-65-75>

Research article

Anna Vladimirovna Makarycheva, PhD in Political Science, Research Assistant at the Laboratory of International Trends Analysis, Lecturer at the Spanish Department, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) (Russia)

E-mail:

makarycheva.a.v@my.mgimo.ru

For correspondence: 119454, Russia, Moscow, av. Vernadskogo, 76

For citation: Makárycheva, Ánna Vladímírovna. "La postura de la Unión Europea frente al separatismo en Cataluña" [The position of the European Union towards Separatism in Catalonia]. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 2 (2020): 65-75. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-65-75>. [In Spanish]

Received: 02.09.2020

Accepted: 05.10.2020

Позиция Европейского Союза по вопросу каталонского сепаратизма

А.В. Макарычева

→ Аннотация

Сепаратистские тенденции более характерны для Европейского Союза (ЕС), чем для всего остального мира. Данный факт объясняется прежде всего кризисом европейских ценностей, религиозной составляющей и новыми приоритетами. Намерение Каталонии, как и Страны Басков, вести прямой диалог с Брюсселем без участия Мадрида сопряжено с многочисленными трудностями: ключевое препятствие представляют недовольство и предупреждения со стороны испанского правительства в контексте необходимости учета Европейским Союзом официальных позиций государств-членов. Несмотря на то, что регионы стали занимать более видное место в повестке дня ЕС, руководство этого интеграционного объединения внимательно следит за положением автономий и не выступает в пользу сепаратизма. ЕС пытается ограничить активность и преобразование автономий в независимые государства, используя институциональные меры. Помимо этого, новое независимое государство не войдет автоматически в европейское пространство, поскольку перестанет быть частью ЕС и поэтому будет вынуждено решать ряд вопросов, таких как создание новой валюты и борьба с возможным экономическим кризисом, в дополнение к потенциальному недовольству снижением уровня жизни и социальными потрясениями. Все эти факторы влияют на принятие решений о референдуме, особенно когда речь заходит об оценке возможных последствий таких действий. Следует отметить, что при подобных обстоятельствах автономия будет с особой внимательностью подходить к вопросу о референдуме, в частности и потому, что данные шаги противоречат Конституции Испании.

→ Ключевые слова

Каталонский национализм, Европейский Союз, интеграционные процессы, референдум в Каталонии, сепаратизм в Испании, европейская дезинтеграция

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-65-75>

Исследовательская статья

Макарычева Анна Владимировна, к.полит.н., научный сотрудник Лаборатории анализа международных процессов, преподаватель Кафедры испанского языка МГИМО МИД России, Москва (Россия)

E-mail:

makarycheva.a.v@my.mgimo.ru

Для корреспонденции: 119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

Для цитирования: Makárycheva, Ánna Vladimirovna. "La postura de la Unión Europea frente al separatismo en Cataluña" [The position of the European Union towards Separatism in Catalonia]. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 2 (2020): 65-75. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-65-75>. [In Spanish]

Статья поступила в редакцию: 02.09.2020

Принята к публикации: 05.10.2020

Рецензии • Revisión

Каталонское противостояние: знать прошлое, чтобы понять будущее

М.В. Ларионова

В самом начале 2020 года в издательстве МГИМО вышло в свет обстоятельное научное исследование одной из самых острых и многосложных проблем современной испанской политической парадигмы – каталонского национализма. Автор монографии – кандидат исторических наук, профессор кафедры дипломатии МГИМО Александр Арсеньевич Орлов. Дипломат, политолог и историк А.А. Орлов предлагает читателю свой взгляд на феномен каталонского национализма, превратившегося в политическую силу, которая фактически поставила под угрозу единство испанской нации и территориальную целостность государства. Опубликованная монография занимает достойное место среди работ автора, а также в ряду научных исследований как историков и политологов, представляющих научную школу испанистики МГИМО, так и профессионалов-международников, работающих в иных научных центрах¹.

Непросто разобраться в хитросплетениях взаимных упреков и обид, накопившихся у центрального правительства и региональных каталонских политиков, долго и планомерно подливавших масло в огонь борьбы за национальную самобытность и независимость от сил и структур, этому якобы препятствующих. Необходимо понимать глубинные исторические корни, породившие сепаратистские настроения в Каталонии, а также осознавать современные политические просчеты, приведшие к резкому и для многих граждан страны неожиданному и неоправданному конфликту, окончательно вышедшему из-под контроля осенью 2017 года: каталонский референдум о независимости, расколовший общество, массовые протесты и уличные волнения; решительные, но лишённые столь необходимой тонкости политического искусства действия центральных властей; введение в силу 155 статьи испанской Конституции, практически отменившей каталонскую автономию за счет установления в регионе прямого правления из Мадрида; отсутствие диалога и новые протесты; решение о про-

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-76-80>

Рецензия

Ларионова Марина Владимировна, к.филол.н., доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России, Москва (Россия)

E-mail: larionova.m@list.ru

Для корреспонденции: 119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

Для цитирования: Ларионова М.В. Каталонское противостояние: знать прошлое, чтобы понять будущее. *Ибероамериканские тетради*. 2020, 8(2): 76–80. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-76-80>.

Рецензируемое издание: Орлов А.А. Национализм в истории Каталонии: прошлое и настоящее. – М.: МГИМО–Университет, 2020. – 550 с.

Материал поступил в редакцию: 01.08.2020

Принят к публикации: 02.09.2020

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

возглашении в одностороннем порядке независимости в парламенте Каталонии, так и не вступившее в силу, но не отмененное; аресты политиков-сепаратистов, бегство в Европу ряда пламенных борцов за независимую Каталонскую республику; решение Верховного суда по нарушившим Конституцию Испании и новые уличные беспорядки и погромы. Буква закона соблюдена; а что же его дух, глубинный смысл и высшая целесообразность, ориентированная на этические нормы и моральные ценности, закрепленные в тысячелетней национальной истории и культуре?

Автор монографии справедливо отмечает, что обе противоборствующие стороны искренне убеждены в правоте своих действий: центральные власти «в интересах всех граждан Испании» ведут борьбу за сохранение единства страны, а националистические силы Каталонии столь же непреклонно верят, что лишь с обретением Независимости их регион сможет процветать и развиваться наилучшим образом. Оправдывает ли цель средства? Не слишком ли высокую цену придется заплатить за призрачное благополучие, о котором твердят сепаратисты, игнорируя весьма неприятные факты того, что экономический рост в Каталонии замедлился, ее покидают многие компании, крупный бизнес переносит штаб-квартиры в более спокойные автономные области, и даже туристы, число которых заметно снизилось, все чаще планируют поездки в обход традиционных каталонских маршрутов, опасаясь беспорядков и уличного насилия? Не обернется ли обретение независимости одной территорией национальным потрясением для миллионов испанцев – и каталонцев, – не желающих разрушать единство своего государства и переживать еще одну гражданскую трагедию, подобную той, которая разобщила и разорила страну в 1936–1939 годах? Однако чем громче звучат голоса радикальных каталонских политиков, тем бóльшую силу обретает и испанский национализм.

Испанский националистический настрой неизбежно укрепляет позиции правых политических сил – вспомним электоральный триумф на всеобщих выборах 10 ноября 2019 года ультраправой партии Vox, – выступающих за принятие жестких мер в отношении каталонских сепаратистов. Складывается своеобразный замкнутый круг: жесткость позиции Мадрида лишь сильнее разжигает недовольство в националистических кругах Каталонии, расширяя их политическую и гражданскую поддержку. В качестве примера последней приведем созданную на волне массовых протестов октября 2019 года, вызванных недовольством в отношении приговора лидерам-сепаратистам, Интернет-платформу Tsunami Democràtic, взявшую на себя миссию координировать мирные акции гражданского неповиновения в автономии.

Гордиев узел проблем, порожденных каталонским кризисом, затягивается все туже, так как этому способствуют сложные социально-политические процессы, касающиеся как всего испанского государства, так и собственно Каталонии. Нельзя не учитывать тот факт, что политическая нестабильность, вызванная длительным институциональным кризисом, слабость недавно созданного коалиционного Правительства, не имеющего необходимого большинства в Парламенте и поэтому вынужденного постоянно «заигрывать» с националистическими фракциями в поисках поддержки, а также отсутствие у центральной власти четкой позиции и стратегии, способной снизить накалившийся конфликт, играют на руку сепаратистским кругам. С другой стороны, следует также принять во внимание, что внутри каталонского общества, разделившегося почти поровну, нет единства по вопросу выхода из Испании: практически половина граждан выступает против отделения Каталонии. Отсутствует консенсус и среди основных каталонских националистических партий, более заинтересованных в достижении собствен-

ных целей, не имеющих единой программы и не задумывающихся должным образом о последствиях своих действий.

Исследуя причины и предпосылки глубокой политической конфронтации, угрожающей национально-территориальному единству страны, автор монографии предлагает ретроспективный взгляд на историю образования и укрепления испанской нации и испанского государства, а также на процессы формирования каталонской самобытности, оценивая ее не в категориях региональной, а национальной истории. Подробно анализируя многовековую путь развития Пиренейского полуострова, А.А. Орлов подчеркивает, что, апеллируя к истории и культуре в поисках глубоких корней идентичности, каталонские националисты, в попытке навязать собственную волю всему испанскому государству, стремятся оправдать свое особое положение, якобы дающее им право политической независимости. В фокусе научного внимания автора монографии оказываются ключевые периоды и события испанской истории, анализируемые сквозь призму конфронтации центра и регионов: дороманская эпоха; романизация Пиренейского полуострова; арабская Конкиста; почти одновременно начавшаяся Реконкиста исконных земель; образование Испанской марки в 801 году; укрепление Барселонского графства как центра будущей Каталонии; Арагоно-каталонская уния XII века; средиземноморская экспансия Арагонской короны и роль в ней Каталонии; становление каталонского языка и создание собственных институтов власти, ставших частью каталонской специфики и ее опорой (в XIII веке – Кортесов, парламента, и в XIV веке – Женералитата, правительства); династический брак Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской в 1469 году; объединение Арагона и Кастилии и создание единой Испании; Война за испанское наследство и проигранная битва 11 сентября 1714 года (когда испанский король взял Барселону штурмом), впоследствии ставшая поводом для празднования Диады – главного торжества каталонских националистов, почитающих память защитников города; потеря автономии на многие десятилетия; затем бурная индустриализация региона со второй трети XIX века, что вновь дало повод для противопоставления «передовой» Каталонии «отсталой» Кастилии; появление Каталонского содружества в 1914 году и его крах в годы диктатуры М. Примо де Риверы; установление Второй республики в Испании и провозглашение 14 апреля 1931 года «Каталонского государства»; возрождение Женералитата и принятие автономного Статута Каталонии; гражданская война 1936–39 годов; поражение республиканцев; установление диктатуры Ф. Франко, почти на четыре десятилетия упразднившей автономию региона; жесткий запрет на использование каталонского языка и национальных традиций в общественной и бытовой сферах; последовавшее после смерти Ф. Франко и краха авторитарного режима восстановление автономии и институтов власти в регионе благодаря демократической конституции 1978 года; всплеск националистических настроений, несмотря на существенные уступки центральной власти региону, получившему собственный Статут, а также возможность контролировать собственную систему образования и СМИ; резкое обострение ситуации с конца 2017 года.

Предлагая читателям глубокое исследование современного политико-социального положения в Испании, А.А. Орлов справедливо замечает, что, вопреки ожиданиям, установление, развитие и укрепление демократических основ испанского общества не привело ни к снижению остроты национальных проблем, ни, в конечном счете, к их разрешению. Главное достижение испанской демократии – Конституция страны, провозгласившая государство автономий, поддержанная на всеиспанском

референдуме 1978 года абсолютным большинством проголосовавших за нее граждан; Конституция, под которой стоит подпись короля Испании; Конституция, защищающая территориальное единство государства, – оказалась неспособна гарантировать политическое равновесие и взаимное уважение между центром и регионами. Каталонский разлом и противостояние официального Мадрида и региона в национальном испанском контексте проецируется на другие автономии, где также весьма сильны националистические настроения.

Действующие правовые нормы, которые закрепляет испанская Конституция, запрещают проведение любого референдума о самоопределении автономных сообществ, если на то отсутствует санкция центральных властей. В октябре 2017 года испанский парламент отказал Каталонии в праве на всенародный плебисцит, что сделало голосование неконституционным и создало правовое основание для судебного преследования лидеров каталонских сепаратистов, способствовавших его организации. Складывается ситуация, при которой оправданные и законные действия центральных властей лишь больше накаляют обстановку и способствуют дальнейшему сплочению националистического движения в Каталонии и росту гражданских протестов в регионе. Таким образом, при существующем конституционном порядке в Испании каталонский кризис представляется на данном этапе неразрешимым. Отсутствуют и европейские правовые механизмы, регулирующие отделение или присоединение отдельных регионов стран-членов Европейского Союза, поэтому гипотетический выход Каталонии из состава Испании создал бы острейшую проблему и для ЕС.

А.А. Орлов не предлагает в своем исследовании конкретных рецептов для разрешения создавшейся ситуации, однако мудрость историка и опыт политика позволяют автору призвать к размышлению о том, какие действия следует предпринять, чтобы найти политическую формулу стабильности, которая поможет снять остроту конфликта и сохранить единство государства.

Монография А.А. Орлова представляет собой глубокий научный анализ каталонского кризиса в национальном, общеевропейском и глобальном контекстах. Она написана интересным языком, содержит убедительный аналитический и фактический материал и, безусловно, станет настоящим подарком для историков, политологов, профессионалов-международников, студентов и аспирантов, занимающихся испанской тематикой, а также для широкого круга лиц, интересующихся националистической конфликтологией в ее политическом аспекте.

→ Список литературы / References

Аникеева, Н.Е. *Очерки политической истории Испании (1982–2018 гг.)*. – М.: МГИМО-Университет, 2019. – 138 с. [Anikeeva, N.E. *Ocherki politicheskoi istorii Ispanii (1982–2018 gg.)* [Essays on the political history of Spain (1982–2018)]. Moscow: MGIMO University, 2019.] [In Russian]

Астахов, Е.М. *Испанский опыт организации внешнеэкономической деятельности // Иberoамериканские тетради*. – 2017. – №3. – С. 18–23. [Astakhov, E.M. "Ispanskii opyt organizatsii vneshneekonomicheskoi deyatel'nosti" [Spanish experience in organizing foreign economic activity]. *Cuadernos Iberoamericanos* 3 (2017): 18–23.] [In Russian]

Волкова, Г.И. *Испания и регионы: политические вызовы и приоритеты XXI века*. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – 336 с. [Volkova, G.I. *Ispaniya i regiony: politicheskie vyzovy i prioritety XXI veka* [Spain and the regions: political challenges and priorities of the 21st century]. Moscow: MGIMO University, 2014.] [In Russian]

- Кожановский, А.Н. Каталония: политический конфликт и историческая традиция / Мир. Вызовы глобального кризиса. Испания // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2013. – №7. – С. 46–48. [Kozhanovskii, A.N. "Kataloniya: politicheskii konflikt i istoricheskaya traditsiya" [Catalonia: political conflict and historical tradition]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* 7 (2013): 46–48.] [In Russian]
- Прохоренко, И.Л. *Территориальные сообщества в политическом пространстве современной Испании*. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – 100 с. [Prokhorenko, I.L. *Territorial'nye soobshchestva v politicheskom prostranstve sovremennoi Ispanii* [Territorial communities in the political space of modern Spain]. Moscow: IMEMO, 2010.] [In Russian]
- Попов, И.В. Сложный выбор Каталонии // *Международная жизнь*. – 2015. – №11. – С. 27–42. [Popov, I.V. "Slozhnyi vybor Katalonii" [Difficult choice of Catalonia]. *The International Affairs* 11 (2015): 27–42.] [In Russian]
- Хенкин, С.М. Сепаратизм против государства: случай Каталонии // *Полис. Политические исследования*. – 2018. – №3. – С. 166–175. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.11>. [Khenkin, S.M. "Separatizm protiv gosudarstva: sluchai Katalonii" [Separatism against the State: the Case of Catalonia]. *Polis. Political Studies* 3 (2018): 166–175.] [In Russian]
- Черкасова, Е.Г. Испания и кризис: политические аспекты // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2013. – № 9. – С. 33–41. [Cherkasova, E.G. "Ispaniya i krizis: politicheskie aspekty" [Spain and the crisis: political aspects]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* 9 (2013): 33–41.] [In Russian]
- Испания на фоне мирового кризиса* / Отв. ред. П.П. Яковлев. – М.: ИЛА РАН, 2011. – 220 с. [Yakovlev, P.P, ed. *Ispaniya na fone mirovogo krizisa* [Spain amid the global crisis]. Moscow: ILA RAS, 2011.] [In Russian]

Catalan confrontation: knowing the past to understand the future

M.V. Larionova

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-76-80>

Book review

Marina V. Larionova, PhD (Philology), Associate Professor, Chair of Spanish Language, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow (Russia)

E-mail: larionova.m@list.ru

For correspondence: 119454, Russia, Moscow, av. Vernadskogo, 76

For citation: Larionova M.V. Catalan confrontation: knowing the past to understand the future. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 2 (2020): 76–80. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-76-80>.

Book under review: Orlov A.A. Nationalism in the history of Catalonia: past and present. Moscow: MGIMO-University, 2020.

Received: 01.08.2020

Accepted: 02.09.2020

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Золотой фонд • Fondo de oro

Юрий Владимирович Дубинин: биографический очерк

И.В. Попов

7 октября 2020 года исполнилось 90 лет со дня рождения видного советского и российского дипломата Юрия Владимировича Дубинина.

Ю.В. Дубинин оставил яркий след в советской дипломатии периодов «холодной войны», разрядки и перестройки. Не менее значителен его вклад в реализацию внешнеполитического курса постсоветской России.

Говоря о Юрии Владимировиче, необходимо, прежде всего, отметить, что он принадлежал к плеяде замечательных советских дипломатов, которые сформировались как настоящие профессионалы в системе Московского государственного института международных отношений. Восьмой выпуск 1955 года, как и предыдущие семь, дал Министерству перспективную и профессионально подготовленную молодежь, из которой очень быстро сформировался новый костяк ведомства. Этой молодежи предстояло решать принципиально иные, чем ранее, задачи в сфере внешней политики Советского государства, которое по итогам войны превратилось в реальный центр силы мирового уровня.

В стенах МИД Ю.В. Дубинин сделал блестящую дипломатическую карьеру, которую можно изучать как образец для последующих поколений, несмотря на все отличия современных условий от периода послевоенного становления нашей дипломатической службы. Важно отметить, что эта карьера стала возможной благодаря объективным факторам, помноженным на выдающиеся личные качества, которые будущий посол неустанно развивал.

Стартовая площадка

Можно сказать, что Юрий Владимирович личным примером наглядно продемонстрировал работу социальных лифтов. Провинциальный молодой человек поступил в набиравший престиж вуз самостоятельно, за счет личных качеств. Движение к вершинам дипломатической карьеры он начал с самых начальных ступеней служебной лестницы, пройдя путь от стажера Посольства СССР во Франции до полномочного представителя страны в нескольких важных для советской (российской) дипломатии столицах мира: Мадрид, Нью-Йорк, Вашингтон, Париж, Киев.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-81-83>

Редакционный материал

Иван Владимирович Попов, к.ист.н., доцент кафедры дипломатии МГИМО, заместитель главного редактора журнала «Иberoамериканские тетради», Москва (Россия)

E-mail:

ivanvladpopov@gmail.com

Для корреспонденции: 119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

Для цитирования: Попов И.В. Юрий Владимирович Дубинин: биографический очерк. *Иberoамериканские тетради*. 2020, 8(2): 81-83. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-81-83>.

Материал поступил в редакцию: 26.10.2020

Принят к публикации: 14.11.2020

Личные качества

Ю.В. Дубинин имел отличную память, выдающиеся способности к иностранным языкам и, главное, – способность обретать новое знание на протяжении всей жизни. К этому необходимо добавить безупречный стиль делового письма, столь нужный в дипломатической профессии, умение расположить к себе самых разных собеседников: от убежденных западных антисоветчиков до высоких советских и российских (а позже – и украинских) бюрократов.

Тонкий психолог, Ю.В. Дубинин умел использовать субъективные моменты для решения практических задач любого уровня, которые Центр ставил перед своими зарубежными представительствами. Красивый и элегантный тандем, который он образовал со своей супругой Лианой Завеновной (также выпускницей МГИМО), был в центре общественного внимания, где и когда это было необходимо для дела.

Многогранность личности Ю.В. Дубинина подтверждается его широким кругозором. Он профессионально занимался практической политикой, страноведением, политической наукой и теорией переговоров; профессионально переводил художественные произведения на русский язык с его любимого французского. В то же время, все это органично было «заточено» под профессиональный успех.

Чувство долга

Вероятно, это – важнейшее качество для честного государственного служащего, тем более на стезе дипломатии. Ю.В. Дубинин образцово исполнял самые сложные и непростые поручения, которые ему выпадали на протяжении дипломатической карьеры.

Блестящий эксперт по Франции при необходимости переквалифицировался в специалиста по многосторонним переговорам самого высокого уровня в рамках процесса общеевропейской безопасности. После успеха в рамках СБСЕ – новая задача: развитие фактически с нуля советско-испанских отношений. Ю.В. Дубинин не только мастерски овладел испанским языком: он сумел расположить к себе представителей самых разных политических и общественных кругов страны, выходящей из многолетнего провинциализма франкистской полуизоляции – от коммунистов и левых республиканцев до политической, социальной и экономической элиты «глубинного» испанского государства.

По существу вся служебная карьера Ю.В. Дубинина – это смена, подчас радикальная, политического досье, которым ему надо было заниматься на уровне руководителя. В этом смысле особо следует выделить завершающий, «украинский» аккорд дипломатической службы Ю.В. Дубинина. С 1992 года он непосредственно участвовал в двусторонних переговорах с представителями Украины по судьбе Черноморского флота, а с 1996 до выхода в отставку в 1999 году – непосредственно в Киеве в качестве посла России закладывал основы межгосударственных отношений между двумя странами.

В свое время Министр иностранных дел С.В. Лавров охарактеризовал эту миссию Дубинина как: «...наверное, наиболее драматическое назначение ... в период, когда никто не понимал, что делать и что произошло. Это, конечно, был серьезный вызов для классического дипломата, который великолепно знал западное политическое направление, болел душой за события в своей стране и которому выпала доля решать серьезнейшие проблемы, начиная с вопроса о судьбе ядерного оружия на Украине, договоренностей по Черноморскому флоту». Сумев подняться над иллюзиями и шаблонами восприятия

советских времен, Ю.В. Дубинин вел жесткую и последовательную линию на защиту жизненных интересов России, добился эффективных договоренностей с украинскими партнерами по важнейшим вопросам обеспечения национальной безопасности РФ.

Будучи человеком долга, посол Ю.В. Дубинин жестко требовал того же от своих подчиненных. Работавшие с ним дипломаты отмечают его умение нацелить сотрудников на достижение конкретных результатов. Неукоснительная исполнительская дисциплина возглавлявшихся им коллективов в центральном аппарате или за рубежом достигалась «железной рукой в бархатной перчатке». Спокойствие и безукоризненная выдержка руководителя не делали менее убедительными его требования к качеству и объему поставленных задач. Корректно, но твердо посол мог поправить дипломата любого ранга, если на то была «производственная необходимость».

Наконец, нельзя не отметить исключительно плодотворный период творчества Ю.В. Дубинина после ухода в отставку из МИД. Вернувшись в альма-матер, Юрий Владимирович не только успел передать сотням будущих международников свой неоценимый опыт, но и оставил богатое мемуарное наследие, описав основные этапы своей работы на профессиональной стезе дипломата.

Yuri V. Dubinin: a biography

I.V. Popov

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-81-83>

Editorial

Ivan V. Popov, PhD (History), Associate Professor, Department of Diplomacy, MGIMO University; Deputy Editor-in-Chief, *Cuadernos Iberoamericanos*, Moscow (Russia)

E-mail:

ivanvladpopov@gmail.com

For correspondence: 119454, Russia, Moscow, av. Vernadskogo, 76

For citation: Popov I.V. Yuri V. Dubinin: a biography. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 2 (2020): 81-83. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-81-83>.

Received: 26.10.2020

Accepted: 14.11.2020

Золотой фонд • Fondo de oro

Круглый стол «Время перемен. К 90-летию Ю.В. Дубинина»

Е.А. Акифьева

→ Аннотация

7 октября 2020 года в МГИМО состоялся круглый стол в формате телемоста, посвященный 90-летию известного советского и российского дипломата Ю.В. Дубинина. Организаторами мероприятия выступили кафедра дипломатии МГИМО, семья Ю.В. Дубинина, а также Студенческий союз и Дипломатический клуб МГИМО.

Юрий Владимирович, выпускник МГИМО, внес большой вклад в отстаивание и продвижение интересов России на мировой арене, способствовал расширению и укреплению связей между Советским Союзом, а позже Россией, и западными государствами. Во время своей профессиональной карьеры Юрий Владимирович занимал ряд высоких должностей в МИД СССР и России: Чрезвычайного и Полномочного Посла в Испании, США, Франции и Украине, постоянного представителя России при ООН, заместителя Министра иностранных дел России, а на заключительном этапе своей профессиональной деятельности Ю.В. Дубинин делился своим профессиональным опытом в качестве профессора кафедры дипломатии МГИМО с будущими дипломатами нашей страны.

На круглом столе с докладами выступили коллеги Ю.В. Дубинина по дипломатической службе, которые в настоящий момент являются действующими дипломатами, представителями других органов государственной власти, научного и академического сообщества, а также члены семьи Ю.В. Дубинина.

→ Ключевые слова

Дубинин, дипломатия, МИД, Испания, Ибероамерика

7 октября 2020 года в МГИМО состоялся круглый стол, посвященный 90-летию известного советского и российского дипломата Юрия Владимировича Дубинина. В роли модератора мероприятия выступил заведующий кафедрой дипломатии МГИМО профессор А.Н. Панов. Началу конференции предшествовал показ короткого фильма о жизни Ю.В. Дубинина.

Круглый стол открыл ректор МГИМО, академик РАН **А.В. Торкунов**, зачитав участникам круглого стола обращение Министра иностранных дел России С.В. Лаврова, который был лично знаком с Ю.В. Дубининым. В своем обращении министр подчеркнул, что Ю.В. Дубинин прошел все ступеньки карьерной лестницы – от стажера до Чрезвычайного и Полномочного Посла и достойно представлял страну в Испании, США, Франции и на Украине. Также министр отметил, что после выхода в отставку дипломат вел плодот-

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-84-88>

Редакционный материал

Елизавета Андреевна Акифьева, магистр международных отношений МГИМО, Москва (Россия)

E-mail:
elizavetaakifeva@yandex.ru

Для корреспонденции: 119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

Для цитирования: Акифьева Е.А. Круглый стол «Время перемен. К 90-летию Ю.В. Дубинина». *Ибероамериканские тетради*. 2020, 8(2): 84–88. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-84-88>.

Материал поступил в редакцию: 22.10.2020

Принят к публикации: 15.11.2020

ворную научно-педагогическую и публицистическую деятельность, щедро делился своим богатейшим профессиональным и жизненным опытом. Ректор МГИМО кратко изложил биографию Ю.В. Дубинина, упомянув, что с молодых лет он уже был видным дипломатом, возглавлял Первый европейский департамент в Министерстве иностранных дел – один из важнейших отделов; также он внес большой вклад в работу кафедры дипломатии МГИМО, с самого начала взяв на себя миссию преподавания искусства переговоров. Ректор МГИМО подчеркнул, что Ю.В. Дубинин обладал гигантским опытом общения с совершенно разными дипломатическими школами – французской, американской и испанской.

Далее слово было предоставлено **И.С. Неверову**, начальнику управления Администрации Президента Российской Федерации по внешней политике. И.С. Неверов поделился своими воспоминаниями о дипломате и отметил, что Ю.В. Дубинин сыграл важную роль в его карьере и профессиональной жизни, одобрив его кандидатуру в качестве второго секретаря на работу в возглавляемое им посольство СССР в США в 1987 году. И.С. Неверов упомянул и такие важные карьерные вехи своего коллеги, как назначение послом в Испании, постоянным представителем в ООН и послом во Франции, а затем на Украине – важная работа в очень сложный на тот момент период. В завершение И.С. Неверов отметил, что, когда Юрий Владимирович вышел в отставку, он стал профессором МГИМО и сделал многое для воспитания следующего поколения дипломатов.

Далее модератор передал слово **А.Ю. Мешкову** – Чрезвычайному и Полномочному Послу России во Франции. Дипломат, рассказывая о карьере Ю.В. Дубинина, отметил, что Юрий Владимирович был вторым, а по большому счету – первым советским послом в Испании после огромного перерыва в период после гражданской войны. Это был уникальный опыт строительства отношений между двумя государствами – Советским Союзом и Испанией – практически с нуля. А.Ю. Мешков подчеркнул, что Юрий Владимирович много работал с кадрами и внес колоссальный вклад в формирование коллектива Министерства иностранных дел и загранучреждений. Также посол отметил значительные связи Юрия Владимировича в Испании – в частности, с председателем Коммунистической партии Испании Долорес Ибаррури и королем Хауном Карлосом I. Посол также отметил стремление Ю.В. Дубинина применить опыт Хельсинского процесса и сфер компетенций ОБСЕ к решению проблем в российско-украинских отношениях.

Своими воспоминаниями поделился **К.Н. Мозель**, российский дипломат в ранге Чрезвычайного и Полномочного Посла. К.Н. Мозель отметил две важнейшие вехи в карьере Ю.В. Дубинина – его работу и вклад в становление СБСЕ, а также в российско-французские отношения. В результате выдающейся деятельности дипломата в двусторонних и многосторонних отношениях создавалась практика диалога государств с различным социальным строем на высшем уровне. Более того, успехи в двусторонних российско-французских отношениях частично переносились и на многосторонние – на площадку ОБСЕ. Ю.В. Дубинин возглавлял «третью корзину» СБСЕ, посвященную гуманитарной повестке и вопросам разрядки, открытости, прав и свобод, а также воссоединения семей, которая изначально представляла наибольшую трудность для СССР в повестке отношений с западными партнерами. Благодаря усилиям Ю.В. Дубинина разногласия удалось преодолеть, и 10 принципов были закреплены и отражены в Хельсинкском Заключительном акте.

Жан Де Глиниasti, французский дипломат, Чрезвычайный и Полномочный Посол Франции в России с мая 2009 по октябрь 2013 года, также принял участие в круглом столе и поделился своими воспоминаниями о работе с Ю.В. Дубининым. Он отметил, что был наслышан о карьере и профессионализме Юрия Владимировича задолго до своего

назначения в Москву. Также посол упомянул одну из традиций российско–французских двусторонних отношений на тот момент: В посольстве национальный праздник отмечался дважды: сначала как официальный прием, а потом – как празднование, организованное Ассоциацией друзей Франции, которую на тот момент и возглавлял Юрий Владимирович. Дипломат отметил, что среди присутствующих на подобных мероприятиях были не только «друзья посольства», но и «друзья Франции» – преподаватели, учителя, различные специалисты, что, несомненно, укрепляло двусторонние отношения между государствами.

Далее выступил советский, американский и российский художник, скульптор **М.М. Шемякин**. Скульптор познакомился с Юрием Владимировичем в Вашингтоне. Усилиями Ю.В. Дубинина в Санкт-Петербурге в Петропавловской крепости была размещена скульптура Петра I авторства М.М. Шемякина, вывезенная из США. Также Ю.В. Дубинин открыл памятник Петру I во Франции, когда находился там в ранге Чрезвычайного и Полномочного Посла.

С докладом на тему перспектив развития российско–французских отношений выступила студентка МГИМО **М. Виноградова**. Было отмечено, что Ю.В. Дубинин посвятил большую часть своей жизни развитию отношений между двумя странами. И тот факт, что такой опытный и известный дипломат был назначен именно в Париж, подчеркивает важность французского направления во внешней политике России. В 2020 году также исполнилось 50 лет с начала российско–французского космического сотрудничества, активно развиваются экономические и культурные связи. В этом, без сомнения, есть заслуга и Ю.В. Дубинина.

Давид Чикваидзе, руководитель аппарата Генерального директора отделения ООН в Женеве, также рассказал о своей работе с Юрием Владимировичем (дипломат в течение четырех лет являлся помощником Ю.В. Дубинина). По его словам, их сотрудничество пришлось на непростое время, гласность еще не выкристаллизовалась в воображении западных партнеров, переговоры по ракетам средней и меньшей дальности были прерваны. Таким образом, Юрий Владимирович прибыл в Вашингтон в очень напряженный период. Было отмечено, что за время пребывания в Вашингтоне Юрий Владимирович и его супруга Лиана Завеновна настолько преуспели в установлении положительных отношений с американскими политическими и академическими кругами, что за время их пребывания в США, вместе с политикой гласности в СССР, посольство в Вашингтоне стало излюбленным местом для проведения разнообразных культурных мероприятий. Стоит упомянуть первый в истории ежегодный прием старейшей еврейской организации Бней-Брит в советском посольстве, а также проведение на его площадке выпускного вечера бойскаутов США. Более того, подобные мероприятия проводились не только в Вашингтоне, но и в различных городах США – Юрий Владимирович целенаправленно посещал их с советскими выставками или делегациями.

Далее слово было предоставлено заместителю Председателя Совета министров Республики Крым, Постоянному представителю Республики Крым при Президенте Российской Федерации **Г.Л. Мурадову**. Г.Л. Мурадов рассказал, что познакомился с Юрием Владимировичем, когда был прикомандирован к Правительству Москвы и после общался с ним в ходе работы в «Россотрудничестве». Г.Л. Мурадов подчеркнул, что Ю.В. Дубинин даже после своего ухода в отставку активно занимался научной и преподавательской деятельностью, делился своими знаниями с молодыми дипломатами. Г.Л. Мурадов также отметил творческий и научный вклад Юрия Владимировича: он рассказал о его трудах – интереснейших книгах о смысле всего того, что происходит на международной арене.

На круглом столе также присутствовал внук Ю.В. Дубинина, **Виктор Бекетов**. Он поделился семейными воспоминаниями о жизни и карьере дипломата, упомянув, что

тот владел многими языками, в том числе испанским, английским и французским в совершенстве, поддерживая данные навыки на протяжении всей своей жизни.

Затем слово взял **Е.М. Астахов**, профессор кафедры дипломатии МГИМО, Чрезвычайный и Полномочный Посол в отставке; кандидат исторических наук. Е.М. Астахов рассказал присутствовавшим, что у Ю.В. Дубинина была необычайная склонность к работе с информацией; дипломат также хорошо владел технологией продвижения имиджа своей страны. Юрий Владимирович предвидел задачу, которая сейчас является одной из самых важных в дипломатии. Так, он пользовался уважением местной испанской элиты, располагал связями на разных уровнях – от королевской семьи до Коммунистической партии. Таким образом, он умело отстаивал государственные интересы и выполнял разнообразные задачи информационного толка. Юрий Владимирович интуитивным образом понимал, что нужно делать и как правильно разговаривать с людьми. Е.М. Астахов также отметил работу Ю.В. Дубинина над заседаниями Мадридской встречи и упомянул о его умении проявлять жесткость на переговорах.

С речью на мероприятии выступил и **И.В. Попов**, доцент кафедры дипломатии МГИМО, кандидат исторических наук, который начинал свою деятельность под руководством Ю.В. Дубинина. И.В. Попов рассказал, как начинал свою карьеру по линии МИД под руководством А.Ю. Мешкова и Е.М. Астахова. И.В. Попов также поделился своей точкой зрения относительно важности работы супруги посла в выстраивании двусторонних отношений, и упомянул заслуги Лианы Завеновны в этой роли, когда она сопровождала супруга в разных странах. Особенно он отметил ее работу в Мадриде, когда Лиана Завеновна помогала Ю.В. Дубинину вводить новоприбывших дипломатов в коллектив и заботилась о том, чтобы весь посольский штат работал слаженно. Также И.В. Попов подчеркнул умение Юрия Владимировича сочетать различные стили дипломатических школ в своей работе, привнося тем самым новизну и эффективность в ежедневную работу по выстраиванию двусторонних отношений.

Затем слово было предоставлено кандидату исторических наук **Рубену Сергееву**. Р. Сергеев рассказал, что познакомился с Ю.В. Дубининым в 1978 году, когда дипломат готовился к своему отъезду в Испанию. Он также рассказал о вкладе Ю.В. Дубинина в заключение Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности в 1987 году. Юрий Владимирович высоко ценил данный Договор и считал его краеугольным камнем безопасности на европейском континенте, сравнивая его значимость с тремя «корзинами» СБСЕ, Договором об ограничении стратегических вооружений и Парижскими соглашениями об обычных вооружениях. Р. Сергеев отметил умение Ю.В. Дубинина рассматривать события в нескольких измерениях – в историческом, в их взаимосвязи с другими событиями сегодняшнего дня, а также проецировать последствия на будущее, чтобы спрогнозировать дальнейшее развитие процессов.

Далее выступил студент МГИМО **А. Филипчик** с докладом о вкладе Ю.В. Дубинина в развитие советско-испанских отношений. Наиболее важным пунктом было упомянуто восстановление отношений между СССР и Испанией, и, как отмечал сам Юрий Владимирович, «первый этап установления дипломатических отношений оказался крайне сложным». Это событие произошло 9 февраля 1977 года, спустя почти 40 лет после разрыва. В то же время существовало множество трудностей, которые препятствовали развитию этих отношений – советской и испанской дипломатии предстояло предпринять большое количество усилий для того, чтобы их восстановить. Сам Юрий Владимирович писал, что в развитии отношений между СССР и Испанией должно произойти «что-то по-настоящему крупное,

акция яркая, действие, заметное для всего мира». Так и случилось: в 1979 году, А.А. Громыко одобрил предложение Юрия Владимировича о приезде Короля Испании в СССР. Также стоит отметить, что приезд Хуана Карлоса I планировался вместе с супругой, которая была правнучкой русской княжны Ольги Константиновны. На протяжении следующих пяти лет шел очень долгий и трудоемкий процесс выстраивания отношений между Испанией и СССР вокруг идеи о том, что рано или поздно испанский король посетит Советский Союз, что и произошло в 1984 г.

Завершающее слово взяла **Н.Ю. Дубинина**, дочь Юрия Владимировича. Н.Ю. Дубинина отметила, что в выступлениях прозвучала заявка на продолжение разговора о Юрии Владимировиче, и выразила надежду на создание дискуссионной площадки для дальнейших встреч под эгидой Дипломатического клуба МГИМО и кафедры дипломатии МГИМО, подчеркнув, что располагает большим количеством документов и информации для продолжения подобной работы.

Times of change. A roundtable in memory of Yuri Dubinin

E.A. Akifyeva

→ Abstract

The roundtable in teleconference format dedicated to the 90th anniversary of a renowned Soviet and Russian diplomat Yuri Dubinin was held at MGIMO University on October 7, 2020. The event was organized by the Department of Diplomacy of the Moscow State Institute of International Relations, the family of Ambassador Dubinin, as well as by the MGIMO Student Union and MGIMO Diplomatic Club.

Yuri Dubinin, MGIMO graduate, has made a great contribution to promotion of Russia's interests on the world stage, contributed to expansion and strengthening of ties between the Soviet Union (and later Russia) and the Western countries. During his professional career Yuri Dubinin held a number of high-level positions at the Ministry of Foreign Affairs of the USSR and Russia, namely those of Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary to Spain, USA, France and Ukraine, Permanent Representative of Russia to the UN, Deputy Minister of Foreign Affairs of Russia; at the final stage of his career Ambassador Dubinin shared his professional experience with the future generation of diplomats serving as a Professor of the Department of Diplomacy of MGIMO University.

The roundtable presentations were made by Yuri Dubinin's colleagues from diplomatic corps who are currently serving as diplomats, representatives of other Russian state authorities and academic community, as well as members of Ambassador Dubinin's family.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-84-88>

Editorial

Elizaveta A. Akifyeva, Master in International Relations, MGIMO University, Moscow (Russia)

E-mail:

elizavetaakifeva@yandex.ru

For correspondence:

119454, Russia, Moscow,
av. Vernadskogo, 76

For citation: Akifyeva E.A.

Times of change. A roundtable in memory of Yuri Dubinin. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 2 (2020): 84–88. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-84-88>.

Received: 22.10.2020

Accepted: 15.11.2020

→ Keywords

Dubinin, diplomacy, Ministry of Foreign Affairs, Spain, Ibero-America

• Для авторов

Уважаемые коллеги! Подробная информация о журнале, требованиях к предоставляемым материалам, о редакционной политике и этических принципах доступна на официальном сайте по адресу: www.iberpapers.org. Рекомендуем внимательно ознакомиться с разделом «Прием статей». При оформлении списка литературы обязательно указывайте DOI цитируемых материалов. Подать рукопись статьи на рассмотрение можно через специальную форму на сайте.

Приветствуется указание идентификаторов автора: ПИНЦ Author ID, Scopus Author ID, Researcher ID, ORCID.

Точка зрения авторов, материалы которых публикуются в журнале «Иberoамериканские тетради», может не совпадать с мнением редакции.

→ ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ТЕТРАДИ

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Зарегистрирован

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77–78906 от 7 августа 2020 г.

Адрес редакции:

119454, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76

Тел./факс: +7 (495) 225-33-13

E-mail: submissions@iberpapers.org

Оформить подписку на журнал «Иberoамериканские тетради» можно в почтовом отделении по каталогу «Пресса России». Подписано в печать 25.12.2020.

Формат: 108×70/16. Оффсетная печать. Цена свободная
Объем: 7 уч.-изд. л. Тираж: 200 экз. Заказ № 864.
Издательство ИМИ МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

• Para los autores

¡Estimados colegas!

La información detallada sobre la revista, los lineamientos para los autores, la política editorial y los principios de la ética e integridad académicas están disponibles a través del siguiente enlace: www.iberpapers.org. Recomendamos examinar la sección sobre el envío de los documentos. Al dar formato a la lista de referencias, por favor, indiquen el DOI de los materiales citados. Como parte del envío de un manuscrito para que sea considerado para su publicación, se debe completar un formulario especial que se encuentra en el sitio web oficial de la revista.

Se recomienda a los autores a proporcionar la siguiente información: el ID del autor del Índice de Citación Científica de Rusia, el ID del autor del Scopus, el ID del investigador, ORCID.

El punto de vista de los autores cuyos materiales se publican en la revista «Cuadernos Iberoamericanos» puede no coincidir con la opinión de los editores de la revista.

→ CUADERNOS IBEROAMERICANOS

Fundador:

Instituto Estatal de Relaciones Internacionales de Moscú adjunto al Ministerio de Asuntos Exteriores de la Federación de Rusia (Universidad MGIMO)

Registrado

por el Servicio Federal de Supervisión de las Telecomunicaciones, Tecnologías de la Información y Medios de Comunicación (Roskomnadzor).

Certificado de Registro de Medios de Comunicación ПИ No. FS77-78906 de agosto 7, 2020

Datos de contacto del equipo de redacción:

76, Prospect Vernadskogo, Moscú Rusia, 119454

Tel/Fax: +7 (495) 225-33-13

E-mail: submissions@iberpapers.org

Puede suscribirse a la revista *Cuadernos Iberoamericanos* en la oficina de correos utilizando el catálogo «Prensa de Rusia».

Firmado para imprimir el 25.12.2020.

Formato: 108×70/16. Impresión offset. Prensa libre

Volumen: 7 pliegos editoriales. Tiraje: 200 ejemplares

Publicado por el Instituto de Estudios Internacionales de la Universidad MGIMO

76, Prospect Vernadskogo, Moscú, Rusia, 119454

Imprimido en el Departamento de la impresión instantánea y equipamiento de multiplicación de la Universidad MGIMO

76, Prospect Vernadskogo, Moscú, Rusia, 119454

• For authors

Dear colleagues! Detailed information on the journal, guidelines for authors, editorial policy and principles of academic ethics and integrity is available at the following link: www.iberpapers.org. We recommend examining the submission section of the website. When formatting the reference list please indicate DOI of the cited materials. In order to submit a manuscript to be considered for publication please fill in a special form on the official website of the journal.

Authors are encouraged to supply the following indicators: Author ID of the Russian Science Citation Index, Scopus Author ID, Researcher ID, ORCID.

→ IBEROAMERICAN PAPERS

Founder:

Federal State Autonomous Institution of Higher Education
"Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation"

Registered

by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
Mass Media Registration Certificate
ПИ № ФС77–57728 of April 18, 2014

Contacts of the Editorial Staff:

76, Prospect Vernadskogo, Moscow,
Russia, 119454
Ph./fax: +7 (495) 225-33-13
E-mail: submissions@iberpapers.org

You can subscribe to Cuadernos Iberoamericanos at your post office using the «Press of Russia» catalogue.

Signed to print on December 25, 2020.
Format: 108×70/16. Offset printing. Free price
Volume: 7 printer's sheets. Circulation: 200 copies
Published by the Institute for International Studies,
MGIMO University
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Printed in the Department
of Instant Printing and Multiplying Equipment,
MGIMO University
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Хосе Энрике де Айала →
José Enrique de Ayala

Елизавета Акифьева → Elizaveta Akifyeva

Александр Дунаев → Alexander Dunaev

Александра Куракина-Дамир →
Alexandra Kurakina-Damir

Марина Ларионова → Marina Larionova

Анна Макарычева → Anna Makarycheva

Иван Попов → Ivan Popov

Ирина Прохоренко → Irina Prokhorenko

ISSN 2658521-9

